

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

ТОРЧИЛИН Константин Евгеньевич

**ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В МЕХАНИЗМЕ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
(ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

И.Н. Сенякин

Саратов – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ПРАВА	17
1.1. Методологическая основа познания императивных норм.....	17
1.2. Сущность и юридическая природа императивных норм права.....	35
1.3. Функции императивных норм.....	66
ГЛАВА 2. МЕСТО И РОЛЬ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	87
2.1. Императивные нормы как структурный элемент механизма правового регулирования.....	87
2.2. Виды императивных норм и их особенности в механизме правового регулирования.....	103
2.3. Соотношение императивных норм и норм-запретов в механизме регламентации общественных отношений.....	147
ГЛАВА 3. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	167
3.1. Специфика правоотношений, возникающих на основе императивных норм.....	167
3.2. Императивные нормы и обход закона.....	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сложность и многообразие современных общественных отношений все отчетливее обозначают растущую необходимость в совершенствовании фундаментальных познаний об императивных нормах права. Они являются одним из исходных компонентов механизма правового регулирования и представляют особую значимость для всей российской правовой системы. Совокупность данных норм формирует стержень национального права, составляя весьма масштабный пласт, объективирующий императивный метод, как магистральное направление государственно-властного воздействия на общественные отношения. Эта разновидность норм выступает отправным инструментом регламентации и упорядочивания правовой жизни, образуя нормативную основу, обеспечивающую стабильность и создание благоприятных условий для устойчивого развития гражданского общества и правового государства. Высокая ценность императивных норм выражается в свойственной им всеобъемлющей, исключительной функциональной нагрузке, увеличивающейся по мере роста и усложнения разнородных, юридически значимых социальных связей, демонстрирующих важную составляющую процесса комплексного совершенствования механизма правового регулирования.

Постоянное развитие теоретических знаний о сущности, признаках, внутренней структуре, функциях и системных взаимосвязях с иными правовыми явлениями образуют совокупность важных научных задач в области системы права. При этом, с учетом статуса нормативного правового акта, как главенствующего источника права, степень решения поставленных задач непосредственно влияет на объяснительный, описательный и прогностический потенциал не только теории правовых норм, но и теории права в целом. Таким образом, динамика и эффективность исследовательской активности российского научного сообщества, в обозначенной области, рельефно отражаются на возможной полноте и комплексности осмысления множества дифференциро-

ванных государственно-правовых явлений и процессов всех отраслей российского права.

Потребности в постоянном расширении и в углублении познаний об императивных нормах, в числе прочих факторов, обуславливаются также нуждами практики. Среди них показательно выделяется необходимость реализации принципа научной обоснованности правотворчества. В современных социально-правовых реалиях, характеризующихся интенсивным реформированием и продолжающимся совершенствованием механизма правового регулирования, учет соответствующих знаний в процессе законодательной деятельности приобретает значение одного из обязательных условий составления качественной концептуальной основы правовых преобразований. В свою очередь, степень разработанности теоретических положений об императивных нормах определяет их потенциал, как методологического ресурса модернизации права, комплексно сказывающегося на качестве проектов нормативных правовых актов, в том числе — на цельности, последовательности и детальности упорядочивания общественных отношений в конкретной области, на уровне правовой защищенности их участников, а также на полноте устранения имеющейся проблемы в регламентации общеобязательных моделей поведения. Также надлежит отметить, что данные научные знания определяют ряд критериев оценки качества действующих норм, что позволяет локализовать и устранить недостатки управомачивающих, обязывающих или запрещающих юридических предписаний.

Изложенное дает основание для констатации особой теоретической и прикладной значимости фундаментальных исследований, направленных на получение системных, обоснованных и непротиворечивых познаний об императивных нормах права, их месте и роли в механизме государственно-правового регулирования.

Степень научной разработанности темы. Многие аспекты, составляющие концепцию императивных предписаний, на протяжении длительного времени получали развитие в теории правовых норм. Такая разработка осуществлялась в трудах С.С. Алексеева, Л.В. Афанасьевой, В.К. Бабаева,

М.И. Байтина, В.М. Баранова, С.А. Белоусова, А.А. Бессонова, С.А. Боровикова, А.Г. Братко, Н.А. Власенко, В.М. Волженкиной, Н.Н. Вопленко, И.А. Галагана, Т.В. Губаревой, Н.А. Гущиной, Б.А. Деготь, А.Н. Дудиной, В.А. Елеонского, Ю.С. Жицинского, А.П. Коренева, В.В. Ковалевой, Ю.В. Кудрявцева, В.Л. Кулапова, И.С. Лапшина, И.И. Лукашука, П.Е. Недбайло, Х.М. Омарова, В.С. Основина, А.Г. Пауля, Д.Е. Петрова, А.С. Пиголкина, О.В. Пискуновой, В.Н. Подкуйченко, В.В. Поповой, Т.Н. Радько, Н.Н. Рыбушкина, В.В. Савичева, И.Н. Сенякина, С.Ю. Суменкова, Ю.Г. Ткаченко, В.Л. Толстых, Ю.Ю. Томиловой, Е.М. Хохловой, Ю.В. Чугунова, А.А. Швецовой, А.Ф. Шебанова, К.В. Шундикова, Л.С. Явича и других правоведов.

Однако до последнего времени вне поле зрения правоведов остались вопросы, связанные с юридической природой, теоретической сущностью, отличительными признаками и закономерностями функционирования императивных норм права в механизме правового регулирования. Отмечая вклад в разработку различных аспектов использования императивных норм права в отраслевых юридических науках, внесенного А.А. Ильиным (конституционное право), А.Ю. Ключей и Л.Н. Шестаковым (международное право), А.Н. Жильцовым (международное частное право), Е.В. Грушевской, Э.А. Евстигнеевым, Ю.В. Ковалевой и А.В. Михайловым (гражданское право России), следует констатировать отсутствие специализированных фундаментальных исследований в области теории государства и права, выполненных на диссертационном или монографическом уровнях и посвященных непосредственному осмыслению императивных норм как особой разновидности норм права и отправного элемента механизма правового регулирования.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования является совокупность общественных отношений, связанных с проявлениями императивного метода в механизме правового регулирования. *Предметом* исследования выступают специфические закономерности функ-

ционирования императивных норм в механизме правового регулирования, а также совокупность связей, имманентно свойственных им.

Цель и задачи диссертационной работы. *Цель* научного поиска заключается в комплексной разработке и углублении знаний, образующих теоретическую концепцию императивных норм права как структурного компонента механизма правового регулирования. Для достижения намеченной цели определены следующие *задачи исследования*:

сформировать методологическую основу познания императивных норм права как компонента механизма правового регулирования;

рассмотреть конкретно-исторические особенности развития доктринальных представлений об императивных нормах, проанализировать и оценить состояние современных познаний о данной разновидности правовых норм, выработанных в теории государства и права;

раскрыть основные функции, императивных норм, определить устойчивые и исключительные особенности их функциональных проявлений;

охарактеризовать императивные нормы в качестве одного из структурных компонентов механизма правового регулирования;

осуществить систематизацию императивных норм права по ряду наиболее существенных критериев, рассмотреть специфику выделенных классификационных групп в механизме правового регулирования, раскрыть видовые отличительные признаки каждой конкретной разновидности императивных норм, определить их роль и значение в регламентации общественных отношений;

установить характер взаимосвязей, существующих между императивным методом и запрещающим способом правового регулирования;

выявить особенности, присущие сложной и многоуровневой системе правоотношений, возникающих на основе императивных норм в структуре механизма правового регулирования;

рассмотреть действия в обход закона как качественно новую форму противоправного поведения и проверить гипотезу о роли института противо-

действия обходу закона как механизма, направленного исключительно на обеспечение соблюдения предписаний императивных норм права.

Методологическая и теоретическая основы диссертации. Ведущее место в структуре комплексной *методологической основы* исследования императивных норм права занимает материалистическая диалектика. Данный всеобщий метод определил мировоззренческий подход к пониманию императивных норм права, задал систему принципов научного познания и ряд важнейших гносеологических установок. Кроме этого в процессе исследования также использовались исторический, системный и функциональный подходы.

На всех стадиях исследования широко применялись общенаучные, формально-логические методы, такие как анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия, абстрагирование, формализация, описание и объяснение, обеспечивающие полноту и последовательность изучения императивных норм права, а также аргументированность и непротиворечивость сформулированных положений, выводов и заключений.

Осмыслению вопросов, связанных с выработкой методологической основы диссертации и формированию оценок пригодности применения конкретных научных методов к достижению намеченной цели и решению поставленных задач исследования, посвящен первый параграф первой главы настоящей работы.

Теоретическая основа исследования представлена научной и учебной литературой в области теории государства и права, истории отечественного государства и права, истории и методологии юридической науки, философии права, правоведения, международного права, а также отраслевых юридических наук. При подготовке диссертации важное значение имели положения и выводы, содержащиеся в научных трудах в области теории правовых норм С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, В.Л. Кулапова, П.Е. Недбайло, Т.Н. Радько, И.Н. Сенякина, а также затрагивающие концепцию механизма правового регулирования идеи

В.В. Ковалевой, С.П. Нарыковой, А.Е. Рябова, Ю.Ю. Томиловой, Е.М. Хохловой, К.В. Шундикова.

Нормативно-эмпирическая база исследования включает Конституцию России, международные нормативные правовые акты и соглашения, федеральные конституционные законы, кодифицированные акты, федеральные законы, подзаконные и иные нормативные акты, формально-юридический анализ норм которых обеспечил эмпирическую обоснованность сформулированных умозаключений. Особое место в системе нормативных и эмпирических источников занимают правовые позиции Конституционного Суда РФ, содержащие легальное толкование норм Конституции РФ, а также разъяснения, выраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и в действующих постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, направленные на обеспечение единства правоприменительной практики.

Научная новизна диссертационной работы предопределяется недостаточным уровнем изученности императивных норм, их роли и места в механизме правового регулирования. Настоящая работа является одним из первых комплексных, общетеоретических исследований в котором:

сформирована методологическая основа научного познания о сущности императивных норм права, закономерностях их функционирования и развития, и представляющая ценность для поиска подходов к осуществлению иных исследований в области теории правовых норм;

показан процесс генезиса доктринальных представлений дореволюционных, советских и современных российских правоведов о юридической природе и социальной обусловленности императивных норм права;

обосновано, сформулировано и предложено авторское определение понятия «императивная норма права»;

раскрыты особенности, присущие только функциональным проявлениям императивных норм права в механизме правового регулирования;

осуществлена классификация исследуемого вида правовых норм по ряду критериев, установлена специфика выявленных разновидностей импера-

тивных норм в механизме государственно-правовой регламентации общественных отношений;

в сравнительном аспекте исследованы императивный метод и запрещающий способ правового регулирования, отмечены особенности их взаимодействия в процессе упорядочивания правовой жизни общества;

установлены характерные черты компонентов правоотношений, урегулированных императивными нормами права;

дана оценка запрету на обход закона в статусе отправного предписания механизма противодействия неправомерным и недобросовестным деяниям, направленным на преодоление категоричных правил поведения.

На защиту выносятся следующие основные теоретические положения:

1. Дается авторская трактовка *императивных норм права* как предписаний, закрепляющих юридические установления, содержащие строго обязательные правила поведения, исключающие всякую выходящую за пределы нормы вариативность их реализации, гарантирующие охраняемую государством стабильную, неукоснительную и унифицированную регламентацию прав, обязанностей и ответственности. Императивные нормы служат основным правообразующим инструментом в отраслях публичного права и имеют системозадающее значение для норм частного права.

Обосновывается критерий выделения императивных норм, коим является *императивный метод правового регулирования* как способ властно-распорядительного воздействия на общественные отношения выражающий наиболее существенные признаки императивных норм.

2. Выделены отличительные *признаки императивных норм права*, свойственные только этой разновидности предписаний. К ним относятся:

а) необходимая, существенная и устойчивая диалектическая взаимосвязь с императивным методом правового регулирования;

б) строгая обязательность правил поведения, закрепленных в императивной норме;

в) невозможность замены, изменения или отмены предписания императивной нормы по воле субъекта регулируемого или охраняемого данной нормой правоотношения, а также по соглашению сторон;

г) абсолютная степень формальной определенности содержащегося в императивной норме юридического предписания;

д) обеспечение соблюдения императивной нормы наиболее строгими мерами государственного принуждения.

3. Установлены особенности внешних многофункциональных проявлений императивных норм в механизме правового регулирования.

Специфика *регулятивной* функции отражает статус императивных норм как основного инструмента закрепления незыблемого правового положения субъекта и объекта права, содержания различных правоотношений.

Охранительная функция императивных норм исключительна для установления общеобязательных запретов на совершение противоправных деяний, обладающих признаком общественной опасности;

Специфика *конкретизирующей функции* состоит в том, что она обеспечивает последовательную преемственность между взаимосвязанными императивными нормами различной юридической силы на всех уровнях системы права и во всех сферах правового регулирования.

Воспитательная и *мотивирующая* функции осуществляются посредством метода принуждения, с помощью которого достигается необходимое воздействие на субъекта, обеспечивается превенция нарушений правовых предписаний.

Обосновывается вывод о том, что важнейшие специальные функции норм права — *системозадающая, учредительная* и *карательная* — с учетом их целевого назначения могут надлежащим образом выполняться только предписаниями императивных норм права.

4. Определяются место и роль императивных норм в механизме правового регулирования. Именно данный вид норм:

а) устанавливает внутреннюю иерархию и поддерживает стабильность строения родового понятия «правовые нормы» как отправного компонента механизма правового регулирования;

б) существенно сказывается на смысловом содержании предписаний норм материального и процессуального права, фиксируя строгие пределы упорядочивания всего многообразия общественных взаимосвязей, а также закрепляя важнейшие процедурные аспекты реализации, охраны и защиты конкретных правоотношений;

в) выражает концептуальные основы и целевые установки регламентации общественных отношений, в результате чего значительно влияет на направления развития каждой правовой отрасли и нижестоящих структурных компонентов системы права России;

г) инициирует возникновение и непрерывное развитие множества общественных отношений, обладающих признаком высокой социальной значимости;

д) обуславливает фактическое существование в праве, возможность реализации и применения, необходимость строгого соблюдения, а также реальную осуществимость судебной защиты норм, которые в установленном порядке были отменены или утратили силу.

5. Техничко-юридическая особенность императивных норм в механизме правового регулирования заключается в модульности, проявляющейся в возможностях законодателя комбинировать в конкретных правовых предписаниях не только признаки нескольких различных видов императивных норм, но и различающихся методов правового регулирования. Подобные отступления от идеальной теоретической модели императивной нормы права широко распространены и не являются законодательным дефектом в случаях, когда отвечают задачам правового регулирования в каждой конкретной сфере. При этом доказывается, что исключительно императивный характер предписаний всегда выступает неотъемлемым признаком *норм-начал*, *норм-принципов*, *определятельно-установочных норм* и *дефинитивных норм*.

6. Предлагается дополнить устоявшиеся познания о видах императивных норм, находящих применение в российском механизме правового регулирования (таких, как нормы частного и публичного права, материальные и процессуальные нормы, исходные, общие и специальные нормы, нормы законов и подзаконных нормативных актов, и др.). По классификационному критерию *технико-юридического подхода к обеспечению предписаний императивных норм мерами государственного принуждения* осуществлено их подразделение на три разновидности: императивные нормы, непосредственно снабженные специальной санкцией, императивные нормы, обеспеченные общими и специальными санкциями структурно обособленных правовых норм, и императивные нормы, не имеющие санкции.

7. Доказывается существование в механизме правового регулирования следующих исключительных областей применения императивных норм права:

определение отправного, незыблемого правового статуса человека и гражданина, организации и коллектива, установление и детализация их важнейших прав и свобод;

регламентация полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной властей, а также органов местного самоуправления;

закрепление мер неотвратимой юридической ответственности, иных принудительных мер и оснований для их применения к лицам, совершившим формально определенные, социально вредные и противоправные посягательства на конкретные правоотношения;

описание моделей поведения, точное следование которым участниками конкретных правоотношений обеспечивает соблюдение публичных и законных частных интересов;

регулирование процедурных отношений, возникающих в связи с реализацией, охраной и защитой материальных норм права, в ходе осуществления правоприменительной деятельности и правотворчества.

8. Аргументируется абсолютное превалирование императивных норм в качестве инструмента объективизации в нормативных актах запрещающего

способа правового регулирования с существованием в праве отдельных неимперативных запрещающих предписаний. Доказывается, что связь между сущностью определенного деяния и потребностью в запрещении его совершения императивной нормой детерминируется, во-первых, принадлежностью самому деянию или его последствиям признака общественной опасности; во-вторых, возникновением или существованием публичных либо отличающихся важностью и широкой распространенностью законных частных интересов в строгом и неукоснительном соблюдении определенных правил поведения; в-третьих, потребностями в исключении из правовой жизни либо минимизации деяний, нарушающих либо создающих угрозу нарушения прав или свобод, неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязанностей.

9. Обосновывается, что только в отдельных разновидностях правоотношений, урегулированных императивными нормами права, происходит реализация важнейших государственно-властных полномочий, существует, отвечающее целям правовой регламентации, юридическое неравенство субъектов и между ними имеют место отношения власти и подчинения, а также требуется обязательное участие органа или должностного лица, обладающего публично-правовой правосубъектностью.

10. Предлагается определение действий в обход закона с противоправной целью как поведения, направленного на достижение юридически значимого результата не способом, прямо предусмотренным законодательством, а путем недобросовестного использования других юридических конструкций. Доказано, что в механизме правового регулирования запрет на совершение действий в обход закона ориентирован не только на защиту и соблюдение императивных норм, а также адресуется субъектам, реализующим любые нормы гражданского законодательства.

Теоретическая значимость работы объясняется ее новизной, а также существованием системных доктринальных пробелов в области теории правовых норм и концепции механизма правового регулирования. В выработанных по результатам научного поиска положениях и умозаключениях осу-

ществлены систематизация и развитие знаний о правовых нормах, с использованием которых сформулированы выводы о сущности, признаках, структурных связях, функциях и роли императивных предписаний в механизме государственно-правового регулирования, что обусловило рост объема научных знаний в некоторых разделах теории государства и права. Важные, ранее не изученные аспекты разнородных проявлений императивных норм в механизме государственно-правовой регламентации общественных отношений, раскрыты при осуществлении типологии норм, сопряженной с анализом и подробной характеристикой выделяемых классификационных групп, а также видовых отличительных признаков каждой из их разновидностей. Предложено определение императивных норм права, уточняющее имеющийся понятийно-категориальный аппарат. Произведен структурный анализ правоотношений, возникающих на основании императивных норм права, в статусе компонента механизма правового регулирования и широко распространенного, социально значимого явления правовой действительности. Рассмотрен запрет на обход закона с противоправной целью как механизм защиты императивных норм права от качественно новой формы злоупотребления правом. Осуществлена постановка проблемы разработки принципа императивности в праве. Основные положения диссертационной работы могут быть использованы в качестве составной части теоретической основы исследований, связанных с дальнейшим познанием императивного метода и императивных норм права в механизме правового регулирования, а также при проведении иных фундаментальных исследований в области теории правовых норм, теории государства и права, историко-правовых и отраслевых юридических наук.

Практическая значимость исследования обусловлена востребованностью теоретических познаний об императивных нормах права для концептуального сопровождения правотворчества, достижения качественной научной обоснованности издаваемых правовых норм, совершенствования механизма правового регулирования. Полученные по результатам проведенного

исследования научные знания могут использоваться в правоприменительной деятельности, как при осуществлении государственно-властных полномочий, так и при реализации множества форм правовой активности субъектов в различных правоотношениях. Положения и выводы диссертационной работы могут применяться в образовательной деятельности, профессиональной подготовке и переподготовке специалистов, бакалавров, магистров, научных и научно-педагогических кадров по юридическим специальностям.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и положения работы опубликованы в рецензируемых научных периодических изданиях, отражены в выступлениях, докладах по теме диссертационного исследования на XII Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире» (г. Санкт-Петербург, 15 декабря 2015 г.); на круглом столе «Государственно-правовая политика современной России в сфере наказаний: проблемы теории и практики» (г. Тамбов, 25 октября 2017 г.); на совместной XVII Международной научно-практической конференции и XIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» «Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики» (г. Москва, 21–23 ноября 2017 г.); на международных научно-практических конференциях: «Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития» (г. Пенза, 10 ноября 2018 г.), «Юридические науки, правовое государство и современное законодательство» (г. Пенза, 10 декабря 2018 г.), а также обсуждены на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Положения и выводы диссертации также были внедрены в профессиональную служебную деятельность работников аппаратов отдельных судов общей юрисдикции и арбитражных судов Центрального федерального округа РФ.

Структура диссертации обусловлена особенностями предмета исследования, ее целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, вклю-

чающих в себя восемь параграфов, а также из заключения и библиографического списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ПРАВА

1.1. Методологическая основа познания императивных норм

Методологическая составляющая научно-исследовательской деятельности имеет особое значение для организации процесса познания и во многом определяет состоятельность результатов научного поиска. Как отметил Н.Н. Тарасов, «именно степень методологической разработанности, методологическая оснащенность любой современной науки решающим образом определяет ее эвристический потенциал, исследовательскую состоятельность и перспективы развития»¹. С данным суждением надлежит согласиться, поскольку оно аргументированно и соотносится с положениями философии науки об исключительном характере и функциях методологии научного познания. Трактующая как в качестве самостоятельной области знания, так и в статусе когнитивного раздела конкретной науки², методология аккумулирует совокупность выработанных и апробированных научным сообществом требований, адресованных субъекту научного познания, направленных на обеспечение эффективности, оптимизации и рационализации процесса получения и переосмысления теоретических и эмпирических знаний, чем предписывает наиболее продуктивные формы и алгоритмы данной деятельности, существующие в рамках постнеклассической парадигмы науки, а также содержит механизмы самокоррекции научного поиска. Представляется возможным утверждать, что состояние методологии и степень ее уяснения субъектом познания непосредственно влияют на качественные и количественные характеристики получаемых научных знаний, определяя пределы возможной динамики развития конкретной науки, ее онтологический, эвристический, гносео-

¹ Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 7.

² См.: Кохановский В.П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д, 1999. С. 167.

логический, прогностический и прикладной потенциал. В связи с изложенным закономерной видится отмеченная Л.А. Микешиной тенденция возрастания роли методологии в современной науке¹.

Характеризуя методологию в контексте проводимого исследования, надлежит обратить внимание на ряд следующих существенных обстоятельств.

Во-первых, анализ научной и учебной литературы в области философии науки позволяет сделать умозаключение о наличии полемики взглядов российских ученых на методологию научного познания. В частности, имеются основания констатировать разрозненность и конфронтацию доктринальных воззрений на такие значимые аспекты методологии, как ее сущность, функции и признаки, формально-логический объем содержания, характер структурных и функциональных взаимосвязей между ее внутренними элементами, а также между самой методологией и иными элементами науки. Дискуссионность присутствует также в прикладных вопросах, в том числе связанных с поиском порядка наиболее продуктивного использования совокупности познавательных процедур², обоснованием ценности и исследовательского потенциала конкретных принципов и методов научного познания.

Во-вторых, тесная взаимосвязь философии и правовой науки³ обуславливает присутствие аналогичных комплексов проблем и в юриспруденции. Осмысление доктринальных позиций правоведов позволяет утверждать, что взгляды ученых на состояние методологии теории государства и права, философии права, отраслевых, прикладных и историко-правовых наук носят преимущественно критический характер⁴. Причины данного положения, по

¹ См.: Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. М., 2005. С. 235.

² См.: Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М., 2007. С. 85–86.

³ См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М., 2012. С. 28.

⁴ См.: Матузов Н.И. О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 5–6.

мнению ряда правоведов, производны от радикальных изменений методологического и мировоззренческого характера, связанных с деактуализацией диалектико-материалистических гносеологических установок¹ в условиях неготовности научного сообщества к подобным переменам. При этом тенденции, направленные на устранение данного проблемного поля, до настоящего момента не сложились. Напротив, имеется острый недостаток внимания ученых-правоведов к актуальным вопросам методологии научного познания. Как обоснованно отметил в ряде научных трудов В.М. Сырых, в современной юриспруденции имеет место статика специальных метатеоретических² и методологических исследований³ с одновременной ориентацией правоведов на иные, не связанные с методологией теоретические и прикладные проблемы⁴. К аналогичным выводам пришел Н.Н. Тарасов, обративший внимание, кроме того, на традиционность отношения юристов к методологическим исследованиям как к исследованиям философского характера, не направленным на решение непосредственных задач юриспруденции⁵, и считавший подобный подход одним из детерминантов статуса методологии как одной из наименее разработанных областей юридической науки⁶.

В-третьих, в должной мере учитывая приведенные скептические оценки, представляется возможным констатировать наличие определенной совокупности теоретических знаний о методологии научного познания, носящих общепризнанный характер, аналитическое осмысление которых позволит образовать формально-логический объем методологической основы проводимого исследования. Разделяя суждение Н.А. Власенко и Н.А. Климентьева о том, что «метод познания зависит от композиции (комбинации) познаватель-

¹ См.: Тарасов Н.Н. Указ. раб. С. 16–17.

² См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки. С. 423–426.

³ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 42.

⁴ См.: Сырых В.М. Материалистическая диалектика как метод познания права и современность // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 154–155.

⁵ См.: Тарасов Н.Н. Указ раб. С. 10.

⁶ См.: Там же. С.16.

ных средств, а также от цели, поставленной познающим»¹, считаем целесообразным указать, что выработка метода познания императивных норм права лежит в плоскости выявления во всем богатстве методов юридической науки именно тех познавательных процедур, комплексное использование которых позволит достигнуть поставленной цели исследования. Подобный алгоритм продиктован необходимостью учета и аналитического сочетания, с одной стороны, требований принципа методологического плюрализма, а с другой — предметности как признака метода научного познания, которые находятся в некоторой конфронтации. Методологический плюрализм предписывает вовлечение в процесс научно-исследовательской деятельности как можно более широкого объема средств и способов познания, в то время как признак предметности, напротив, налагает ограничения на количественные показатели используемых методов, указывает на естественные пределы познавательного потенциала всякого метода, выражающиеся в его пригодности к научному осмыслению конкретных предметов и явлений, а также в закономерной неэффективности метода вне данной области применения.

Совокупность изложенных суждений и умозаключений позволяет отнести задачу формирования методологической основы конкретного исследования к числу сложных и трудоемких, непосредственно связанных с комплексом фундаментальных междисциплинарных знаний, носящих дискуссионный характер и недостаточно изученных. При этом выполнение данной задачи имеет существенное значение, поскольку его надлежит считать одним из основных условий качественного осмысления императивных норм российского права как предмета научного познания.

Приступая к непосредственной локализации формально-логического объема методологической основы проводимого исследования, надлежит указать, что элементарный состав последней образован, помимо системы методов научного познания, также совокупностью принципов познания и ком-

¹ См.: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 23.

плексом категорий, имеющих методологическую значимость¹. Учитывая то обстоятельство, что последние из названных элементов развиты и подробно изучены², рациональным видится отвлечение от их осмысления и централизация внимания именно на методах научного познания.

В философии и юриспруденции имеется достаточно широкий спектр определений понятия «метод научного познания», дифференцированных в связи с особенностями мировоззренческих и методологических основ ученых. Вместе с тем есть основания для констатации единства доктринальных воззрений на ряд существенных признаков метода. Прежде всего, общепризнанный характер носят взгляды на субъективную природу научного метода, на правильность и рациональность определения понятия «метод» через понятие «способ»³, на ряд его функций и элементов формально-логического объема. По результатам анализа данных взглядов представляется возможным определить метод научного познания как разработанный субъектом формально определенный способ получения и развития достоверных знаний об объективной действительности, регулирующий и дисциплинирующий научно-исследовательскую деятельность субъекта познания, выступающий ее необходимым и неотъемлемым элементом, содержание и теоретическую модель которого образует совокупность непосредственных руководств и алгоритмов осуществления целенаправленной научно-исследовательской деятельности.

В теории государства и права России выработано несколько подходов к классификации методов научного познания, самый распространенный из которых основан на критерии области применения научного метода. Этот критерий предполагает дифференциацию методов познания в зависимости от широты их использования, то есть от количественного показателя отраслевых, прикладных и историко-правовых наук, в которых конкретный метод

¹ См.: *Сырых В.М.* Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). М., 1980. С. 6.

² См.: *Малахов В.П., Эриашвили Н.Д.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 11.

³ См.: *Кондраков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 348.

находит применение, а также в зависимости от количества стадий научно-исследовательского процесса, в которых метод научного познания может быть использован. В рамках классификации по указанному критерию существует 4 группы методов научного познания¹, аналитическое осмысление которых позволит оценить пригодность структурных элементов каждой из данных групп к познанию такого специфичного предмета, как императивные нормы права, и в результате даст возможность сформировать методологическую основу проводимого исследования.

Группа всеобщих методов научного познания аккумулирует методы, которые определяются как общие философские мировоззренческие подходы, выражающие наиболее универсальные принципы мышления². В рамках рассматриваемой классификации постулируется, что эта группа методов находит применение во всем объеме юридических наук и используется на всех либо на преобладающем большинстве стадий научно-исследовательской деятельности. К данным методам научная и учебная литература относит метафизику, диалектику и синергетику.

Осмысление доктринальных взглядов и суждений правоведов по поводу всеобщих методов научного познания позволяет сделать умозаключение о целесообразности использования *материалистической диалектики в качестве мировоззренческой основы познания императивных норм российского права*. Обоснованием данного умозаключения послужило сочетание следующей совокупности логически взаимосвязанных суждений и выводов. Во-первых, признавая значимость метафизики для теории государства и права, следует учитывать, что метафизика является методом, ограниченность познавательного потенциала которого была убедительно доказана еще в XIX в. В связи с данным обстоятельством уже в дореволюционной отечественной юридической доктрине сложились преимущественно критические взгляды на

¹ См.: Сырых В.М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). С. 10–15.

² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М., 2009. С. 17.

данный метод¹. Во-вторых, использование идеалистической диалектики в процессе познания императивных норм права России не рационально в связи с особенностями предписываемых идеализмом познавательных процедур, принятие за исходную гносеологическую базу которых не позволит объективно осмыслить данную сложную теоретическую конструкцию, объяснить ее природу, раскрыть современное положение и сделать прогноз о будущем состоянии. В-третьих, статус синергетики в системе методов познания государственно-правовых явлений не определен, взгляды на ее сущность характеризуются дискуссионностью, а задача осмысления познавательной ценности данного метода для теории государства и права до настоящего момента не решена. Например, В.М. Сырых полагает сомнительным отнесение синергетики к числу всеобщих методов, поскольку по своей природе синергетика ориентирована на получение и развитие эмпирических знаний и, соответственно, неприменима на более наукоемком, теоретическом уровне познания, связанном с познанным, закономерным, необходимым, существенным, повторяющимся и устойчивым². Таким образом, можно констатировать, что в рамках существующей по данному вопросу полемики до настоящего времени не выработан единообразный подход к пониманию значения и потенциала данного метода. В-четвертых, имеются достаточные основания для констатации успешной апробации диалектико-материалистической методологической основы в процессе познания теоретической сущности норм права.

Диалектико-материалистическая методологическая основа позволит системно и последовательно осмыслить императивные нормы права, с одной стороны, как концепцию, теоретическую модель правовой нормы, обладающую специфическими отличительными признаками, а с другой — как множество конкретных форм прикладной реализации данной модели в виде элементарных единиц обширного массива дифференцированных по предмету

¹ См.: Чичерин Б.Н. *Философия права*. М., 1900. С. 3.

² См.: Сырых В.М. *Материалистическая диалектика как метод познания права и современность // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько*. С. 124–125.

регулирования и смысловому содержанию действующих в Российской Федерации правовых норм, образующих отправной компонент механизма государственно-правового регулирования.

Специфика предписаний материалистической диалектики обусловит потребность в рассмотрении исследуемого предмета, во-первых, как детерминированного конкретно-историческими обстоятельствами и множеством общественных отношений, в которых особую значимость имеют экономические и политические; во-вторых, как образованного вследствие длительного и нелинейного генезиса государственно-правовых явлений, на протяжении которого концепция, смысловое содержание, формы лингвистического выражения императивных норм права и пределы возможного поля правового регулирования данной разновидностью норм общественных отношений непрерывно изменялись.

Используемый всеобщий метод позволяет рассмотреть императивные нормы как динамичный объект, содержащий внутренние противоречия¹, и развивающийся в процессе постоянной конфронтации этих противоречий², представленных взаимосвязанными различиями как в смысловом содержании каждого отдельного элемента нормы права, так и диссонансами между гипотезой, санкцией и диспозицией каждой конкретной императивной нормы. Помимо этого, с избранных мировоззренческих позиций императивные нормы права будут восприниматься постоянно находящимися в сложной системе структурных и функциональных взаимосвязей с множеством других государственно-правовых и социальных явлений³. Значимым частным проявлением данной взаимосвязи, оказывающим существенное влияние на развитие исследуемого объекта и нуждающимся в соответствующем учете, выступают внешние противоречия исследуемого предмета, выраженные в том числе в несоответствии предписания императивной нормы потребностям социума по тем или иным причинам (например, в связи с устареванием содержания

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 22.

² См.: Там же. Т. 4. С. 136.

³ См.: Там же. Т. 19. С. 205.

диспозиции или санкции нормы в условиях изменившихся социально-правовых реалий). Также применение диалектико-материалистического метода позволит выявить взаимосвязи императивных, диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм в механизме правового регулирования.

Рассмотренный подход дает достаточные основания для трактовки процесса законодательной деятельности, направленного на закрепление новых и развитие уже существующих императивных норм как основной легитимной формы снятия остроты внутренних и внешних противоречий данных норм. При этом следует учитывать, что в ходе данного процесса на федеральном, региональном и местном уровнях происходит решение противоречий и другого рода, представленных конфронтациями между воззрениями политических сил общества на оптимальные пути регулирования правоотношений посредством императивных норм права. Одновременно данный процесс выступает качественной реакцией публичной власти в форме категорических дозволений (управомочивания), обязываний и запретов на определенные количественные проявления в поведенческих паттернах общества, социальных групп или индивидов¹, что значимо для правильного понимания сущности и механизмов развития императивных норм российского права.

Диалектический подход позволит обогатить познания об объективно возникающих, существующих и развивающихся взаимосвязях между нормами права и иными элементами механизма правового регулирования в процессе упорядочивания правовой жизни общества, раскрыть именно ту специфику данных взаимосвязей, которая прямо производна от совокупности отличительных особенностей императивных норм российского права, локализовать место и роль данной разновидности норм в механизме государственно-правового регулирования.

Важно подчеркнуть, что общие, руководящие предписания выбранной методологической основы задают совокупности общенаучных, специальных и частных методов научного познания определенное направление для дости-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 385.

жения поставленных задач, организуют комплексное применение данных методов на различных стадиях научно-исследовательской деятельности¹. В свою очередь именно на названные группы методов возлагаются задачи непосредственного содействия субъекту в получении определенных научных результатов.

Первая из указанных групп — *общенаучные методы* — определяется в качестве совокупности формально-логических² способов познания, не охватывающих весь процесс научно-исследовательской деятельности, но широко используемых на его отдельных стадиях большинством юридических наук³. В числе данных методов правоведы называют анализ, синтез, индукцию, дедукцию, сравнение, отвлечение, обобщение, аналогию, абстрагирование, идеализацию, формализацию, описание, объяснение, конъюнкцию, дизъюнкцию и некоторые иные логические операции.

Характеризуя общенаучные методы, представляется возможным утверждать, что их значимость для проводимого исследования объективно высока, поскольку рациональное осмысление всякого государственно-правового явления требует обращения к формально-логическим познавательным процедурам. К исключительным когнитивным функциям последних надлежит отнести обеспечение логической формы мышления субъекта познания⁴, ориентирование субъекта на строгое соблюдение основных логических законов в целях определенности, обоснованности, последовательности и непротиворечивости мыслей и их связей⁵. В рамках формальной логики выработана совокупность операций с понятиями (определение, обобщение, ограничение и деление понятия, классификация понятий, объединение, пресечение и образования дополнения к классу понятий и т.д.), использование

¹ См.: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. С. 25.

² См.: *Сырых В.М.* Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). С. 10–11.

³ См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. 3-е изд. С. 19.

⁴ См.: *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: учебник для юридических вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 8–10.

⁵ См.: Там же. С. 12–15.

которых выступает необходимой предпосылкой рационального осмысления изучаемого объекта.

В частности, *анализ* позволит выделить элементный состав императивной нормы права, локализовать и последовательно рассмотреть внутреннюю структуру, видовое разнообразие, а также совокупность отличительных признаков ее гипотезы, диспозиции и санкции. Анализ дает возможность определить императивные нормы в качестве структурного компонента механизма правового регулирования. С помощью анализа представляется осуществимым подразделить все множество функциональных проявлений императивных норм на отдельные разновидности, в связи с чем не только выявить совокупность их функций, но и создать предпосылки для подробного рассмотрения каждой конкретной функции в ходе исследования. Помимо этого, анализ выступает важным средством дифференциации общего видового многообразия правовых норм, позволяющих уяснить место и значение императивных норм в системе права и в механизме правового регулирования, проследить характер структурных и функциональных взаимосвязей между императивными, диспозитивными, рекомендательными и поощрительными правовыми нормами. Также надлежит отметить особое значение анализа в процессе осмысления комплексного характера самих императивных норм права, оценки правильности классификационных критериев выделения разновидностей данных норм, а также выявления признаков и функций каждого конкретного вида императивных норм права в механизме правового регулирования.

Синтез выступает неотъемлемо корреспондирующим анализу средством познания, соединяющим подразделенные в ходе анализа элементы формально-логического объема понятия «императивные нормы права» и возвращающим данные элементы в прежнее целостное состояние, обогащенное новыми, полученными в ходе анализа знаниями¹. Кроме того, именно синтез позволит сформировать совокупность расширяющих познание суждений об

¹ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 34–35.

алгоритмах и характере взаимодействия структурных частей анализируемых предметов и явлений¹, в связи с чем предстает первичным средством установления взаимосвязей императивных норм права и прочих компонентов механизма правового регулирования. Наряду с указанными ценными познавательными свойствами синтез также выступит критерием проверки правильности и полноты проведенного анализа.

Специфика предмета исследования объясняет острую необходимость в широком и комплексном применении процедур *индукции* и *дедукции*.

Посредством *индуктивных* методологических предписаний будет осуществлено обобщение всей совокупности полученных в ходе исследования частных знаний, а также выведение на основе их сопоставления ряда обладающих большей степенью общности теоретических умозаключений об исследуемом предмете, в том числе о наиболее значимых свойствах данного вида правовых норм и закономерностях проявлений этих свойств, функциональном потенциале и особенностях его использования в различных отраслях российской правовой системы и в механизме правового регулирования. *Дедуктивные* познавательные процедуры создадут условия для подробного рассмотрения дискретной структуры обобщенных теоретических знаний об исследуемом виде правовых норм, выявления структурных взаимосвязей общих идей концепции императивных норм права и частных форм реализации данной концепции в механизме государственно-правовой регламентации правоотношений.

Применение в отдельных, но значимых аспектах исследования найдет метод *сравнения*². С помощью данной познавательной процедуры, в частности, будут сопоставлены родовое понятие «норма права» и видовое понятие «императивная норма права». Аналогичная мыслительная операция будет произведена с однородными видовыми понятиями «императивная норма права», «диспозитивная норма права», «рекомендательная норма права» и

¹ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 543–544.

² См.: Кондраков Н.И. Введение в логику. М., 1967. С. 358–359.

«поощрительная норма права». Соотношения названных понятий позволит выявить их сходства и различия, в связи с чем глубже познать исследуемый предмет, установить и описать совокупность функций и признаков, присущих только императивным нормам права в механизме правового регулирования и не свойственных ни родовому, ни однородным видовым понятиям. Названную цель будет также преследовать сопоставление сделанных индуктивных умозаключений об общей теоретической концепции императивных норм с дедуктивными умозаключениями о частных атрибутах данного вида правовых норм.

Знания, полученные по результатам сравнения понятий, также будут применяться в качестве значимых предпосылок для выводов посредством другой логической операции — *аналогии*. Последняя будет использована для восполнения пробелов в теоретических знаниях об императивных нормах права путем построения и проверки гипотез об общности некоторых неизученных качеств императивных норм, свойственных неимперативным нормам в механизме правового регулирования. Речь идет о признаках, общих и специальных функциях, о классификационных критериях, а также видовых группах.

Ввиду специализированного характера проводимого исследования востребованными выступают методы *абстрагирования*¹ и *отвлечения*², предписания которых позволят мысленно опустить ряд аспектов в области исследования, в связи с чем сосредоточить большее внимание на поиске и развитии значимых для достижения конкретной задачи знаний об императивных нормах права, их месте и роли в механизме государственно-правового регулирования. Ограниченное применение в исследовании также найдет метод *идеализации* как частная форма абстрагирования, пригодная для построения идеализированного понятия «императивная норма права» с целью лучшего уяснения его сущности и свойств.

¹ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 9.

² См.: Там же. С. 417–418.

Посредством метода *обобщения* будет осуществляться выделение устойчивых, существенных и необходимых признаков и связей, равно при- сущих всему видовому многообразию императивных норм права. Наряду с приведенными средствами познания *формализация, описание, объяснение* и иные формально-логические методы также будут использованы в процессе исследования. Следует согласиться с мнением Н.Д. Эриашвили и В.П. Малахова о том, что значительный познавательный потенциал фор- мально-логической методологии в юриспруденции обозначает свои пределы, в частности, при обращении к социально-содержательному аспекту исследу- емого предмета¹, что объясняет значимость использования и когнитивную ценность специальных и частных методов научного познания.

Образующие вторую группу специальные методы определяются уче- ными как совокупность способов познания, выработанных в неюридических гуманитарных науках, а также в естественных и технических науках², нахо- дящих применение в ограниченных частях юридического исследования при наличии соответствующей потребности. К числу данных методов правоведы относят *статистический, математический социологический, психологиче- ский, кибернетический методы*, а также некоторые иные способы познания.

Необходимо обратить внимание на дискуссионность наличия в рас- сматриваемой классификации специальных методов научного познания тео- рии государства и права. Ряд ученых объединяют общенаучные и специаль- ные методы, тем самым сокращая количество видов методов до трех: всеоб- щих, общенаучных и частных. Отмечая распространенность подобного под- хода, необходимо согласиться с позицией В.М. Сырых о целесообразности выделения специальных методов в качестве отдельного вида в связи с име- ющимися существенными различиями между формально-логическими мето- дами и методами конкретных отраслевых неюридических наук³. При этом

¹ См.: Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Указ. раб. С. 20.

² См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 18.

³ См.: Сырых В.М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). С. 10–11.

следует учитывать, что специфика проводимого исследования обуславливает минимизацию потребности в применении специальных методов в процессе научного осмысления императивных норм права, что надлежит считать важной особенностью исследуемой методологической основы.

Частные методы определяются правоведами как средства познания, выработанные в рамках самой юридической науки либо заимствованные в иных областях знания и существенно измененные, приспособленные к непосредственному познанию государственно-правовых явлений¹. Характерными признаками частных методов являются узкая специализация на предмете и объекте юриспруденции, а также ограниченная область применения, охватывающая теорию государства и права, отраслевые, историко-правовые и прикладные юридические науки, что объясняет ценность и строгую предметность полученных с помощью данных методов теоретических и эмпирических знаний. Анализируя частные методы, уместно привести мнение В.М. Сырых: «Метод теории государства и права не является простым воспроизведением философских положений или общих и специальных методов научного познания. Он имеет собственное содержание — специфические закономерности познания политико-правовых явлений, которые формируются в виде правил, принципов познания, ориентирующих юристов на раскрытие закономерностей функционирования и развития исследуемых явлений»².

Множество задач теории государства и права, связанных с познанием общих закономерностей возникновения, функционирования и развития сложнейших государственно-правовых явлений, обуславливает многообразие выработанных правоведами частных методов. Так, с учетом характера предмета познания большое значение для проводимого исследования приобретает преимущественно *формально-юридический, или нормативно-догматический метод*³, применяемый как в целях формирования терминологии

¹ См.: *Сырых В.М.* Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). С. 12–13.

² *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. С. 35.

³ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 23–

гического аппарата юриспруденции, выявления признаков и интерпретации теоретических понятий и определений, так и для толкования позитивного права. Именно посредством данного метода будет осуществляться исследование позитивного права России, выявление характера предписаний, выраженных в нормативных правовых актах, разделение императивных, диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм, установление различных вариаций использования императивного метода правового регулирования в нормах права в целях получения эмпирических знаний. Также с помощью рассматриваемого частного метода будет осуществляться выработка положений, выводов и заключений, направленных на развитие имеющихся в юридической науке теоретических знаний об институте императивных норм права, их значении для механизма правового регулирования, в том числе в формах уточнения и расширения понятийно-категориального аппарата, касающегося императивных норм права, конкретизации и обобщения знаний о системе признаков, функций и видовом многообразии императивных норм.

Для решения отдельных задач исследования имеется потребность в ограниченном использовании метода *теоретико-правового и социально-правового моделирования*, а также метода *толкования (интерпретации) норм права*. Данные средства познания создадут совокупность предпосылок для индуктивных и дедуктивных умозаключений о сущности, отдельных признаках и функциях императивных норм права.

Одновременно следует констатировать минимизацию или полное отсутствие необходимости в применении прочих частных методов теории государства и права, в числе которых можно выделить, например, *сравнительно-правовой метод* и *метод правового эксперимента*.

Также надлежит оговориться об отдельном методическом аспекте исследования. Отмечая дискуссионность вопроса о соотношении понятий «норма права» (или правовая норма) и «правовое предписание» (в качестве характерного примера выделим точку зрения В.М. Сырых, который полагает, что элементарной частицей нормативных правовых актов является не норма

права, а нормативно-правовое предписание¹), укажем, что в настоящем исследовании мы будем рассматривать приведенные понятия в качестве контекстуальных синонимов, очень близких по своему значению. Под правовым (юридическим) предписанием мы подразумеваем совокупное смысловое значение выраженных в норме условий ее применения, непосредственных дозволений, правомочий, обязываний или запретов, а также последствий их несоблюдения.

Обобщая изложенные положения и умозаключения, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Методологическая основа познания императивных норм российского права и их роли в механизме правового регулирования представляет собой комплексную конструкцию, логический объем которой образован системой принципов научного познания, упорядоченной совокупностью методов научного познания, а также суммой категорий, имеющих методологическое значение. При относительной статичности принципов научного познания, когнитивные предписания которых актуальны для всякого исследования, объем научных методов динамичен: специфика предмета и объекта исследования, намеченные цели и поставленные задачи рельефно проявляются на видовом разнообразии методов, применение которых создаст необходимые условия для получения желаемого научного результата. Это обстоятельство обуславливает предъявление к субъекту познания требования тщательной локализации и системного применения таких методов.

2. Рефлексивное осмысление методологического раздела теории государства и права на предмет пригодности содержания конкретных научных методов к познанию исследуемого предмета и объекта, достижению намеченной цели и поставленных задач позволило выработать логический объем системы методов познания императивных норм российского права. Данный объем включает в себя материалистическую диалектику как философско-

¹ См.: Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 128.

мировоззренческую основу, совокупность общенаучных формально-логических методов познания, а также некоторые виды частных методов. При этом специфика проводимого исследования обусловила не востребованность специальных методов научного познания.

3. Использование выработанной методологической основы познания императивных норм права требует учета того обстоятельства, что существующие классификации методов научного познания по ряду причин являются условными, а сформированная на их основе система методов теории государства и права не носит исчерпывающий характер. По данному поводу В.М. Сырых пишет: «... Метод правовой науки предстает сводом, своего рода кодексом правил, принципов научного познания, который пока что остается не-систематизированным, а его содержание — аморфным и неопределенным. К тому же он находится в постоянном развитии, совершенствовании, поскольку всякое дальнейшее прогрессивное развитие социальных наук, в том числе правоведения, неизменно влечет появление новых методов познания государства и права»¹. Разделяя приведенную оценку методологии, представляется возможным утверждать, что сформулированные положения, выводы и умозаключения не претендуют на логическую полноту и исчерпывающий охват всего когнитивного содержания теории государства и права. Они могут быть развиты и дополнены в процессе познания, а также при проведении дальнейших исследований в области теории правовых норм и особенностей функционирования механизма государственно-правового регулирования. Вместе с тем совокупность изложенных знаний отражает наиболее значимые аспекты методологически корректного подхода к проведению исследования и пригодна к применению в процессе осмысления императивных норм российского права как компонента механизма правового регулирования.

¹ *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. С. 29.

1.2. Сущность и юридическая природа императивных норм права

Высокая ценность теории правовых норм лишь отчасти объясняется тем, что именно в ее рамках происходят аккумуляция и развитие фундаментальных знаний, образующих ядро нормативного подхода к пониманию права — одной из ведущих и наиболее авторитетных доктрин, получившей вследствие обладания значительным объяснительным и описательным потенциалом, широкое признание у российских и зарубежных правоведов.

Самая обобщенная характеристика места и роли теории правовых норм позволяет констатировать, что данная область знания выступает системно значимым разделом теории права, положения которого являются имманентной частью теоретической основы профильных научных изысканий, сказываются на доктринальной трактовке множества предметов, явлений, связей и процессов в области юриспруденции, остро востребованы для обоснования законотворческой и осуществления правоприменительной деятельности, задают основу функционирования механизма правового регулирования. Специфика системы права России задает своеобразный паттерн, в котором правовая норма выступает квантом, наименьшей и неделимой единицей элементного состава основного источника права нашей страны — нормативного правового акта. Вследствие этого обстоятельства именно предписания норм права обеспечивают юридическое опосредование и формальное выражение, а следовательно, возможность реализации, охраны и защиты практически всего богатства содержания национального позитивного права, в том числе прогрессивных идей о правовом государстве и его должном устройстве, о верховенстве права, юридическом равенстве и незыблемости правового статуса личности, о содержании естественных, неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, о свободном доступе к правосудию, о моделях должного, пределах допустимого и формах противоправного поведения, о правах и обязанностях участников различных казуальных правоотношений.

Интенсивное развитие теории правовых норм выступает целью, актуальность достижения которой четко прослеживается на всех конкретно-исторических этапах существования теории государства и права. Как в предшествующие периоды, так и с момента возникновения данной науки во второй половине XIX в. особое внимание праведы традиционно уделяли решению задач, производных от названной цели, в числе которых выделяются систематическое переосмысление и уточнение соответствующих научных знаний о сущности правовой нормы¹, анализ структуры ее идеальной модели² и особенностей ее функциональных проявлений³, достижение преемственности и последовательности между правовыми предписаниями в процессе их эволюции, поиск путей оптимизации процедур принятия, обеспечение правильной реализации, единообразного исполнения и соблюдения всего объема общеобязательных правил поведения, рационализация техники юридического письма, а также множество других вопросов, осмысление которых создает логические предпосылки выявления качественно новых подходов к урегулированию общественных отношений, оптимизации и рационализации действующего механизма государственно-правового воздействия на социум и систему социальных связей.

Особый интерес в рассматриваемом магистральном направлении научных исследований представляет проблема развития знаний о юридической природе, классификации и видовых характеристиках правовых норм. Анализ научной и учебной литературы позволяет констатировать длительную, интенсивную и консолидированную работу научного сообщества в данной области. В частности, в монографических и диссертационных исследованиях нашли отражение и продолжают находиться в поле зрения ученых вопросы о

¹ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов, 1987.

² См.: *Деготь Б.А.* Классификация норм советского социалистического права по их структуре: учебное пособие / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1977.

³ См.: *Пискунова О.В.* Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

конкретизации познаний о диспозитивных¹, рекомендательных², поощрительных³, специальных⁴, дозволяющих⁵, запрещающих⁶, а также иных видов норм права. При этом в описанных условиях общей динамики роста знаний отчетливо прослеживается проблема недостаточной изученности одного из видов правовых норм, имеющего исключительную теоретическую и прикладную ценность для механизма правового регулирования — императивных норм права. Поднятая проблема проявляется, прежде всего, в том, что императивные нормы рассматриваются правоведами не в качестве непосредственного предмета исследования, а изучаются опосредованно, в формах конкретных проявлений данных норм в юридической науке и действующем законодательстве⁷. В связи с изложенным комплексное теоретическое осмысление императивных норм права как вида, количественно преобладающего над другими разновидностями юридических норм и имеющего системное значение для механизма правового регулирования, предстает актуальной, дискретной и наукоемкой задачей современной теории государства и права.

Приступая к непосредственному осмыслению императивных норм права, необходимо обратить внимание на отдельные лингвистические и истори-

¹ См.: *Латишин И.С.* Диспозитивные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.

² См.: *Кулапов В.Л.* Рекомендательные нормы советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981.

³ См.: *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978.

⁴ См.: *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982.

⁵ См.: *Игнатенкова К.Е.* Дозволение как способ правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

⁶ См.: *Рыбушкин Н.Н.* Реализация запрещающих норм советского общенародного права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1986.

⁷ См.: *Шестаков Л.Н.* Императивные нормы в системе современного международного права. М., 1981; *Михайлов А.В.* Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001; *Грушевская Е.В.* Императивность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010; *Ковалева Ю.В.* Императивность в договорном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011; *Евстигнеев Э.А.* Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; *Клюня А.Ю.* Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

ко-правовые аспекты генезиса исследуемого понятия. Прежде всего, надлежит отметить, что этимология указывает на заимствование словосочетания «императивные нормы» русским языком, позволяет проследить его латинское происхождение¹.

Анализ опосредованных источников, представленных научной и учебной литературой историко-правового цикла, позволяет утверждать о единстве взглядов правоведов на возникновение исследуемого вида правовых норм в римском праве². При этом в хронологических рамках существования правовой системы Древнего Рима императивные нормы имели иное лингвистическое выражение — *юс когенс* (принудительные нормы права³, предписания, в том числе из области частного права, которыми всегда следует руководствоваться и которые нельзя изменить соглашением сторон⁴), не получившее статус архаизма и вплоть до настоящего времени находящее применение в источниках международного права⁵.

Важно отметить, что с наиболее ранних этапов возникновения рассматриваемый вид правовых норм имел высокую прикладную значимость и находил широкое применение, выражая не только превалирующее количество властных предписаний в публичном праве Древнего Рима⁶, но и некоторую совокупность правил в области частного права⁷. Вместе с тем надлежит согласиться с А.В. Михайловым в том, что в диссонанс названному значению юридическая природа императивных норм права не выступала предметом специальных исследований римских юристов, взгляды которых на данный вид правовых норм носили ограниченный характер, раскрывая лишь их неко-

¹ См.: Словарь иностранных слов. 11-е изд., стер. М., 1984. С. 189, 338.

² См.: *Грабарь В.Э.* Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. Юрьев, 1901. С. 71.

³ См.: *Ивановский И.* Словарь юридической терминологии к источникам римского права. Киев ; Пг.; Одесса, 1894. С. 52.

⁴ См.: *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения) / пер. с чешск. М., 1989. С. 164.

⁵ См.: *Международное публичное право: сборник документов.* М., 1996. Т. 1. С. 67–87; 87–113.

⁶ См.: *Барон Ю.* Система римского гражданского права: в 6 кн. / предисл. В.В. Байбака. СПб., 2005. С. 74.

⁷ См.: *Михайлов А.В.* Указ. раб. С. 23–24.

торые абстрактные и казуальные признаки¹. В числе подобных разрозненных и фрагментарных взглядов, в совокупности образовавших базовые знания о сущности императивных норм права, необходимо выделить высказывание Геренния Модестина: «Действие (сила) права — повелевать, запрещать, разрешать, карать»², умозаключения Домиция Ульпиана — «Права устанавливаются не для отдельных лиц, а общим образом»³, «Соглашения частных лиц не отменяют (норм) публичного права»⁴, суждения Эмилия Папиниана о том, что «Закон есть общее (для всех) предписание, решение опытных людей, обуздание преступлений, совершаемых умышленно или по неведению, общее (для всех граждан) обещание государства»⁵, а также особенно значимое утверждение о том, что «Публичное право не может быть изменяемо договорами частных лиц»⁶.

Доктринальные взгляды римских юристов о сущности императивных норм права в числе прочих рецепируемых институтов римского права оказывали существенное влияние на формирование и развитие отечественной правовой системы на протяжении длительного периода времени, нижние хронологические рамки которого относятся к X в. и связаны с внешними отношениями Древней Руси с Византийской империей⁷, а также с введением в Древней Руси христианства в качестве государственной религии⁸. На протяжении этого значительного срока, как отмечает В.А. Летяев, «... римское право проникало в Россию не только непосредственно, но и опосредованно, то есть через иностранное право, потому что это общий предок для европейского

¹ См.: Михайлов А.В. Указ. раб. С. 23.

² Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 109.

³ Там же. С. 109.

⁴ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2005. Т. VII. Полутом 2. С. 533.

⁵ См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 107.

⁶ См.: Там же. С. 287.

⁷ См.: Летяев В.А. Рецепция римского права в России XIX – начале XX в. (Историко-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. С. 3.

⁸ См.: Ткаченко С.В. Рецепция римского права: вопросы теории и истории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7.

права»¹, а одним из закономерных следствий данного сложного и нелинейного процесса надлежит признать формирование в отечественной юридической науке совокупности знаний об императивных нормах права.

Формально-логический объем и смысловое содержание данных знаний на различных конкретно-исторических этапах имели свою специфику. Так, доктринальные источники наиболее позднего периода существования Российской империи, относящиеся к концу XIX – началу XX в. и выражающие итог развития взглядов дореволюционных правоведов на институт императивных норм права, отличались значимыми для исследования особенностями лингвистического выражения и смысловой трактовки исследуемого вида правовых норм. В частности, Н.К. Ренненкампф обозначил нормы права, идентичные по значению современным императивным нормам, исключительно термином «*принудительные нормы*»², определил последние как нормы, выражавшие прямое повеление, или запрещение, и относил к числу их признаков требование «безусловного подчинения и исполнения указанных обязанностей и действий»³. Аналогичной трактовки придерживались В.М. Хвостов⁴, Г.Ф. Шершеневич⁵, а также И.А. Покровский, не только представивший развернутую характеристику норм права, но и сопоставивший юридическую природу и целевое назначение принудительных и диспозитивных норм права⁶.

В работах некоторых отечественных правоведов лингвистически идентичный термин «принудительные нормы права» определяется иначе и по существу отождествляется с термином «*нормы публичного права*». Подобная

¹ См.: Летяев В.А. Указ. раб. С. 3.

² См.: Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев, 1913. С. 50

³ Там же. С. 51.

⁴ См.: Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. М., 2011. С. 113–116.

⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. первый. С. 281–282.

⁶ См.: Покровский И.А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Пг., 1917. С. 213–214.

смысловая трактовка прослеживается во взглядах И.А. Ильина¹, И. Колера² и Ф. Регельсбергера³.

Иное лексическое значение анализируемого понятия приводится в трудах Н.М. Коркунова. Ученый обозначил нормы, противоположные диспозитивным, имевшие безусловно обязательную силу и не предоставлявшие сторонам отношения возможности разграничения интересов по их соглашению как «*прецептивные нормы*»⁴. В данном контексте выделяется мнение В.И. Лебедева, который выражает императивные нормы права термином «*повелительные нормы*»⁵ с отсылкой к названному суждению римского юриста Модестина о действии права, используемому в качестве концептуальной основы классификации норм.

Особый интерес в общем многообразии дифференцированных взглядов правоведов вызывает позиция Л.И. Петражицкого. В работах ученого, наряду с термином «*принудительная норма*»⁶ и «*категорическая норма*»⁷ (как вид нормы права по критерию обязательности предписания, признаком структуры которой выступало наличие одной диспозиции), применялись термины «*императив*»⁸ (характеризующий норму права в целом) и «*императивная норма*»⁹. Л.И. Петражицкий отмечал: «Название: дозволительные нормы и противопоставление их императивным — неудачно; нормы, о которых мы говорим под именем уполномочивающих, тоже императивны, как и другие, но особенность их императива состоит в том, что он возлагает обязанность

¹ См.: *Ильин И.А.* Теория государства и права / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 123.

² См.: *Колер И.* Введение в науку права (краткий курс правоведения) / пер. с нем. В.А. Гольденберга; под ред. С.Ф. Платонова. СПб., 1903. С. 4, 6.

³ См.: *Регельсбергер Ф.* Общее учение о праве / пер. И.А. Базанова; под ред. Ю.С. Гамбарова. М., 1897. С. 122.

⁴ См.: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб., 1908. С. 128.

⁵ См.: *Лебедев В.И.* Общая теория права. Популярные лекции для самообразования. СПб., 1903. С. 20–21.

⁶ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910. Т. II. С. 329.

⁷ См.: Там же. С. 332–334.

⁸ Там же. С. 322.

⁹ См.: Там же. С. 339.

терпеть известные действия управомоченного»¹. Г.Ф. Шершеневич высказал ряд критических замечаний в адрес отдельных идей Л.И. Петражицкого в связи с незавершенностью и фрагментарностью осмысления ученым некоторых значимых аспектов права, но при этом данного терминологического аппарата критика не коснулась².

Проведенный анализ выявил некоторую разрозненность взглядов дореволюционных отечественных правоведов на формы лингвистического и понятийного выражения императивных норм права, однако обобщение данных взглядов и абстрагирование от отдельных, частных вопросов позволяет констатировать однообразное понимание юридической природы, сущности, признаков и целевого назначения данных норм в механизме правового регулирования. Это обстоятельство отчетливо проявляется в оценке властного характера, категоричности и обязательности предписаний в качестве отличительных признаков императивных норм права. Единство взглядов также прослеживается в вопросе о социальной обусловленности императивных норм права: в основе последней правоведа усматривали публичные интересы, достижение которых требовало принуждения и насильственного подавления членов общества, посягавших на данные интересы³, что детерминировало восребованность анализируемого вида норм во всех областях правового регулирования. Как отмечал Ф. Регельсбергер, «... в публичном праве весь непосредственный порядок отношений устанавливается существующими положениями права. Но даже в гражданском праве нет недостатка в принудительных предписаниях права, несмотря на то, что здесь, за исключением области семейного права, частный интерес стоит на первом плане. И здесь соображения нравственности, защита слабого, обеспеченность оборота, короче — об-

¹ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910. Т. II. С. 339.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. раб. С. 519–520.

³ См.: *Колер И.* Указ. раб. С. 127.

щее благо приводит к установлению предписаний, применение которых в отдельном случае не может быть устранено частным усмотрением»¹.

Расширение объема и уточнение содержания знаний, образующих институт императивных норм права, на более позднем, советском этапе развития отечественной теории государства и права, имеет ряд значимых для исследования особенностей. Прежде всего, следует отметить, что начальный период становления данной науки протекал в условиях отсутствия полных учебных курсов, разработанных в изменившихся социально-правовых реалиях², что сказывалось на качестве теоретических знаний, в том числе энциклопедического уровня. Так, первая советская энциклопедия государства и права, опубликованная в период с 1925 по 1927 г., при характеристике правовых норм опускала вопрос о существующих классификациях последних, однако в числе прочего содержала отсылку к суждению Г. Радбруха — «отделяя смысл приказа (императива) от его приказательной (императивной) формы, вы получаете норму»³. Подобную лаконичность отчасти можно объяснить развернувшейся в тот период полемикой о более значимых государственно-правовых явлениях⁴, в том числе о системе права⁵, и возможной оценкой типологии норм как частной, второстепенной задачи.

Исторически первый советский учебник по теории государства и права, авторами которого являлись С.А. Голунский и М.С. Строгович, опубликованный в 1940 г., восполнял приведенный доктринальный пробел и, помимо характеристики норм права, включал подробные знания об их типологии. В частности, по критерию формы выражения содержащихся в нормах правил, последние классифицировались на *категорические* и диспозитивные (или конвенциональные). *Категорическая норма* определялась авторами учебника

¹ См.: Регельсбергер Ф. Указ. раб. С. 121.

² См.: Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 5.

³ См.: Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. М., 1927. Т. 2. И–Н. С. 1402.

⁴ См.: Крыленко Н.В. Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП (б). М., 1924. С. 17–33.

⁵ См.: Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 годы). М., 2009. С. 162–163.

как норма, устанавливающая «правила поведения в виде категорического предписания обязывающего или запрещающего характера; следуя такой норме, лица, к которым она адресована, должны в указанных в ней случаях действовать определенным образом или воздерживаться от определенных действий»¹. Большинство действующих правовых норм в механизме правового регулирования в период выхода данного учебника С.А. Голунский и М.С. Строгович относили к числу категорических².

Аналогичного взгляда на таксономию правовых норм по критерию формы выражения правил поведения, а также на соотношение в законодательстве объемов категорических и диспозитивных норм права придерживался А.И. Денисов, автор второго советского учебника по теории государства и права, опубликованного в 1948 г. К *категорическим нормам* ученый относил правовые нормы, которые «в императивной форме обязывают к чему-либо, или запрещают что-либо»³, устанавливают порядок, обязательный для участников правоотношений, не подлежащий отмене или изменению на основании соглашения сторон⁴.

Иная форма выражения видов правовых норм содержится в юридическом словаре, вышедшем в 1953 г. В зависимости от характера, выраженного в норме правила, последние дифференцируются на *обязывающие*, или *повелительные*, устанавливающие, не подлежащие изменению «твердые правила», и уполномочивающие, позволяющие сторонам в некоторых пределах самим определять их права и обязанности⁵.

Особый интерес для исследования представляют доктринальные взгляды на классификацию правовых норм М.П. Карева. В учебниках по теории

¹ См.: Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права: учебник. М., 1940. С. 247.

² См.: Там же. С. 247.

³ См.: Денисов А.И. Теория государства и права. М., 1948. С. 401.

⁴ См.: Денисов А.И. Основы марксистско-ленинской теории государства и права: курс лекций / отв. ред. Н.Г.Александров, И.Т. Голяков. М., 1948. С. 347.

⁵ См.: Юридический словарь / гл. ред. С.Н. Братусь, Н.Д. Казанцев, С.Ф. Кечекьян [и др.]. М., 1953. С. 378–379.

государства и права, опубликованных в 1949 г.¹ и в 1954 г.², в авторский коллектив которых входила М.П. Карева, количество критериев классификации норм права значительно расширилось, однако опускались критерии, по которым нормы можно было бы подразделить на категорические (или повелительные) и диспозитивные. Вместе с тем более позднее учебное пособие, опубликованное в 1955 г., является первым установленным в процессе исследования советским источником, в котором использован термин «*императивная норма права*» в смысловом значении, совпадающим с рассмотренным значением термина «*категорическая норма права*». М.П. Карева, автор главы данного источника, посвященной нормам права и их видам, указывала, что в императивных нормах «соответствующие полномочия, права или обязанности выражены в повелительной форме. Порядок действий, устанавливаемый этими нормами, точно определен для тех, кому эти нормы права адресуются, и никакие соглашения между теми или иными лицами о другом порядке действий в предусматриваемых этими нормами права случаях не допускаются»³.

Идентичная форма лингвистического выражения использована А.Ф. Шебановым при изложении взглядов на виды правовых норм. Позиция автора обращает на себя внимание в связи с тем, что подразделение норм права на *императивные (повелительные)* и *восполнительные (диспозитивные)* осуществляется по качественно иному критерию, которым выступает степень определенности диспозиции⁴. При таком подходе отличительными признаками императивных норм права являются точность и определенность диспозиции, проявляющиеся в закреплении конкретного объема прав и обязанностей участников отношений, отклонение от которых по воле самих

¹ См.: Аржанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Теория государства и права: учебник / науч. ред. М.П. Карева. М., 1949. С. 115–116.

² См.: Карева М.П., Кечекьян С.Ф., Федосеев А.С., Федькин Г.И. Теория государства и права. М., 1954. С. 339–344.

³ Там же. С. 348–349.

⁴ См.: Шебанов А.Ф. Нормы советского социалистического права: лекция. М., 1956. С. 41.

участников не допускается¹. Отвлекаясь от хронологии анализа источников, отметим, что аналогичная точка зрения высказана ученым в учебнике по теории государства и права, опубликованном в 1960 г.² При этом в учебном пособии, опубликованном в 1963 г., А.Ф. Шебанов корректирует свой взгляд и осуществляет дифференциацию норм на императивные и диспозитивные, используя в качестве критерия характер диспозиции правовых норм³. Важно подчеркнуть, что с отсылкой к взглядам А.Ф. Шебанова в опубликованном в 1965 г. Энциклопедическом словаре правовых знаний впервые в подобного рода источнике нормы права подразделяются на императивные и диспозитивные, приводится их краткая характеристика⁴.

В рассматриваемой совокупности доктринальных взглядов выделяется позиция П.Е. Недбайло, выраженная в опубликованной в 1959 г. работе «Советские социалистические правовые нормы». Уточняя классификацию правовых норм, ученый использует термин «императивная норма», под которым понимает норму всякого нормативного правового акта. Содержание этой нормы выражается «... в форме приказов, запретов или дозволений, представляющих собой обязательное правило, обладающее императивным характером»⁵. Ученый приводит следующее утверждение: «Неимперативных норм права вообще нет и быть не может. Иначе это не норма права, а нечто другое, не обладающее свойством государственного веления. Иное дело, что в одном случае императив нормы выступает в качестве категорического предписания, исключаящего какие-либо усмотрения исполнителей, в другом — предписание нормы выступает в форме, допускающей соглашение участников правовых отношений об объеме и характере их прав и обязанностей, в третьем

¹ См.: Александров Н.Г., Калинычев Ф.И., Студеникин С.С., Шебанов А.Ф. Теория государства и права: учебник. М., 1958. С. 236.

² См.: Основы теории государства и права / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, Д.С. Карев, А.Л. Недавний [и др.]; общ. ред. Н.Г. Александров. М., 1960. С. 317.

³ См.: Основы теории государства и права: учебное пособие / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, Д.С. Карев, А.Л. Недавний [и др.]; общ. ред. Н.Г. Александрова. С. 416.

⁴ См.: Энциклопедический словарь правовых знаний (Советское право) / ред. колл. В.М. Чхиквадзе [и др.]. М., 1965. С. 259.

⁵ См.: Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы / отв. ред. В.Г. Сокуренок. Львов, 1959. С. 74.

случае требуется специальное решение адресатов нормы для того, чтобы в соответствии с нормой могли возникнуть права и обязанности для определенных субъектов общественной жизни»¹. Исходя из данного суждения, по критерию типа формы предписания П.Е. Недбайло подразделяет императивные нормы на *категорические*, диспозитивные (восполнительные) и рекомендательные². Характеризуя категорические нормы, он указывает, что они «... воздействуют на поведение людей в форме таких предписаний, при которых установление данных прав или обязанностей участников правоотношений не зависит от них самих. Норма непосредственно определяет поведение людей, организаций и учреждений при наличии соответствующих обстоятельств и не ставит это поведение в зависимость от их соглашений или решений»³.

Анализ взглядов П.Е. Недбайло позволяет сделать умозаключение о том, что императивность оценивается ученым как необходимый признак всяких норм права, а следовательно, термины «норма права» и «императивная норма права» являются тождественными. Уместно предположить, что в данной доктринальной позиции признак императивности используется в качестве лингвистического эквивалента признака общеобязательности и происхождения нормы от властного субъекта. В противном случае соотношение взглядов П.Е. Недбайло и приведенных мнений некоторых правоведов выявляет некоторую конфронтацию: если количественное превалирование в действовавшем законодательстве императивных норм права над диспозитивными, рекомендательными и поощрительными нормами было общепризнанным, то сам признак императивности не рассматривался в качестве отличительного признака нормы права. Идентичные по смыслу понятия «императивная норма права» и «категорическая норма права» оценивались доктриной того периода как видовые по отношению к более общему родовому понятию — «норма права», что исключало возможность существования отношений

¹ См.: Недбайло П.Е. Указ. раб. С. 74.

² См.: Там же. С. 75.

³ См.: Там же. С. 74.

тождественности между родовым и видовым понятиями, неразрывно взаимосвязанными, но в то же время разноуровневыми. Именно такое понимание характера структурных и функциональных взаимосвязей данных понятий четко прослеживается в более поздних доктринальных источниках.

В общем объеме последующих знаний о сущности императивных норм права, выработанных советскими правоведами во второй половине XX в., отдельные положения заслуживают особого внимания. В частности, представляют интерес суждения О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, уточнивших область применения и соотношение объемов императивных и диспозитивных норм в советском законодательстве. Ученые высказывают мнение о том, что существование диспозитивных норм вне предназначенной для этого области гражданского права надлежит считать редчайшим явлением и объясняют это тем, что в иных отраслях права «... соглашение участников правоотношения не имеет того значения, какое оно имеет в праве гражданском»¹.

В.С. Основин в качестве основания для классификации норм права на императивные, не допускающие никаких отступлений от сформулированных в них правил, и диспозитивные использовал отличающийся от рассмотренных ранее критерий — *характер обязательности содержащихся в норме предписаний*². При этом в общем числе видов правовых норм ученый выделял рекомендательные нормы, которые считал разновидностью диспозитивных норм³.

Аналогичный критерий для классификации норм использует Я.С. Михалык, отмечающий, что абсолютно-определенное правило императивной нормы не подлежит изменению как по взаимному согласию сторон, так и по воле одной стороны правоотношения⁴. Примечательно, что в данной классификации, помимо диспозитивных норм, ученый также выделяет нормы относительно определенные, бланкетные и отсылочные, обращая внимание

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 173.

² См.: Основин В.С. Нормы советского государственного права. М., 1963. С. 53.

³ См.: Там же. С. 54.

⁴ См.: Теория государства и права: учебник / Г.А. Белов, В.В. Борисов, В.Е. Гулиев, А.И. Денисов [и др.]; под ред. А.И. Денисова. М., 1967. С. 292.

на наибольшую распространенность императивных и диспозитивных норм¹. Идентичные взгляды на классификационный критерий, видовое разнообразие правовых норм и сущность императивных норм изложены Я.С. Михалюком в учебнике, опубликованном в 1980 г.²

Представляют интерес более поздние взгляды А.Ф. Шебанова, изложенные в опубликованном в 1968 г. учебнике, в авторский коллектив которого он входил. Перечисляя различные виды правовых норм, А.Ф. Шебанов опускает дифференциацию последних на императивные и диспозитивные по какому-либо критерию³. Вместо этого в параграфе, посвященном структуре правовой нормы, ученый по критерию характера подразделяет необходимый элемент нормы права — диспозицию, на два вида, выделяя *повелительные* (или *императивные*) и *восполнительные* (или *диспозитивные*) диспозиции⁴. В качестве признаков первого вида А.Ф. Шебанов называет содержание требования соблюдения участниками отношения определенного поведения, не допускающего отклонения⁵. Аналогичная точка зрения изложена им в учебнике, опубликованном в 1974 г.⁶

Анализ позиций О.С. Иоффе⁷, Е.А. Зарубинского⁸, И.Я. Дюрягина⁹ и Я.С. Михалюка¹⁰ выявляет однообразие в лингвистическом выражении и смысловой трактовке учеными *императивных норм* как вида правовых норм,

¹ См.: Теория государства и права: учебник / Г.А. Белов, В.В. Борисов, В.Е. Гулиев, А.И. Денисов [и др.]; под ред. А.И. Денисова. С. 292–293.

² См.: Там же. С. 316.

³ См.: Теория государства и права: учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич, А.Л. Недавний [и др.]; отв. ред. Н.Г. Александров. М., 1968. С. 436–439.

⁴ См.: Там же. С. 441–442.

⁵ См.: Там же. С. 442.

⁶ См.: Теория государства и права: учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич, А.Л. Недавний [и др.]; отв. ред. Н.Г. Александров. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1974. С. 463.

⁷ См.: Основы советского права : учебное пособие / под общ. ред. О.С. Иоффе. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1970. С. 58–59.

⁸ См.: Советское право: учебник / Б.Л. Борисов, В.Г. Вердников, И.Г. Гальперин, А.В. Дозорцев [и др.]; под ред. А.В. Дозорцева. М., 1969. С. 41.

⁹ См.: Основы теории государства и права / С.С. Алексеев, П.Т. Васьков, И.Я. Дюрягин, С.Н. Кожевников [и др.]; отв. ред. С.С. Алексеев. М., 1969. С. 250; Основы теории государства и права: учебное пособие / С.С. Алексеев, П.Т. Васьков, И.Я. Дюрягин, С.Н. Кожевников [и др.]; отв. ред. С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1971. С. 267.

¹⁰ См.: Теория государства и права: учебник / В.Е. Гулиев, А.И. Денисов, В.Д. Зоркин, Э.Л. Кузьмин [и др.]; под ред. А.И. Денисова. М., 1972. С. 393–394.

содержащих определенные предписания, не подлежащие изменению по воле сторон. Вместе с тем понимание сущности императивных норм права, изложенное в опубликованном в 1973 г. учебнике по марксистско-ленинской общей теории государства и права, имеет очевидное сходство с ранее рассмотренной позицией П.Е. Недбайло. В данном учебнике императивность рассматривается в ином смысловом значении, отождествляясь с выраженным во всякой норме государственно-властным велением¹. Классифицируя нормы права на *категорические*, диспозитивные и рекомендательные, авторы учебника утверждают: «Все нормы императивны, но категорические предписывают строго определенные действия и поступки, точно очерчивают права и обязанности субъектов права»².

Аналогичный взгляд на императивность как признак правовой нормы выразил Б.А. Деготь. Примечательно, что ученый одновременно и констатирует принадлежность всякой правовой норме признака императивности, который проявляется в происхождении нормы от властного субъекта³, и выделяет императивные нормы как специфический вид правовых норм⁴. Б.А. Деготь подчеркивает неравнозначность признака императивности и вида императивных норм, обращает внимание на необходимость четкого разграничения двух данных понятий и в целях их должной дифференциации приводит подробное описание их признаков⁵. Выявленная в доктринальных взглядах Б.А. Деготь, П.Е. Недбайло и некоторых других правоведов сходность формы лингвистического выражения приведенных разнородных объектов дает формальные основания для отождествления родового понятия с видовым, что приводит к явному логическому противоречию в теоретическом знании. С учетом изложенного имеются основания утверждать о разрозненности форм лингвистического выражения анализируемого вида правовых норм, а

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / А.М. Айзенберг, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Е.А. Лукашева [и др.]; редколл. Е.А. Лукашева [и др.]. М., 1973. С. 256.

² Там же. С. 257.

³ См.: Деготь Б.А. Указ. раб. С. 7–8.

⁴ См.: Там же. С. 6.

⁵ См.: Там же. С. 7–8.

также о неоднозначности смысловой трактовки термина «императивная норма права».

Наряду с выделенным недостатком теоретических знаний в рассматриваемый период заслуживала внимание отмеченная В.Э. Краснянским проблема определения классификационных критериев выделения анализируемого вида правовых норм. В.Э. Краснянский указывал, что при дифференциации норм права на императивные (категорические) и диспозитивные правоведы применяют критерии, качественные различия между которыми столь велики, что имеются основания утверждать об их разнородности. В качестве примера автор приводил соотношение между критерием формы содержащегося в норме предписания и критерием характера данного предписания¹. Наметив задачу преодоления поднятой проблемы разноречивости мнений, ученый высказывал мнение о том, что в качестве классификационного критерия подразделения норм права на императивные и диспозитивные может выступать метод правового регулирования. Отличительными признаками императивных норм права, выделенных на основании названного критерия, В.Э. Краснянский считал точность определения порядка возникновения, содержания и объема прав и обязанностей субъектов правоотношения, нахождение данных субъектов в отношениях власти и подчинения, а также невозможность изменения предписаний императивных норм по их соглашению².

Анализ научной и учебной литературы, относящейся к 80-м гг. XX в., показывает частичное преодоление правоведами поднятой терминологической проблемы³. Форма лингвистического выражения «*императивная нор-*

¹ См.: Общая теория государства и права: Общая теория права / Л.И. Антонова, Н.А. Беляев, Г.П. Беляева, Г.Б. Гальперин [и др.]; отв. ред. В.С. Петров, Л.С. Явич. Л., 1974. Т. 2. С. 272.

² См.: Там же. С. 274.

³ См.: Теория государства и права: учебник / А.И. Денисов, В.Д. Зоркин и др. С. 316; Теория государства и права: учебник / С.С. Алексеев, П.Т. Васьков, И.Я. Дюрягин, В.Б. Исаков [и др.]; под ред. С.С. Алексеева. М., 1985. С. 344–345; *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: курс лекций / науч. ред. М.Н. Марченко. Казань, 1987. С. 230–231; *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 73–75.

ма» закрепились в том числе и в энциклопедических изданиях¹ как вид норм права, предписания которых выражают меру необходимого поведения и не подлежат изменению или дополнению по воле их адресатов. Вместе с тем в вопросе о выделении императивности в качестве признака правовой нормы однозначного мнения не сложилось. Спектр взглядов правоведов варьировался от утверждений о неотъемлемости данного признака² до его фактической реорганизации, сопряженной с идентичным смысловым выражением в признаках государственно-властного характера, общеобязательности и охраны правовой нормы мерами принуждения. Проблема определения классификационного критерия выделения императивных норм советской юридической наукой также не была решена.

Обобщая изложенное, следует высоко оценить вклад советских правоведов в развитие теории правовых норм. В числе наиболее значимых достижений рассмотренного этапа генезиса юридических наук особенно выделяется постепенное преодоление сложившейся в дореволюционный период полемики о самом существовании неимперативных норм права³. Это обстоятельство сформировало логические предпосылки к выделению, четкому разграничению и подробному осмыслению всего видового многообразия правовых норм, выделяемых по критерию метода правового регулирования — диспозитивных, рекомендательных и поощрительных. В данных условиях, помимо единой формы лингвистического выражения, были выработаны и устоялись положения о безальтернативности и безусловности, количественном преобладании в действующем законодательстве, а также инвариантности предписаний императивных норм от диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм права. При этом общее состояние развития теории правовых норм создало необходимые условия для дальнейшего расширения соответ-

¹ См.: Юридический энциклопедический словарь / Т.Е. Абова, А.Б. Альтшулер, М.В. Баглай, Г.В. Барабашев [и др.]; редколл. М.М. Богуславский, М.И. Козырь [и др.]; гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1984. С. 122, 198–199.

² См.: Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1981. С. 63.

³ См.: Коркунов Н.М. Указ. раб. С. 120–124.

ствующих знаний, в том числе путем определения признаков, структурных связей и функций императивных норм права через ближайший род и видовое отличие¹.

Рассмотренные знания о сущности, признаках и целевом назначении императивных норм легли в основу соответствующего раздела теории государства и права в более поздний, постсоветский период. При этом ключевыми особенностями данного этапа, рельефно проявившимися в развитии института императивных норм и задавшими магистральное направление этого развития, надлежит считать идеологический и методологический плюрализм. Названные концептуальные начала постнеклассической науки создали благоприятные условия для количественного роста и одновременной существенной дифференциации доктринальных взглядов правоведов на отдельные вопросы, связанные с институтом императивных норм права при общей схожести понимания сущности, содержания и целевого назначения данного вида правовых норм.

Ярким примером, демонстрирующим острую полемику мнений, предстает уже поднимавшийся вопрос установления классификационного критерия выделения императивных норм наряду с иными, специфичными видами норм права — диспозитивными, поощрительными и рекомендательными. Выявленная при изучении доктринальных взглядов советских правоведов разрозненность суждений по данному вопросу значительно расширилась на рассматриваемом этапе. Не претендующий на исчерпывающий характер анализ классификационных суждений российских правоведов выявляет не менее 10 подобных оснований. Во-первых, таким основанием выступает *метод правового регулирования* (М.И. Абдулаев², В.К. Бабаев³, М.И. Байтин⁴,

¹ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 410–412.

² См.: Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004. С. 199.

³ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 378.

⁴ См.: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 221–223; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 326.

В.Л. Кулапов¹, А.В. Малько и Н.И. Матузов², В.В. Оксамытный³, М.М. Рассолов и В.П. Малахов⁴, Н.М. Чепурнова и А.В. Серегин⁵); во-вторых, *способ установления правил поведения субъектов правоотношений* (М.И. Абдулаев⁶, С.В. Клименко и А.Л. Чичерин⁷, С.А. Комаров и А.В. Малько⁸); в-третьих, *характер обязательности содержащихся в нормах предписаний для ее адресатов* (В.В. Лазарев и С.В. Липень⁹); в-четвертых, *степень обязательности нормы права* (Н.А. Власенко¹⁰); в-пятых, *характер содержащегося в норме предписания* (И.М. Рассолов¹¹); в-шестых, *характер воздействия нормы права на общественные отношения* (А.С. Пиголкин¹²); в-седьмых, *степень определенности содержания предписания нормы* (О.Э. Лейст¹³); в-восьмых, *степень властности предписания нормы права* (А.В. Баранов¹⁴); в-девятых, *степень категоричности предписываемого правовой нормой поведения*

¹ См.: Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник. Саратов, 2011. С. 260–261.

² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. С. 280–281.

³ См.: Оксамытный В.В. Общая теория государства и права. М., 2012. С. 349.

⁴ См.: Рассолов М.М., Малахов В.П., Иванов А.А. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 201.

⁵ См.: Чепурнова Н.М., Серегин А.В. Теория государства и права: учебное пособие. М., 2007. С. 303.

⁶ См.: Абдулаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права: учебник. СПб., 2003. С. 330.

⁷ См.: Клименко С.В., Чичерин А.Л. Основы государства и права: пособие для поступающих в юридические вузы. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 66–67.

⁸ См.: Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. М., 1999. С. 191.

⁹ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 1998. С. 202.

¹⁰ См.: Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд., перераб., доп. и испр. М., 2011. С. 135–137.

¹¹ См.: Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 323.

¹² См.: Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев [и др.]; под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр и доп. М., 1998. С. 163.

¹³ См.: Теория государства и права. Теория права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Ч. 2. С. 222–223.

¹⁴ См.: Баранов А.В. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. М.М. Журавлева. Томск, 2014. С. 49.

(А.В. Мицкевич¹) и в-десятых — *условность или безусловность позитивно-правового содержания правовой нормы* (В.С. Нерсесянц²).

Сам факт выделения качественно идентичных видов правовых норм по разнородным классификационным критериям служит явным индикатором поиска конкретного, существенного признака, пригодного для статуса классификационного основания понятия «норма права» в соответствии с правилами формально-логического деления объема понятия³. В контексте этого поиска вызывает интерес точка зрения А.В. Мелехина, который полагает, что характер обязательности нормы права и степень категоричности ее предписания выступают идентичными по смыслу классификационными критериями⁴. Прямую причинно-следственную связь между методом правового регулирования и характером предписания, содержащегося в норме права, отмечают А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов и В.А. Кучинский⁵. Вместе с тем в настоящий момент поднятая значимая проблема не решена, а существующие трактовки остаются разрозненными.

Проанализировав указанные доктринальные взгляды и аргументацию, приведенную в их обоснование, считаем необходимым разделить позицию о целесообразности оценки в качестве искомого классификационного основания *именно метода правового регулирования*. Обоснованием данного вывода, по нашему мнению, служит фундаментальный характер метода. Приняв во внимание названный характер, исчерпывающее большинство прочих выделенных классификационных критериев можно расценить как непосредственные частные проявления способа целенаправленного воздействия властного субъекта на общественные отношения, обнаруживаемые как в предписаниях норм, так и в практике их применения. Данные проявления, безусловно, зна-

¹ См.: Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004. С. 263.

² См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1999. С. 399.

³ См.: *Кондраков Н.И.* Логический словарь-справочник. С. 248.

⁴ См.: *Мелехин А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2007. С. 269.

⁵ См.: *Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А.* Общая теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. В.А. Кучинского. М., 2006. С. 255.

чимы, и могут быть использованы как вспомогательные средства еще более детальной дифференциации императивных, диспозитивных, рекомендательных и поощрительных правовых норм. Вместе с тем, следуя выработанным в логике положениям о том, что классификационным основанием должен выступать наиболее существенный и важный признак¹, в качестве такового надлежит определить именно метод правового регулирования.

Помимо тенденции обострения дискуссионности знаний о некоторых аспектах института императивных норм права, в современный период наметились предпосылки процесса переосмысления места, роли и значения различных видов правовых норм в отраслевом законодательстве и в механизме правового регулирования в целом. В условиях конституционного провозглашения России правовым государством закономерно произошла некоторая деактуализация выработанных советскими правоведами знаний по данному вопросу. В частности, диспозитивные нормы права, областью применения которых в начале 60-х гг. XX в. считалось исключительно гражданское право², в постсоветский период нашли широкое применение в большинстве отраслей как частного, так и публичного права³. Исключением не является даже уголовное право России⁴, диспозитивные нормы в источниках которого, по мнению А.В. Сумачева, присутствуют, но носят казуистический и бессистемный характер⁵. В контексте поднятого вопроса интересно мнение М.П. Антокольской, констатировавшей изменение метода семейно-правового регулирования под влиянием значительного увеличения числа диспозитивных норм в семейном праве⁶, а также А.В. Михайлова, отмечающего общий ренессанс

¹ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 247–248.

² См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. раб. С. 173.

³ См.: Лапишин И.С. Диспозитивные нормы российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 6–7.

⁴ См.: Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве: монография. М., 2003. С. 99–136.

⁵ См.: Сумачев А.В. Диспозитивность в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 70.

⁶ См.: Антокольская М.В. Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 19–20.

частного права в России в диссонанс тенденциям поглощения частного права публичным в юридических науках некоторых зарубежных государств¹.

Приведенные примеры ограничены и фрагментарны, однако они иллюстрируют существенные изменения в подходах современного законодателя к регулированию и охране правоотношений, что в числе прочего сказывается и на теоретических знаниях об императивных нормах права. Данные обстоятельства нуждаются в осмыслении, а соответствующие положения юридической науки — в уточнении, для правильного описания прикладного значения различных видов правовых норм, а также в целях надлежащего концептуального сопровождения законотворческой деятельности, содействия выработке нормативных актов, оптимально сочетающих различные виды правовых норм для удовлетворения социальных ожиданий и публичных интересов.

Не столь подробно разработанной, но не менее актуальной предстает выявленная в процессе анализа современной научной и учебной литературы проблема доктринальной трактовки понятия «императивность», выражающаяся в существенном сужении его формально-логического объема. Если термин «диспозитивность» в юриспруденции выражает не только отличительный признак вида правовой нормы и метод правового регулирования, но также и основополагающий принцип некоторых правовых отраслей, определяющий характер соответствующих норм (И.С. Лапшин с отсылкой к научной и учебной литературе констатирует, что данным термином обозначается не менее семи объектов, называя в их числе принципы материальных и процессуальных отраслей права, вид правовых норм и метод правового регулирования)², то термин «императивность» подобной трактовки не получил. Этот термин означает разновидность метода правового регулирования и конкретный вид правовых норм, но не какие-либо концептуальные начала юриспруденции.

¹ См.: Михайлов А.В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 22–23.

² См.: Лапшин И.С. Диспозитивные нормы права. Н. Новгород, 2002. С. 15–18.

Вместе с тем в работах некоторых правоведов термину «императивность» придается значение, несвойственное понятию «диспозитивность»: императивностью обозначаются необходимые атрибуты всякой нормы права — ее общеобязательность, а также государственно-волевой характер¹. Нами уже отмечалась спорность лингвистической и логической корректности такого подхода при анализе доктринальных позиций советских правоведов. Полагаем, что термин, обозначающий видовой отличительный признак, не может одновременно выражать признак родового понятия. Подобная ситуация приводит к явному нарушению формально-логических правил определения понятий², так как закономерно влечет за собой нечеткость, неясность и двусмысленность понимания разнородных признаков.

Изложенное дает основание утверждать о различии формально-логических объемов и областей применения двух соотносительных, сравнимых, находящихся в отношениях противоположности понятий «императивность» и «диспозитивность» в междисциплинарном масштабе, что надлежит считать проблемным вопросом, решение которого также выступает актуальной задачей современной юридической науки, обостряющейся обоснованно отмеченной Е.В. Грушевской недостаточной разработанностью понятия «императивность»³.

Полагаем, что практически исчерпывающая правовая регламентация публично-правовых правоотношений с применением императивного метода правового регулирования актуализирует постановку вопроса о выделении в числе начал публичного права России принципа императивности, его противопоставления принципу диспозитивности в механизме правового регулирования, в целях расширения и углубления познаний о концептуальных началах отечественного права.

¹ См.: *Байтин М.И.* Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 222–223; *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. С. 85.

² См.: *Кондраков Н.И.* Логический словарь-справочник. С. 468.

³ См.: *Грушевская Е.В.* Императивность в гражданском праве: понятие и правовая природа // *Общество и право.* 2008. № 1 (19). С. 95.

Неясность усматривается в вопросах, затрагивающих некоторые обстоятельства, дающие основания для оценки императивных правовых норм в качестве главенствующего средства стабилизации и обеспечения унификации правового регулирования общественных отношений в масштабах всей правовой системы России. С одной стороны, отметим, что полноценная реализация функций и проявление полезных признаков императивных норм права в правовой жизни закономерно требуют достижения незыблемости таких норм. Вместе с тем российскими правоведами убедительно доказана правомерность и даже рациональность существования исключений в праве¹. Как отметил по этому поводу С.Ю. Суменков, «... если государство устанавливает нормы, учреждающие правила, то оно компетентно в императивном порядке санкционировать исключения. В данном аспекте исключения, равно как и правила, создаются на основе государственно-властного решения; облачаются в форму нормативных предписаний»². При этом многомерный пласт сложных вопросов соотношения идеальной модели императивной нормы права с потребностями практики в некоторой, ограниченной гибкости механизма правового регулирования, как и возможные пределы такой гибкости правовых норм, остро нуждаются в дальнейшей детальной разработке.

Подводя итог, необходимо отметить, что проведенное исследование не претендует на полноту охвата всего богатства знаний отечественных правоведов об императивных нормах права, однако отражает ход генезиса данного вида правовых норм в пределах заданных хронологических рамок, раскрывает их сущность и позволяет проследить присущую им специфику. Обобщая рассмотренные доктринальные позиции дореволюционных, советских и современных правоведов, а также сопоставляя их между собой, представляется возможным сделать ряд следующих умозаключений:

¹ См.: *Неякин Д.С.* Исключительные нормы как особая разновидность специальных норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 64–69.

² См.: *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 30.

1. Понимание сущности императивных норм права закономерно требует учета логических взаимосвязей понятий «императивная норма права» и «норма права». Объем понятия «норма права» более широк, в нем в качестве его частей мыслятся объемы видовых понятий, в том числе понятия «императивная норма права». Это обстоятельство указывает на наличие между анализируемыми понятиями отношений подчинения, означающих, что подчиненному видовому понятию «императивная норма права» необходимо присущи все признаки подчиняющего родового понятия «норма права», а также некоторая совокупность иных специальных существенных признаков, индивидуализирующих видовое подчиненное понятие и не свойственных родовому подчиняющему понятию.

2. К числу *существенных признаков понятия «императивная норма права»*, выражающих его сущность, присущих только ему и не свойственных ни родовому подчиняющему понятию, ни иным видовым соподчиненным понятиям, представляется возможным отнести:

а) *необходимую, существенную и устойчивую диалектическую взаимосвязь с императивным методом правового регулирования*, наиболее значимыми проявлениями которой следует считать исключительность формирования правовых предписаний императивных норм посредством названного метода правового регулирования, а также статус этой разновидности норм права как единственного, исчерпывающего способа объективизации императивного метода воздействия на общественные отношения в таком источнике права России и одновременно в компоненте механизма правового регулирования, как нормативный правовой акт. По существу именно данное обстоятельство надлежит считать ключевой отличительной особенностью императивных норм права, от которой происходят все прочие признаки, характерные для этого вида правовых норм;

б) *строгую обязательность правил, закрепленных в императивной норме права, для адресата*, исключаящую вариативность урегулированного нормой юридически значимого поведения, предполагающую неправомер-

ность отступления от его установленных моделей, необходимость соблюдения и исполнения требований императивной нормы вне зависимости от воли и волеизъявления ее адресата, а в отдельных случаях — безусловность действия правовой нормы и инвариантность от юридических предписаний неимперативных норм, а также от правил, закрепленных в иных источниках права России. Данный признак исключителен. Если возможность несоблюдения либо ненадлежащего соблюдения субъектом предписаний рекомендательных норм предполагается и допускается, а диспозитивных норм, в некоторых случаях, допускается, то несоблюдение императивных норм категорически запрещено, что выделяет императивные нормы в общем массиве правовых норм;

в) *невозможность замены, изменения или отмены предписания императивной нормы по воле и волеизъявлению субъекта регулируемого или охраняемого императивной нормой правоотношения, а также по соглашению сторон правоотношения, при которой соответствующая модель поведения может быть подвержена той или иной степени корректировки только правилами другой предметной императивной нормы, обладающей идентичной (нормы-исключения) либо превалирующей юридической силой. Данный признак также исключителен. Если рекомендательные и поощрительные нормы предписывают желательную модель поведения, оставляя определение этой модели на полное усмотрения субъекта и ни к чему его не обязывая, а диспозитивные нормы прямо управомочивают субъектов по взаимному соглашению определить в некоторых пределах объем их прав и обязанностей в конкретном правоотношении, то предписания императивных норм исключают свободу выбора модели поведения, не предусматривают альтернативы данной модели и не подлежат как частичному, так и полному изменению, дополнению и отмене по воле субъекта, которому они адресованы.*

г) *обеспеченность наиболее строгими мерами государственного принуждения, заключающаяся в том, что возможность применения к правонарушителю мер уголовной и административной ответственности, как самых*

неблагоприятных из таких мер, связанных с лишением или с ограничением важнейших прав и свобод, выступает исключительным следствием нарушения предписаний императивных норм права;

д) *специфичную, абсолютную степень формальной определенности содержащегося в императивной норме предписания*, выражающуюся в точном определении должной меры поведения субъекта, достижении предельной четкости, ясности, логической завершенности и недвусмысленности описания количественных и качественных характеристик условий применения такой нормы, а также способов и последствий ее реализации. Данный признак также выделяет императивные нормы права. Если конкретность поощрительных, рекомендательных и диспозитивных норм может быть различной, то особое внимание законодателя к формальной определенности юридического предписания, содержащегося в императивной норме права, определяется характером и целевым назначением данной нормы. В ней выражается взгляд властного субъекта на должный, оптимальный, отвечающий публичным интересам порядок функционирования и развития социально значимых общественных отношений, а также на разумные и соразмерные последствия для субъекта, своими действиями исполнившего либо не исполнившего данное предписание.

3. По результатам исследования предлагается следующее определение: *императивные нормы права* — это отправная и системно значимая для механизма правового регулирования разновидность норм, в предписаниях которых объективируются неукоснительные властные веления, формирующие в каждой отрасли российского права гарантированное публичной властью поле единообразного правового регулирования путем закрепления незыблемого правового статуса участников и объектов конкретных правоотношений, подробного описания строго обязательных для адресатов моделей правомерного поведения и установления мер неотвратимой юридической ответственности за их несоблюдение, а также путем определения пределов регламентации общественных отношений соглашениями сторон, предписаниями неимпера-

тивных норм, а равно правилами иных источников права, идентичных или нижестоящих по юридической силе.

4. Сложные диалектические взаимосвязи императивных, диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм российского права в существующем механизме правового регулирования подчиняются некоторым важным общим закономерностям.

Во-первых, императивные нормы ограничивают реализацию всех прочих разновидностей норм в праве, комплексно устанавливая допустимые пределы их применения. Иллюстрируя данное обстоятельство, отметим, что при всей широте вариативности, богатстве разнообразия возможного содержания тех правоотношений, которые, в дозволенной диспозитивными нормами части могут быть определены взаимным соглашением сторон, на предмет, а также на права, обязанности и ответственность участников таких отношений всегда налагается множество категоричных рамочных ограничений, заданных исходными, общими и специальными императивными нормами права, в том числе обладающими дифференцированной отраслевой принадлежностью. Аналогичные ограничения существуют и четко прослеживаются, например, в выборе допустимых путей следования рекомендациям, данным в нормах права, а также в определении способов выполнения условий, дающих право на получение предусмотренного действующим законодательством поощрения. Несоблюдение таких ограничений не только неуклонно сказывается на законности возникших правоотношений, но также может образовывать состав правонарушения или преступления.

Во-вторых, массив императивных правовых норм, обеспечивая стабильность содержания национального права, очерчивает ряд границ регламентации законодателем общественных отношений посредством диспозитивного, рекомендательного и поощрительного методов правового регулирования. Важнейшим проявлением выделенной закономерности следует считать недопустимость таких, образующих юридические коллизии действий субъекта правотворчества, как принятие норм, без достаточных к тому осно-

ваний умаляющих статус какого-либо субъекта права, ставя незыблемые личные, социальные, политические и иные права и свободы в зависимость от соглашения или от одностороннего волеизъявления третьего лица, а равно дублирование установленных императивными предписаниями правомочий, обязанностей или ответственности в диспозитивных, рекомендательных и поощрительных нормах. Помимо этого, выражение рассматриваемой закономерности в нормотворчестве усматривается нами в очевидной неприемлемости и недопустимости выражения в праве рекомендаций к выполнению, а равно поощрений за реализацию категорически запрещенных, противоправных моделей поведения.

В-третьих, особое положение и ведущая роль императивных норм в действующем механизме правового регулирования не влекут их автономности и не означают, что их взаимоотношения с рекомендательными, поощрительными и диспозитивными нормами носят только односторонний характер. Помимо сложных структурных и функциональных взаимосвязей, специализированных по отношению к каждому предмету правового регулирования, важной общей закономерностью предстает неизменный статус всякой названной разновидности норм как продуктивного инструмента развития общего объема императивных правовых предписаний. Речь идет о том, что неимперативное предписание, отвечающее социально-правовым и экономическим реалиям, а также потребностям общества и государства в упорядочивании правовой жизни, в перспективе прогрессивных преобразований источников соответствующей отрасли права может быть трансформировано законодателем в императивное. Тем самым применение диспозитивного, рекомендательного и поощрительного методов способно в некоторой степени предвосхищать будущие направления использования субъектом правотворчества императивных норм.

5. Одним из следствий ранее отмеченной логической взаимосвязи понятий является совпадение детерминантов возникновения, устойчивости существования и высокой востребованности императивных норм с соответ-

ствующими детерминантами норм права как родового понятия. Специфика анализируемых детерминантов применительно к видовому понятию проявляется в том, что потребность в императивных нормах продиктована необходимостью в регулировании, охране и защите тех социально значимых общественных отношений, посягательство на которые неизбежно затрагивает не только частные, но и публичные интересы. Это обстоятельство также объясняет исключительность использования законодателем императивных норм в качестве инструмента запрета совершения противоправных деяний, имеющих признак общественной опасности (правонарушений) и повышенной общественной опасности (уголовных преступлений): если нормы частного права в некоторых случаях предусматривают возможность нивелирования запрета наступлением некоторых обстоятельств или соглашением сторон, то абсолютное большинство запретов в источниках отраслей публичного права выражается именно в императивных нормах.

6. Форма лингвистического выражения рассматриваемого вида правовых норм характеризовалась многозначностью и дискуссионностью с момента возникновения отечественной теории государства и права в последней трети XIX в. до поздних этапов развития советской теории государства и права в 80-х гг. XX в. В числе значимых причин данного обстоятельства следует выделить относительную непродолжительность дореволюционного этапа возникновения и развития теории государства и права, а также длительное отсутствие в советской юридической науке соответствующих знаний о нормах права на энциклопедическом уровне, что сказалось на состоянии знаний, образующих концепцию императивных норм.

7. Осмысление генезиса концепции императивных норм права в отечественной теории государства и права на рассмотренных конкретно-исторических этапах позволяет четко проследить тенденцию возрастания практической значимости знаний об анализируемом виде правовых норм в советский, а затем и в современный период. Названная тенденция на советском этапе проявлялась, во-первых, в единстве суждений ученых об абсолютном количественном превалировании императивных норм в общем объе-

ме советского законодательства и в одновременной выработке идей об ограниченности сфер правового регулирования, в которых применимы диспозитивные, рекомендательные и поощрительные нормы, а во-вторых, в важном нововведении международного права — закреплении терминов «императивная норма права» и «юс когенс» в международных нормативных правовых актах и в их прикладном использовании в международных отношениях СССР¹. На постсоветском этапе рассматриваемая тенденция выражается, прежде всего, в том, что в этот период термин «императивная норма права», сохранившись в источниках международного права, был, помимо этого, впервые закреплён в отечественном законодательстве (ч. 1 ст. 422², п. 1 ст. 1192 ГК РФ³; ч. 5 ст. 13 АПК РФ⁴), а также получил широкое использование в правоприменительной практике (абз. 4 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г.⁵, п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8⁶, п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 октября 1997 г. № 18⁷, пп. 1–4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16⁸, п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П⁹).

1.3. Функции императивных норм

Понятие «функция» имеет различные, существенно отличающиеся друг от друга значения в современных естественных, технических и гуманитарных науках. С общефилософских позиций функция какого-либо объекта трактуется также неоднозначно. В частности, под функцией ученые понимают присущий объекту способ поведения, содействующий сохранению существова-

¹ См.: Шестаков Л.Н. Указ. раб.

² См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2018. № 22. Ст. 3044.

³ См.: СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2017. № 14. Ст. 1998.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ См.: Российская газета. 2003. 26 дек.

⁶ См.: Российская газета. 1996. 13 авг.

⁷ См.: Российская юстиция. 1998. № 4.

⁸ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

⁹ См.: Российская газета. 2007. 2 февр.

ния объекта и той системы, структурным элементом которой он является¹, выполняемую объектом роль «по поддержанию целостности и устойчивости систем», частью которых объект выступает², а также внешнее проявление свойств объектов в некоторой системе отношений³ и форму воздействия объекта на другие объекты, вещества и явления. Функция мыслится существенной характеристикой объекта и ее важное значение предопределило возникновение в науке специфичного функционального похода к познанию, в рамках которого доказана продуктивность осмысления объекта и его признаков посредством изучения его функциональных проявлений⁴. При этом наличие функции считается атрибутом не всякого объекта, а лишь сложного, системного, способного к самосохранению⁵.

Соответствующие знания о функциях права и системы права, выработанные в теории государства и права, в целом согласуются с приведенными философскими положениями, но в то же время и закономерно отличаются от них специализированным характером, помимо учета которого необходимо принять во внимание ряд следующих значимых обстоятельств.

Во-первых, представляется возможным констатировать недостаточную изученность функциональных характеристик конкретных видов правовых норм, на что обратили внимание И.Н. Сенякин⁶, В.М. Баранов⁷, Т.Н. Радько⁸, Н.Н. Рыбушкин⁹, О.В. Пискунова¹⁰, а также некоторые другие правоведы.

¹ См.: *Философская энциклопедия*: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т. 5. С. 418.

² См.: *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 646.

³ См.: *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986. С. 526.

⁴ См.: *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. / ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов [и др.]. М., 2010. Т. 3. С. 259.

⁵ См.: *Философская энциклопедия*: в 5 т. / гл. ред. Ф. Константинов. Т. 5. С. 419.

⁶ См.: *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 54.

⁷ См.: *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права. С. 70–71.

⁸ См.: *Радько Т.Н.* Теория функций права. М., 2014. С. 256–257.

⁹ См.: *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990. С. 39–40.

¹⁰ См.: *Пискунова О.В.* Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 4–5.

Поднятая проблематика в полной мере свойственна выработанным в теории государства и права знаниям о функциях императивных норм права.

Во-вторых, справедливо утверждать, что всякая норма права выступает первичным элементарным компонентом системы права, а это подразумевает общность функций права, системы права и норм права в некоторых пределах, обусловленных логико-структурными взаимосвязями названных понятий.

В-третьих, отталкиваясь от предыдущего суждения, логично утверждать, что если праву и системе права как родовым понятиям свойственно множество функций, то каждый конкретный вид правовых норм закономерно выполняет только некоторую часть этих функций, отвечающую сущности, специфике и целевому назначению этого вида норм права, локализация которых и является задачей исследования.

Фрагментарность и недостаточную обобщенность знаний о функциях императивных норм права как неблагоприятные проявления названной ранее проблематики целесообразно преодолеть с использованием логической операции ограничения понятий, то есть путем осмысления функций императивных норм права через родовое понятие «функции права». Однако такое направление исследования сталкивается с некоторыми трудностями, выраженными полемикой доктринальных позиций о функциях родового понятия, которое подтверждает правильность выводов Т.Н. Радько об отсутствии в современной юридической науке как единого взгляда на функции права, так и однообразного подхода к их классификации¹. Сказанное актуализирует соответствующее дедуктивное исследование.

Прежде всего, анализ научной и учебной литературы выявляет несколько подходов к пониманию понятия «функция права». Так, преобладающее большинство правоведов при определении сущности исследуемого понятия исходят из того, что функции права выступают направлениями воздей-

¹ См.: Радько Т.Н. Теория функций права. С. 59.

ствия права на общественные отношения¹. В работах других ученых под функцией права понимается его социальная роль в организации общественных отношений². Также имеют место точки зрения о том, что функция права является направлением правового регулирования³.

По результатам анализа доктринальных взглядов целесообразно согласиться с отмеченным преобладающим подходом, поскольку он непротиворечив, аргументирован, сочетается с философским пониманием функции и выработанными в юридической науке знаниями о назначении, целях и задачах права. Кроме того, избранный подход поглощает последний из названных, так как правовое регулирование, несмотря на его очевидную значимость⁴, является лишь одной из форм правового воздействия. Вопрос же соотношения первого и второго подходов может иметь несколько решений, в том числе выраженных условным допущением тождества роли и направлений воздействия права, а также пониманием второго подхода как пригодного для широких теоретических обобщений, но нерационального к применению в конкретных теоретических и прикладных исследованиях. Рассмотренные положения определяют взгляд на сущность функций императивных норм права и дают основания рассматривать последние в качестве направлений специфического воздействия данного вида правовых норм на общественные отношения.

Определившись с подходом к пониманию функций права, следует отметить, что взгляды ученых на их классификацию также носят дискуссионный характер, выраженный в достаточно широкой дифференциации мнений о классификационных критериях и содержании конкретных классификационных групп. Наименьшая острота полемики прослеживается в подразделе-

¹ См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 12.

² См.: Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 34.

³ См.: Рыженков А.Я. Компенсационная функция советского гражданского права. Саратов, 1983. С. 8.

⁴ См.: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 139.

нии функций права по критерию элементов системы права. В данной классификации Т.Н. Радько выделяет функции общеправовые, межотраслевые и отраслевые, функции правовых институтов, комплексных институтов и непосредственно норм права¹. Аналогичная по смыслу классификация приводится И.Н. Куксиным и П.А. Матвеевым по критерию объема правового воздействия на общественные отношения. Она включает группы общеправовых, межотраслевых и отраслевых функций, а также функции правовых институтов и правовых норм², однако данные различия не существенны. Для проводимого исследования важны, прежде всего, четко прослеживаемые структурные и функциональные взаимосвязи классификационных групп, выражающиеся в том, что функции каждой группы, вышестоящей в иерархии правовой системы, конкретизируются, уточняются и дополняются в функциях нижестоящих групп³. Отсюда следует умозаключение о том, что при условии строгого соблюдения законодателем правил юридической техники и построения норм в соответствии с концептуальными началами, а также целями и задачами соответствующих вышестоящих элементов системы права, объем функций всякого вида норм права будет иметь весьма условную автономность содержания, так как по существу пределы этого объема будут задаваться и обуславливаться соответствующими функциями отрасли, подотрасли, института и субинститута права, элементарным компонентом которых выступает конкретная норма.

Выведенное умозаключение надлежит считать односторонне характеризующим функциональный потенциал правовых норм. Суждение о функциях императивных норм права, построенное исключительно на данном умозаключении, взятом в качестве посылки, нивелировало бы влияние сущности и индивидуализирующих качеств данного вида правовых норм на объем их

¹ См.: Радько Т.Н. Теория функций права. С. 123.

² См.: Куксин И.Н., Матвеев П.А. Теоретические основы классификации функций права // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 18.

³ См.: Радько Т.Н. Теория функций права. С. 124.

функций, что по существу уравнило бы функциональное значение императивных, диспозитивных, рекомендательных и специальных норм.

Для цели комплексного понимания функций императивных норм права представляет интерес другая, также носящая дискуссионный характер классификация родового понятия, которую Т.Н. Радько осуществляет по критерию внутреннего содержания правового воздействия¹, подразделяя функции права на всеобщие (основные) и отраслевые (неосновные)². К числу всеобщих функций права ученый относит общепризнанно имманентные праву регулятивную и охранительную функции³, охватывающие всю сферу воздействия права на общественные отношения, а в качестве отраслевых выделяет не характерные для исчерпывающего числа отраслей права экономическую, воспитательную, политическую и идеологическую функции⁴. М.И. Байтин по схожему критерию выделяет три общие основные функции права (регулятивно-статическую, регулятивно-динамическую и регулятивно-охранительную)⁵, а также не основную воспитательную функцию⁶, производные от основных общие функции права (политическую, экономическую и социально-культурную)⁷, производные от основных частные функции права (налоговую, экологическую, демографическую)⁸, производные от основных функции структурных элементов права: отраслей⁹, правовых институтов¹⁰ и отдельных правовых норм¹¹. И.Н. Куксин и П.А. Матвеев по критерию стороны правового воздействия выделяют собственно юридические и условно-социальные функции, называя в первой группе регулятивную, охранительную, компенсационную, ограничительную, восстановительную, карательную

¹ См.: Радько Т.Н. Теория функций права. С. 112–113.

² См.: Там же. С. 114–115.

³ См.: Там же. С. 139.

⁴ См.: Там же. С. 138.

⁵ См.: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 139–141.

⁶ См.: Там же. С. 142–143.

⁷ См.: Там же. С. 146–147.

⁸ См.: Там же. С. 147.

⁹ См.: Там же. С. 147.

¹⁰ См.: Там же. С. 147–148.

¹¹ См.: Там же. С. 148.

и другие функции, а также выделяя во второй группе экономическую, политическую, социально-культурную и экологическую функции¹.

Рассмотренные дифференцированные классификационные взгляды наглядно демонстрируют полифункциональность родового понятия, которая с некоторыми особенностями свойственна и видовым понятиям². С учетом данного обстоятельства возможно утверждать, что оптимальное правовое урегулирование требует не только обеспечения соответствия функций избираемого вида правовой нормы воле законодателя и функциональным пределам, определенным вышестоящими элементами правовой системы, но и выборки востребованных функций самих правовых норм, достижения оптимального распределения функциональной нагрузки.

Разрозненное состояние знаний о системе функций права Т.Н. Радько оценивает как объективное в связи с тем, что «система функций права не может быть определена с абсолютной точностью, поскольку в зависимости от того, по отношению к какой социальной сфере или социальному институту будет рассматриваться роль права, могут быть выделены и соответствующие функции»³, а также полагая, что общественное развитие выступает естественным детерминантом возникновения новых и возможной дифференциации уже существующих функций права⁴.

Сходное утверждение можно считать справедливым и применительно к системе функций императивных норм права. В современной юридической науке выработаны знания о множестве видов качественно различных классификационных групп правовых норм, имеющих отличающиеся задачи и функции. Однако признаки видовых отличий не исключают, а, напротив, предполагают возможность их комбинирования в конкретном правовом предписании. Императивная норма может быть исходной, общей или специальной, выступать естественной единицей источника любой отрасли права, иметь различную юридическую силу, время и пространство действия, а так-

¹ См.: Куксин И.Н., Матвеев П.А. Указ. раб. С. 18.

² См.: Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8; Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 148; Радько Т.Н. Теория функций права. С. 268.

³ См.: Радько Т.Н. Теория функций права. С. 123.

⁴ См.: Там же. С. 123.

же круг адресатов. Сочетание законодателем различных признаков в императивной норме приводит к специфичному содержанию и функциональному значению такой нормы. Здесь необходимо согласиться с высказанной идеей о том, что «дифференциация функций правовых норм не ограничивается их установлением в зависимости от видовой классификации и отраслевой принадлежности юридических норм»¹.

Вместе с тем необходимо согласиться с позицией И.Н. Сенякина, на примере специальных норм права показавшего, что всем юридическим нормам свойственна некоторая совокупность общих функций, проявления которых у различных видов норм могут отличаться, а также ряд специальных функций, присущих только определенным видам правовых норм². Анализ немногочисленных специализированных источников показывает, что к числу общих для всех правовых норм функций ученые относят *регулятивную* и *охранительную*³, функцию *государственной оценки и ориентации поведения субъектов права*⁴, *информационно-ориентирующую*⁵, *целеопределяющую*⁶, *мотивационную*⁷, *конкретизирующую*⁸, *системообразующую*⁹, *гносеологическую*¹⁰, *воспитательную*¹¹ и функцию *социального контроля*¹².

¹ Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 210–211.

² См.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. С. 56.

³ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. С. 169.

⁴ См.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 13.

⁵ См.: Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 18.

⁶ См.: Пискунова О.В. Виды функций правовых норм // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 90

⁷ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. С. 217, 221.

⁸ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 81–82.

⁹ См.: Пискунова О.В. Функции норм российского права. С. 8.

¹⁰ См.: Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 19.

¹¹ См.: Швыркин А.А. Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 48–76.

¹² См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1978. С. 73.

Специальные функции, как правило, раскрываются правоведами применительно к конкретным видам правовых норм. Вместе с тем О.В. Пискунова условно выделила в числе специальных функций правовых норм *учредительную, компенсационно-восполнительную, карательную и конкретизационную функции*¹.

Разделяя приведенные взгляды в целом, считаем необходимым уточнить их применительно к функциональным характеристикам императивных норм права в механизме правового регулирования с использованием названной классификации. Подобный подход позволит проследить специфику проявлений общих функций императивных норм, а также локализовать совокупность специальных функций.

Последовательно характеризуя особенности выполнения каждой из указанных общих функций императивными нормами права, отметим, что применительно к *регулятивной функции* анализируемая специфика выражена достаточно ясно. Она усматривается в том, что только регулятивные императивные нормы выступают основным и не имеющим альтернативы инструментом закрепления незыблемого правового статуса субъекта права и субъекта правоотношения, а также определенного, отвечающего публичным интересам порядка урегулирования наиболее значимых общественных отношений во всем объеме законодательства. Описанная специфика регулятивной нормы полностью производна от признака императивности: только закрепленные в императивных предписаниях обязанности и права не подлежат уменьшению или изменению по воле или соглашению сторон и могут быть пересмотрены только другой императивной нормой с идентичной либо с преобладающей юридической силой. Подобная функциональная значимость императивных норм для всего механизма правового регулирования объясняет широту использования именно этой разновидности не только в публичном, но даже и в частном праве, при установлении правомерного порядка удовлетво-

¹ См.: Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 20.

рения законных интересов и потребностей участников соответствующих правоотношений¹. Вместе с тем необходимо учитывать, что конституционно закрепленный статус Российской Федерации как правового государства предполагает естественные пределы воздействия публичной власти на гражданское общество. Как следствие, в перспективе развития институтов правового государства и при соблюдении условий постоянного укрепления правовой культуры, гражданского сознания и договорной дисциплины, по нашему мнению, регулятивная функция императивных норм в механизме правового регулирования может охватывать более узкое поле юридического воздействия федеральной, региональной и местной власти на определенные публичные и частные правоотношения с одновременным возрастанием регулятивной нагрузки диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм во множестве сфер жизнедеятельности общества.

Охранительная функция императивных норм, по нашему мнению, также имеет отличительную особенность: именно благодаря императивному методу правового регулирования данная функция исключительна и безальтернативна для деятельности органов законодательной власти по нормативному закреплению запретов посягательств на общественные отношения в формах уголовных преступлений, административных и иных правонарушений, а также для деятельности правоохранительных органов исполнительной власти и органов судебной власти по охране и защите соответствующих правоотношений. Охранительные функции диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм объективно не способны в полной мере заменить идентичную функцию императивных норм в механизме государственно-правового регулирования, так как не только криминализация и административно-правовой запрет деяния, но и социально значимый запрет в области частного права, закрепленный в неимперативной норме, во-первых, вступит в явную конфронтацию с общеправовым принципом неотвратимости ответственно-

¹ См.: Брагинский М.И. О нормативном регулировании договоров // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 72.

сти; во-вторых, с высокой долей вероятности будет противоречить сущности концептуальных начал соответствующих отраслей частного или публичного права; в-третьих, что очевидно, не приведет к достижению обозначенных в соответствующих нормативных актах целей по предупреждению, пресечению и прекращению противоправных и общественно опасных деяний, охране и защите соответствующих правоотношений. В дополнение к изложенному, отмечая широту свободы усмотрения участников гражданских правоотношений по защите своих прав и законных интересов, выраженную, в частности, в возможности по общему соглашению предусмотреть в договоре какой-либо из действенных способов обеспечения исполнения обязательств, укажем, что формально-юридический анализ норм ч. 2 ГК РФ демонстрирует достаточно широкое применение законодателем именно в императивных нормах права такого способа защиты гражданских прав, как возмещение убытков, (например, п. 1 ст. 461, п. 3 ст. 615, ст. 903 ГК РФ).

Особенность *воспитательной функции* императивных норм в механизме правового регулирования отчетливо выражается в методе осуществления этой функции. Если соответствующие функциональные проявления поощрительных и рекомендательных норм базируются на убеждении в его различных формах, то воспитательная функция императивных правовых норм осуществляется преимущественно посредством метода принуждения, с помощью которого достигается необходимое воспитательное воздействие и обеспечивается общая и частная превенция нарушений предписаний императивных норм права. Аналогичная особенность присуща также *информационно-ориентирующей* и *мотивационной* функциям императивных норм.

Конкретизирующая функция императивных норм логично связана с необходимым признаком конкретности данного вида норм. Если предписания диспозитивных, поощрительных и рекомендательных норм могут быть выражены как в казуальной, так и в абстрактной форме с различной степенью ясности, то конкретность категорических предписаний императивной нормы выступает необходимым атрибутом. Именно формальная определен-

ность, четкость, логическая завершенность и недвусмысленность описания количественных и качественных характеристик условий, правил и последствий поведения субъекта позволяют достичь надлежащего выражения в конкретной норме воли законодателя, направленной на оптимальное регулирование определенных отношений для обеспечения соблюдения законных частных и публичных интересов.

Специфику самой конкретизирующей функции императивных норм права можно свести к тому, что в ее рамках обеспечивается надлежащая детализация и последовательная преемственность между взаимосвязанными императивными нормами различной юридической силы на всех уровнях правовой системы и во всех сферах действия механизма правового регулирования. Тем самым для множества дифференцированных императивных норм анализируемая функция выполняет роль иерархической стяжки, обеспечивая устойчивые отраслевые и межотраслевые взаимосвязи между императивными нормами в процессе регулирования, охраны и защиты правоотношений, должную реализацию требований исходных и общих императивных предписаний в правилах специальных императивных норм. Помимо этого, конкретизирующая функция императивных норм особым образом проявляется в связях с неимперативными правовыми предписаниями в частном праве. Это выражается в том, что правила императивных норм задают «своеобразный правовой каркас»¹, обозначая пределы использования диспозитивного, рекомендательного и поощрительного метода правового регулирования в определенных правоотношениях.

Функция *государственной оценки и ориентации поведения субъектов права*, выполняемая императивными нормами, закономерно отличается категоричностью. Эта особенность заключается в четком разделении нормативно урегулированных действий органов государственной власти и должностных лиц, граждан и организаций на группы правомерных и неправомерных. Дан-

¹ См.: Михайлов А.В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием: дис. ... канд. юрид. наук. С. 57–58.

ная функция тесно взаимосвязана с воспитательной, информационно-ориентирующей и мотивационной функциями и направлена на формирование у субъекта права сознательной установки соблюдать правила, предусмотренные действующим законодательством, а также устойчивого убеждения воздерживаться от неправомерного поведения.

Особенности *целеопределяющей* функции императивных норм усматриваются в строгой обязательности заложенной в предписаниях таких норм целевой нагрузки для их адресатов. Выполнение этой функции оказывает влияние не только на правоприменителя, ориентируя его на необходимость достижения своими юридически значимыми действиями определенной, обозначенной в правовых нормах цели, но также непосредственно затрагивает деятельность субъекта правотворчества, сказываясь на направлениях развития, характере изменений и дополнений соответствующих правовых норм. Данные проявления, безусловно, дифференцированы, сложно организованы и зависят от источника и вида конкретной нормы. Так, формально-юридическое осмысление исходной или общей императивной нормы, как правило, позволяет четко проследить выполнение этими типами норм данной функции. Если императивные конституционные положения определяют направления государственного-правового и общественного строительства всей страны, то общие и исходные категорические нормы отраслей обладают меньшей автономностью, обслуживают цели конституционных норм и по отношению к ним выступают задачами их реализации в конкретных отраслях права. Специальные императивные нормы призваны реализовывать общие положения в конкретных правоотношениях, в связи с чем имеют несколько иную функциональную нагрузку, не исключая возможность выполнения данными нормами целеопределяющей функции, направленной на обеспечение самого детализированного уточнения целей права применительно к конкретному правоотношению.

Анализ научной и учебной литературы позволяет констатировать наличие формально-логических оснований для постановки вопроса о целесооб-

разности более глубокого осмысления *системообразующей* функции правовых норм. В обоснование данного суждения следует указать, что норма права служит исходным элементом структуры права, несущим в своем содержании определенное предписание, направленное на регулирование общественных отношений. Закономерно, что данное предписание логически взаимосвязано с множеством иных нормативных предписаний, комплексно регулирующих определенное отношение либо группу отношений. Однако при этом ни простая, ни описательная, ни даже бланкетная или отсылочная диспозиции не выполняют *системообразующей* функции в связи с тем, что надлежащая организация данных норм выступает задачей иных элементов системы права — конкретных отраслей, подотраслей, институтов и субинститутов. Как следствие, *системообразующую* функцию можно условно выделять в числе остальных функций, однако ее содержание целесообразнее свести к пригодности правовой нормы сочетаться с иными нормами в процессе регулирования, охраны и защиты общественных отношений, не образуя пробелов и коллизий в праве. Отталкиваясь от приведенного понимания *системообразующей* функции, можно утверждать, что специфика ее проявления в императивных нормах выражена в тесной связи с конкретизирующей функцией и направлена на обеспечение логико-структурного единства и комплексности правовых предписаний.

В дополнение к проведенному исследованию особенностей общих функций, выполняемых императивными нормами права, необходимо указать, что вопрос о выполнении правовыми нормами *гносеологической функции* и *функции социального контроля* в механизме правового регулирования видится открытым и требующим внимания правоведов. В отношении функции социального контроля необходимо определиться с ее содержанием¹, а затем — с целесообразностью ее выделения, так как без четкого обозначения ее отличительных особенностей она по существу поглощается регулятивной функ-

¹ См.: Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб., 2003. С. 74–75.

цией правовых норм. Вопрос о наличии у правовых норм гносеологической функции также не решен. Гносеологическая составляющая выступает неотъемлемым элементом законотворческой деятельности, концептуальное сопровождение которой существенно влияет на качество принятых нормативных актов. Однако сама норма ориентирована не на познание общественных отношений, а на их упорядочивание, в связи с чем подобная функция несколько не соответствует назначению правовой нормы. Способность же самих норм быть предметом научного исследования и рационального осмысления в гносеологической функции не выражается.

Характеристика специальных функций императивных норм права предстает более трудоемкой задачей по причине их недостаточной изученности. Вместе с тем, обобщая полученные знания о сущности данного вида правовых норм с выводами и заключениями немногочисленных специализированных источников, в числе специальных функций императивных норм права представляется возможным выделить *учредительную, компенсационно-восполнительную, карательную и структурирующую (или нормоорганизующую)* функции.

Учредительная функция императивных норм в механизме государственно-правового регулирования выражается в закреплении незыблемых фундаментальных конституционных и международных прав и свобод человека и гражданина, корреспондирующих данным правам обязанностей и ответственности, а также в их конкретизации во всем объеме отраслевого законодательства, подзаконных и местных нормативных актах. С учетом характера и значения предмета правового регулирования имеются достаточные основания утверждать, что выполнение данной функции как в международном, так и в национальном отечественном публичном и частном праве, свойственно только именно императивным нормам права. Аргументируя данное утверждение, поясним, что специфика функциональных проявлений диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм по существу направле-

на на возможную детализацию учредительной функции, но не на ее непосредственное выполнение.

Карательная функция также свойственна только императивным нормам права и заключается в нормативном закреплении неотвратимых неблагоприятных правовых последствий, наступающих в строго определенных случаях для субъекта, не исполнившего либо ненадлежащим образом исполнившего конкретное категорическое предписание в форме управомачивания (например, при бездействии или при превышении установленных полномочий), обязывания или запрета. В зависимости от характера и последствий неправомерного поведения неблагоприятные правовые последствия могут выражаться в форме конституционно-правовой ответственности (санкций, предусмотренных нормами Конституции РФ для должностных лиц органов государственной власти), международной ответственности (установленных нормами источников международного права санкций, применяемых в отношении международных организаций и публично-правовых образований), уголовной ответственности (различных видов определенной Общей частью УК РФ уголовных наказаний либо предусмотренных УК РФ мер уголовно-правового характера за совершение деяния, запрещенного Особенной частью УК РФ), административной ответственности (определенных федеральными законами РФ, КоАП РФ, а также законами субъектов РФ видов и размеров административных наказаний), гражданско-правовой ответственности (в видах и размерах, определенных нормативным актом или соглашением сторон), а также в формах других видов юридической ответственности.

В действующем механизме правового регулирования неимперативные нормы объективно не пригодны к выполнению данной функции в связи с тем, что допускают субъективное усмотрение или соглашение сторон в вопросе о реализации санкции и привлечения лица к ответственности, чем нивелируют цели и задачи юридической ответственности. Исключением в данном суждении надлежит признать только диспозитивные нормы, которые ограниченно пригодны выполнять карающую функцию исключительно в от-

раслях частного права, закрепляя неблагоприятные последствия для участника договорных отношений в случаях, если стороны не придут к иному соглашению. Однако подобный подход оправдан только тогда, когда он согласуется с публичными интересами и позицией законодателя: возможность минимизировать или полностью устранить неблагоприятные последствия нарушения правовой нормы по соглашению сторон по существу нивелирует значение и роль карательной функции, делая ее проявлением правовой нормы, ограниченно дисциплинирующим поведение участников соответствующих отношений.

Компенсационно-восполнительная функция императивных норм в механизме правового регулирования логично дополняет, но не дублирует карательную функцию, поскольку, во-первых, преследует иную цель (восстановление прежнего состояния или статуса субъекта или объекта, которому совершенным противоправным деянием был причинен вред, либо соразмерная компенсация стоимости нового объекта). Во-вторых, эта функция выполняется иными, определенными законом способами (компенсация причиненного материального вреда в форме выплаты денежных средств либо иного имущественного предоставления, вреда причиненного жизни или здоровью, компенсация морального вреда, связанного с причиненными лицу нравственными или физическими страданиями, выплата неполученных сумм заработной платы за период вынужденного прогула, реабилитация лица, оправданного по обвинению в совершении преступления, и т.д.). Данная функция при определенных обстоятельствах направлена на управомочивание одного лица требовать от другого лица компенсации причиненного вреда с одновременным обязыванием лица, причинившего вред, удовлетворить заявленные требования в пределах, соразмерных причиненному ущербу или установленных нормативным актом. Сама компенсация может носить как имущественный, так и неимущественный характер, определяемый законом, соглашением сторон либо вступившим в законную силу судебным актом. Отметим, что в механизме правового регулирования бремя выполнения рассматриваемой

функции возлагается как на императивные, так и на диспозитивные нормы права. Совокупность же критериев, в соответствии с которыми законодатель выбирает один из способов правового регулирования, посредством которого целесообразна объективизация норм с соответствующей функциональной нагрузкой, по нашему мнению, находится в плоскости аксиологических характеристик регулируемых правоотношений, их социальной значимости.

Структурирующая, или *нормоорганизующая*, функция императивных норм, по мнению А.В. Михайлова, проявляется в источниках отраслей частного права и заключается в том, что совокупность императивных норм образует незыблемый нормативный каркас, регулирующий как основополагающие, так и некоторые частные положения, тем самым структурирующий диспозитивные, рекомендательные и поощрительные нормы в рамках единицы системы права или нормативного акта и определяющий направления и пределы содержания неимперативных норм¹. Разделяя данный взгляд, считаем необходимым дополнить его положением о том, что выполнение императивными нормами аналогичной функции четко прослеживается и в источниках публичного права, на содержание неимперативных норм права в которых оказывает влияние несопоставимо большее количество исходных, общих и специальных императивных норм.

Совокупность перечисленных положений не исчерпывает объем специфичных функциональных проявлений императивных норм права в механизме правового регулирования, однако отражает содержание их наиболее значимых форм. При этом необходимо учитывать, что все приведенные положения описывают лишь общий функциональный потенциал императивных норм права, который дифференцирован в каждой конкретной правовой норме и зависит от совокупности конкретных обстоятельств, в числе которых необходимо особенно выделить концепцию целевого назначения нормы, которой руководствовался законодатель, непосредственное содержание выраженного

¹ См.: Михайлов А.В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием: дис. ... канд. юрид. наук. С. 57–58.

в норме правового предписания, а также отраслевую принадлежность нормы. Вместе с тем описанные, а также иные особенности функциональных проявлений императивных норм права не только наглядно выделяют последние в общей совокупности иных видов норм, но и выступают показательным детерминантом важности данного вида норм для отечественной правовой системы, иллюстрируют множество потенциальных форм использования императивного метода правового регулирования для регламентации и упорядочивания правоотношений во всем позитивном праве России.

Подводя итог и обобщая рассмотренные положения, считаем необходимым сделать следующие выводы:

1. Современное состояние выработанных в теории государства и права знаний о функциях права характеризуется недостаточной полнотой, которая при низкой динамике исследовательской активности закономерно сказывается и на знаниях о функциях конкретных видов правовых норм, приводит к их фрагментарности и разрозненности. Эти обстоятельства логично влекут за собой условность выводов и заключений по результатам исследования функций императивных норм права, что предполагает корректировку, уточнение и расширение данных выводов.

2. Исследованием установлены основания для определения функций императивных норм права как проявлений сущности данного вида правовых норм в дифференцированных формах правового воздействия, направленного на субъектов права (как индивидуальных, так и коллективных), общественные отношения, а также на иные правовые нормы (в контексте определения характера и пределов содержания как неимперативных норм права, так и императивных норм, обладающих меньшей юридической силой).

Значимая форма правового воздействия императивных норм — правовое регулирование — осуществляется посредством специфичного императивного метода, использование которого связано с такими способами правового регулирования, как обязывание и запрещение, а также дозволение в формах, которым корреспондируют исполнение, использование и примене-

ние права, не предполагающие возможности расширения объема правовых предписаний по воле или соглашению сторон. Использование императивного метода правового регулирования не свойственно диспозитивным, рекомендательным и поощрительным нормам.

3. При отсутствии единства мнений правоведов о надлежащем подходе к классификации функций правовых норм следует согласиться с рациональностью подразделения последних на общие, присущие всем видам правовых норм, и специальные, выполнение которых свойственно только отдельным видам норм права. Подобный подход согласуется с отмеченными в ходе исследования формально-логическими взаимосвязями родового и видовых понятий, а также с выработанными в формальной логике знаниями о сущности отношений подчинения понятий. Вместе с тем в связи с выделением в ходе исследования отдельных специальных функций императивных норм, которые в ограниченных пределах выступают также и специальными функциями неимперативных (диспозитивных) норм, использованная в работе модель подразделения функций нуждается в некоторых уточнениях. Последние, на наш взгляд, могут быть выражены в дилемме: либо в рамках классификации, помимо общих и специальных, следует выделить третью группу функций, которые присущи не всем, но одновременно и не единичным видам правовых норм, либо знания о специальных функциях необходимо дополнить уточнением о том, что они могут быть свойственны не отдельным, а нескольким видам правовых норм, однако их выполнение различными видами норм права несет в себе несопоставимо большую степень специфики проявлений, по сравнению с общими функциями норм права.

4. Вся рассмотренная, а также иная объективно существующая специфика функциональных проявлений императивных норм права в механизме правового регулирования происходит именно от особенностей метода правового регулирования. Данной специфике свойственна устойчивость, за счет которой достигаются те внешние проявления императивных норм, которые обеспечивают упорядочивание общественных отношений, дополняют и од-

новременно создают необходимые предпосылки для беспрепятственного выполнения функций диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм в механизме правового регулирования.

5. Проведенное исследование позволяет утверждать о функциональной самодостаточности и относительной автономности императивных норм права в отраслях публичного права. Данное положение связано с соответствием целям и задачам публичного права функциональных проявлений исследуемого вида норм и выражается в том числе в их абсолютном количественном превалировании в соответствующих нормативных источниках. Одновременно представляется возможным констатировать безусловную функциональную значимость императивных норм для регулирования частноправовых отношений, отличающуюся некоторой спецификой. Речь идет о том, что значительный объем специальных норм источников отраслей частного права сформирован неимперативными нормами, однако только императивные нормы исчерпывающе выражают исходные и общие правовые предписания, в связи с чем оказывают комплексное влияние на содержание и характер специальных неимперативных норм отраслей частного права в механизме правового регулирования.

ГЛАВА 2. МЕСТО И РОЛЬ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

2.1. Императивные нормы как структурный элемент механизма правового регулирования

Механизм правового регулирования — одна из главных категорий отечественной теории государства и права, охватывающих множество важнейших явлений и процессов правовой действительности, объединяющих и организующих в качестве системы юридических средств ряд таких основополагающих понятий, как «правовая норма», «нормативные правовые акты», «акты применения права», «юридический факт», «правоотношения». Слаженная совокупность сложноорганизованных структурных компонентов отечественного механизма правового регулирования непрерывно обеспечивает должную упорядоченность общественных отношений во всем многообразии форм правовой жизни, оказывает комплексное воздействие как на конкретного субъекта правоотношений, так и на неопределенный круг лиц, детально либо рамочно регламентируя всякую правовую активность по поводу удовлетворения конкретных законных интересов. Нормальное функционирование и постоянное совершенствование механизма правового регулирования выступают обязательными условиями достижения стабильности и согласованности всей отечественной правовой системы, действенного обеспечения законности, поддержания правопорядка и устойчивого развития институтов гражданского общества и правового государства.

Отмечая существование некоторой дискуссионности по отдельным вопросам, укажем, что общая теоретическая концепция механизма правового регулирования нашла комплексную и разностороннюю разработку в отече-

ственной научной и учебной литературе¹. Высоко оценивая соответствующий вклад российских правоведов, отметим, что характер и значение данной концепции предполагают особенно острую необходимость систематического переосмысления и развития фундаментальных познаний в анализируемой области. Постановка приведенных задач и их высокая, непереходящая актуальность для любого этапа развития российской государственности представляются закономерными следствиями публичных потребностей в постоянной оптимизации правового регулирования, совершенствования конструктивных особенностей его механизма, а также приведения процедурных аспектов его осуществления в состояние, отвечающее социальным ожиданиям.

Совокупность особо актуальных направлений научного поиска задается некоторыми существующими проблемами. В числе таковых надлежит особо выделить отличающуюся остротой дискретную проблематику недостаточной развитости познаний об императивных нормах как о структурном компоненте механизма правового регулирования. Истоки данной проблематики комплексны. С одной стороны, они лежат в плоскости уже рассмотренных недостатков соответствующих знаний в области теории правовых норм. С другой стороны, отметим преобладающую при исследованиях элементарного состава механизма правового регулирования тенденцию синкретичной характеристики такого важного и отправного компонента данного механизма, как правовые нормы. Особенностью названного подхода к познанию надлежит считать отчетливо прослеживающуюся локальность его применения, так как руководство им не предполагает какую-либо дифференциацию норм права на разновидности. Закономерным следствием данной осо-

¹ См.: *Абрамова А.А.* Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006; *Ковалева В.В.* Нормативные правовые акты в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; *Лучков В.В.* Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004; *Нарыкова С.П.* Системный подход к исследованию механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Рябов А.Е.* Юридические факты в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005; *Шундилов К.В.* Механизм правового регулирования: учебное пособие / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2001.

бенности является ограниченность получаемых знаний. В контексте проводимого исследования это выражается в том, что использование этого широко распространенного подхода не позволяет проследить объективно существующие структурные взаимосвязи императивных норм и других компонентов механизма правового регулирования и по этой причине не в полной мере раскрывает роль и значение как самих императивных норм, так и императивного метода правового регулирования в массивной и непрерывно осуществляемой государственно-правовой регламентации общественных отношений. Таким образом, за пределами поля зрения исследователей остается ряд потенциально ценных внутренних структурных связей, учет которых значим для обеспечения полноты концепции механизма правового регулирования, а также знаний о закономерностях его внешних проявлений в правовой действительности, что актуализирует соответствующее исследование.

Прежде чем приступить к структурному анализу места и роли императивных норм во внутреннем строении механизма правового регулирования, очень важно отметить, что некоторыми правоведами обосновываются критические оценки современного состояния познаний об элементарном составе данного механизма. Например, М.М. Рассолов, В.П. Малахов и А.А. Иванов указывают на отсутствие единства мнений российских ученых в достаточно важном вопросе о том, какие именно конструктивные элементы в своей совокупности образуют содержание механизма правового регулирования¹.

Анализ научной и учебной литературы, с одной стороны, выявляет обстоятельства, подтверждающие аргументированность высказываемой критики. С другой стороны, имеются достаточные основания для констатации того, что в обозначенной области с момента опубликования в 1966 г. С.С. Алексеевым одного из наиболее ранних специализированных фундаментальных трудов² постепенно сложилась и устоялась солидарность док-

¹ См.: *Рассолов М.М., Малахов В.П., Иванов А.А.* Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие. М., 2014. С. 290

² См.: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

тринальных позиций по поводу выделения во внутренней структуре механизма государственно-правового регулирования таких основных и неотъемлемых компонентов, как, во-первых, *правовые нормы*, во-вторых, *правоотношения* и, в-третьих, *акты реализации прав и обязанностей*¹.

В числе иных общих правовых средств, относимых к элементному составу анализируемого механизма, С.С. Алексеев в уже названной работе также выделил *юридические факты*², *нормативные юридические акты*³, *правосознание*⁴, *правовую культуру*⁵, а также особо подчеркнул роль *принципа законности*, который, по его мнению, непосредственно не входит в число компонентов механизма правового регулирования, но в силу статуса всеобщего концептуального начала имеет «цементирующее» значение, то есть выступает комплексной структурной стяжкой, объединяющей и приспособляющей все прочие элементы данного механизма друг к другу⁶. При этом С.С. Алексеев отметил, что структура механизма правового регулирования динамична, подвержена ситуационным изменениям и может усложняться за счет присоединения некоторых дополнительных элементов, в числе которых ученый выделил *специализированные властные индивидуальные акты органов управления* и *правоприменительные акты, направленные на принудительное исполнение обязанности*⁷. К схожим выводам в более позднем специализированном исследовании пришла С.П. Нарыкова. Отстаивая идею о необходимости применения системного подхода к познанию механизма пра-

¹ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 34; Теория государства и права / под ред. М.М. Рассолова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 442–443; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 1998. С. 370; Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / под ред. В.Г. Стрекозова. М., 2008. С. 340–341; Рябов А.Е. Указ. раб. С. 17; Томилова Ю.Ю. Охранительные правоотношения в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

² См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 35.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же. С. 36.

⁷ См.: Там же. С. 38.

вового регулирования, она указывает, что количественные и качественные характеристики компонентов данного механизма могут претерпевать значительные изменения в процессе его функционирования, вследствие чего внутренняя структура механизма правового регулирования не обладает признаком статичности¹.

Соглашаясь с данными позициями и иллюстрируя отмеченное свойство механизма государственно-правового регулирования, обратим внимание на то, что Н.И. Матузов и А.В. Малько относят к числу соответствующих компонентов *охранительный правоприменительный акт*², В.В. Ковалева — *правосубъектность*³. К.В. Шундигов — *юридические средства нормативного характера* и *аналогичные средства правореализационной практики*⁴, Е.М. Хохлова — *акты толкования права и организаторскую деятельность компетентных субъектов, обеспечивающих практическую реализацию юридических средств, образующих механизм правового регулирования*⁵. В.В. Лучков, напротив, аргументирует отсутствие достаточных оснований для отнесения к структурным компонентам механизма правового регулирования *правовой культуры и принципов права*⁶.

Обобщая изложенное, укажем, что имеющиеся разногласия не выражены в существовании значительно отличающихся либо поляризованных, взаимно исключаящих друг друга подходов к пониманию элементного состава механизма правового регулирования, не связаны с особенно острой и обширной полемикой. Отмеченные некоторыми учеными разночтения и противоречия, безусловно, указывают на необходимость дальнейших фундаментальных исследований механизма правового регулирования, но, по нашему мнению, не препятствуют установлению роли и оценке значимости императив-

¹ См.: Нарыкова С.П. Указ. раб. С. 12–13.

² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М., 2009. С. 503.

³ См.: Ковалева В.В. Указ. раб. С. 8.

⁴ См.: Шундигов К.В. Указ. раб. С. 56.

⁵ См.: Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 13.

⁶ См.: Лучков В.В. Указ. раб. С. 8.

ных норм во взаимосвязанной системе основных, наиболее важных компонентов данного механизма.

Непосредственно переходя к соответствующему структурному исследованию, укажем, что одним из ключевых вопросов в намеченном направлении научного поиска предстает сам статус и положение императивных норм в механизме правового регулирования. При его решении надлежит, прежде всего, отметить устоявшееся единство ученых-правоведов во мнениях о самой высокой значимости и корреспондирующей ей функциональной нагрузке родового понятия «правовые нормы» в статусе неотъемлемого структурного компонента механизма правового регулирования. Так, С.С. Алексеев обосновал выводы о том, что в данном механизме именно юридические нормы «... представляют собой определяющее звено...»¹ и «... выполняют роль главного юридического средства, при помощи которого осуществляется регламентирование общественных отношений»², образуя «... нормативную основу механизма правового регулирования»³. Аналогичную позицию занимает Л.Н. Берг, расценивая нормы права в качестве базисного элемента механизма правового регулирования⁴. Такой же точки зрения придерживается И.В. Малышева, указавшая, что правовая норма не только имеет статус основы указанного механизма, но и выступает базовым элементом всей системы права России⁵.

Полностью соглашаясь с приведенными мнениями ученых, мы одновременно разделяем точку зрения К.В. Шундикова о комплексной внутренней структуре самих норм права как компонента механизма государственно-правового регулирования общественных отношений⁶. Такое понимание пра-

¹ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 114.

² См.: Там же. С. 34.

³ См.: Там же. С. 35.

⁴ См.: Берг Л.Н. Генезис теоретических представлений о правовом воздействии в отечественном правоведении // История государства и права. 2014. № 20. С. 30.

⁵ См.: Малышева И.В. Механизм правового регулирования: учебное пособие. Новокузнецк, 2016. С. 14.

⁶ См.: Шундинов К.В. Указ. раб. С. 58–59.

вовых норм не только в полной мере отвечает неоднократно отмеченным нами логическим связям подчиняющего и подчиненных понятий, а также отражает требующее учета внутреннее строение этой сложной юридической категории, но и в сочетании с рядом аспектов позволяет локализовать место императивных норм в механизме правового регулирования.

Укажем, что, во-первых, императивный метод правового регулирования при дифференцированной интенсивности его применения охватывает всю правовую систему России. Как следствие, в праве нет сфер и областей, в которых не находили бы применение императивные нормы.

Вместе с тем, во-вторых, механизм государственно-правового регулирования современного демократического правового государства немислим без широкого применения и высокой, постепенно растущей значимости диспозитивного, рекомендательного и поощрительного методов регламентации общественных отношений, использование которых в позитивном праве создает условия для самостоятельного определения, вариативного выбора, требуемой индивидуализации содержания и свободной реализации множества моделей поведения, что стимулирует конкуренцию во всем многообразии социально-экономической деятельности, обеспечивает инициативную правовую активность личности и коллективов при удовлетворении законных интересов.

Наконец, в-третьих, отметим, что концепция механизма правового регулирования аккумулирует в качестве взаимосвязанных составных компонентов лишь предельно обобщенные понятия и категории.

Изложенное позволяет сделать умозаключение о том, что при условии достаточной развитости познаний о различных разновидностях правовых норм применение для описания структуры идеальной модели механизма правового регулирования именно родового понятия — «правовые нормы», или «нормы права», предстает верным и целесообразным. Это объясняется тем, что такой подход отражает неразрывное структурное единство, необходимые, устойчивые и повторяющиеся взаимосвязи всех видов норм права в

процессе регламентации общественных отношений, в том числе и императивных норм. В свою очередь сами *императивные нормы в механизме правового регулирования выступают важной и неотъемлемой частью более общего понятия — «нормы права», обогащая его логический объем и функциональные проявления при упорядочивании общественных отношений. При этом особенно важно указать, что императивные нормы имманентны механизму правового регулирования только в приведенной форме. При всей их значимости они не выступают самостоятельным, автономным, выходящим за рамки родового понятия и структурно обособленным компонентом данного механизма.* Одновременно императивные нормы не являются составной частью ни одного из каких-либо других выделенных российскими правоведами наиболее важных элементов, имманентных внутренней структуре механизма правового регулирования. С некоторыми оговорками единственным исключением, особенности которого будут рассмотрены далее, можно признать такой компонент данного механизма, как нормативные правовые акты.

Исходя из приведенного соотношения понятий «императивная норма права» и «механизм правового регулирования», укажем, что наиболее важные взаимосвязи императивных норм с иными структурными частями данного механизма можно условно охарактеризовать в качестве носящих дуалистический характер. С одной стороны, они представлены частью той мыслящейся в объеме понятия «правовые нормы» сложной системы внутренних структурных и функциональных связей, которые складываются между всеми существующими разновидностями норм права; с другой стороны — выражены в качественно иных, внешних формах взаимодействия части логического объема родового понятия «правовые нормы», образованного подчиненным понятием «императивные нормы права», с прочими элементами механизма правового регулирования.

Последовательно характеризуя данные взаимосвязи, укажем, что структурный анализ понятия «правовые нормы» позволяет выделить 4 наиболее важных группы внутренних связей, раскрывающих особенности

воздействия, оказываемого императивными нормами права на соподчиненные видовые понятия в процессе функционирования механизма правового регулирования.

Первая из выделенных групп взаимосвязей производна от особой роли ранее рассмотренной нами специальной структурирующей, или нормоорганизующей функции императивных норм, направленной на упорядочивание массива предписаний, образующих юридическую материю. Непрерывное осуществление данной, присущей только императивным нормам функции, охватывающее все позитивное право России, *не только формирует и определяет черты, но и обеспечивает устойчивость всей иерархичной системы нормативных правовых предписаний* путем поддержания существования строгого соответствия норм, нижестоящих по юридической силе, вышестоящим нормам. Совокупность других, не менее важных проявлений названной исключительной функции императивных норм права в механизме правового регулирования, связана с качественно иными аспектами. Речь идет о том, что *смысловое значение императивных норм предопределяет строгие пределы регламентации тех или иных общественных отношений диспозитивными, рекомендательными и поощрительными нормами права*. Таким образом, учет и соблюдение требований императивных норм в процессе законодательной деятельности выступают факторами, препятствующими возникновению юридических коллизий как существенных дефектов права, а также таких, не отвечающих общеправовому принципу равенства перед законом явлений, как расширенное, либо, наоборот, усеченное толкование того или иного субъективного права, обязанности или свободы. Иллюстрируя рассматриваемую, значимую для поддержания законности и правопорядка особенность императивных норм в механизме правового регулирования, обратим внимание на положения ч. 2 ст. 16, п. «а» ч. 1 ст. 72, ч. 3, 5, 6 ст. 76 Конституции РФ, правила подп. 1–9 п. 1 ст. 6 НК РФ¹, а также на разъяснения,

¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 31; 2018. № 9. Ст. 1291.

данные в абз. 2 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54¹.

Следующая особенность императивных норм тесно связана с таким явлением, как действие нормативных правовых актов во времени, а также с обратной силой закона. Она выражена в том, что *только императивные нормы права обуславливают фактическое существование в объеме правовой материи действительную возможность реализации и применения, необходимость соблюдения, а также реальную осуществимость судебной и иной защиты норм, в установленном порядке отмененных или утративших силу*. Поясним, что в обширной совокупности областей правового регулирования изменение действующего законодательства сказывается на объеме прав, обязанностей и ответственности участников правоотношений только в случаях, прямо предусмотренных законом. Если такие правоотношения развиваются без каких-либо изменений и дополнений, произошедших в поменявшихся правовых реалиях, к этим отношениям применяются именно нормы, действовавшие в момент возникновения этих отношений, а не действующие в настоящее время.

В качестве наглядных примеров императивных норм, оказывающих влияние на массив прочих правовых предписаний, можно привести положения ст. 4 ГК РФ, ст. 6 ЖК РФ², ст. 9, 10 УК РФ³. Также следует констатировать недопустимость и неправомерность соглашений сторон о выборе редакции правовых норм, подлежащих применению (п. 1 ст. 422 ГК РФ), нелогичность рекомендаций следовать моделям поведения, закрепленных в деактуализовавшихся правовых нормах, а также предоставления поощрений за такое поведение.

Переходя к характеристике следующей совокупности внутренних взаимосвязей императивных норм с правовыми нормами, прежде всего, выразим полную солидарность с мнением Е.М. Хохловой, отметившей, что неотвратимость ответственности существенно сказывается на эффективности меха-

¹ См.: Российская газета. 2016. 5 дек.

² См.: Российская газета. 2005. 12 янв.; 2019. 23 янв.

³ См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 28. Ст. 4150.

низма правового регулирования¹. С учетом данной точки зрения, укажем, что третья из выделяемых нами особенностей также производна от функциональных проявлений императивных норм, но связана с другой функцией — охранительной. Эта особенность может быть сформулирована следующим образом: *в механизме правового регулирования императивные нормы закрепляют запреты, обеспечивающие соблюдение, превенцию нарушений, охрану и защиту управомочивающих и обязывающих предписаний норм права от общественно опасных и противоправных деяний*. Например, запрет на нарушение провозглашенной ст. 25 Конституции РФ и закрепленной в п. 1 ст. 1 ЖК РФ неприкосновенности жилища содержится не в источниках конституционного или жилищного права России, а в характеризующихся отчетливыми проявлениями императивного метода правового регулирования диспозициях ч. 1–3 ст. 139 УК РФ.

Наконец последняя из выделенных нами четвертая группа внутренних связей объективируется в том, что *императивные нормы, выражая концептуальные основы и целевые установки правового регулирования, существенно сказываются на дальнейшем состоянии предписаний норм права, определяя, наряду с иными факторами, магистральные направления развития каждой отрасли права и ее структурных компонентов*. Это обстоятельство наглядно проявляется как при первичной регламентации каких-либо общественных отношений, когда всеобщие принципы права проецируются на формируемые правовые институты и правовые нормы, так и при дальнейшем реформировании ранее изданных юридических предписаний. Отдельного внимания заслуживает правоприменительная и правоохранительная деятельность, направленная на устранение дефектов действующего законодательства, выраженных в несоответствии предписаний норм, нижестоящих в иерархии по юридической силе, правилам, закрепленным в нормах, вышестоящих по названному критерию (гл. 21 КАС РФ), а также в проверке правовых норм на их соответствие нормам и принципам Конституции РФ. Например,

¹ См.: Хохлова Е.М. Указ. раб. С. 9.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П были признаны не соответствующими Основному Закону положения абз. 4 п. 2 ст. 855 ГК РФ¹. Мотивируя принятое решение, в п. 3 указанного Постановления Конституционный Суд РФ изложил позицию, согласно которой оспариваемая норма ГК РФ противоречит принципу равенства всех перед законом, а также не отвечает концептуальному началу гражданского законодательства — справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), так как допускает для должника возможность злоупотребления правом, а именно — по своему субъективному усмотрению определять очередность таких списаний денежных средств, как выплата задолженности по заработной плате и выплата обязательных платежей в соответствующие фонды. Рассмотренная форма проявлений императивных норм в механизме правового регулирования оказывает воздействие не только на диспозитивные, рекомендательные и поощрительные правовые предписания, но также имеет и рефлексивную направленность, выраженную в обозначенном влиянии на развитие совокупности императивных норм.

Также отметим, что приведенные положения носят достаточно обобщенный характер. Более детализированное осмысление связей императивных норм с родовым понятием, а также с соподчиненными видовыми понятиями в целях точного установления места и описания роли императивных норм права в механизме правового регулирования закономерно требует развернутой классификации исследуемой разновидности норм, которая будет проведена нами в ходе дальнейшего исследования.

Формы качественно иных, внешних проявлений императивных норм в механизме правового регулирования, обуславливающих повторяющееся, устойчивое и существенное влияние, оказываемое анализируемой разновидностью норм на основные конструктивные элементы данного механизма, также имеют ряд представляющих интерес для проводимого исследования особенностей.

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2018. № 22. Ст. 3040.

Приступая к их характеристике, прежде всего, отметим, что взаимосвязь императивных норм и юридических фактов прослеживается достаточно четко. При отмеченной правоведами вариативности юридических фактов¹ *только в предписаниях императивных норм права устанавливаются действия, события, обстоятельства и состояния, имеющие юридическое значение, с которыми категорично связываются возникновение, изменение или прекращение правоотношений.* При этом согласимся с отмеченным В.В. Лазаревым и С.В. Липенем структурным единством правовых норм и актов реализации права на различных стадиях функционирования механизма правового регулирования. Ученые утверждают, что во многих случаях возникновение прав и обязанностей требует наличия правоприменительного акта, который, таким образом, выступает в качестве юридического факта².

Далее укажем, что воздействие императивных норм на такую часть данного механизма, как правоотношения, проявляется, прежде всего, в том, что *существующие императивные нормы систематически и неукоснительно иницируют возникновение и непрерывное существование множества общественных отношений по поводу удовлетворения ряда важнейших публичных интересов:* обеспечение национальной безопасности и обороны страны, поддержание законности, осуществление правосудия, развитие здравоохранения, образования, путей сообщения, коммуникаций, транспортной, социальной и иной инфраструктуры. Если диспозитивные, рекомендательные или поощрительные нормы права регламентируют правоотношения таким образом, что возникновение этих отношений находится в определенной зависимости от воли и волеизъявления их субъектов, также наделенных правом по своему усмотрению или по соглашению изменить содержание возникших правоотношений либо прекратить их, то масштабный пласт правоотношений, в силу их природы и значения, урегулированных императивными нормами права, характеризуется стабильностью, неизменностью и унифицированностью,

¹ Рябов А.Е. Указ. раб. С. 9–12.

² См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Указ. раб. С. 369.

требуемыми для достижения целей соответствующих правоотношений. Так, различные гражданские правоотношения с учетом провозглашенной в предписании п. 1 ст. 421 ГК РФ свободы договора, а также в соответствии с правилами п. 1 ст. 450 ГК РФ могут возникать с дифференцированной периодичностью и в отличающихся формах между различными субъектами по мере необходимости удовлетворения их имущественных и личных неимущественных потребностей, а также изменяться и прекращаться, то, например, обязательность возникновения правоотношений по поводу проверки сообщения о преступлении на основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ¹ отличается несопоставимо большей категоричностью и формальной определенностью, а неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей по инициации соответствующих правоотношений криминализировано (ст. 205.6, 293 УК РФ). При этом отметим, что специфика самих правоотношений, возникающих на основе императивных норм права, требует более серьезного осмысления и будет отдельно рассмотрена нами в ходе исследования.

Взаимосвязь императивных норм и нормативных правовых актов в механизме правового регулирования можно было бы охарактеризовать как связь содержания и формы. Внутренняя структура нормативного акта образована такими компонентами, как преамбула, главы, разделы, параграфы, статьи, пункты и подпункты, абзацы и примечания, смысловое содержание которых формируется нормативными правовыми предписаниями. Вместе с тем формально-юридический анализ свидетельствует о том, что в механизме правового регулирования отдельные *императивные нормы оказывают значительное влияние на состояние нормативных правовых актов, определяя то обстоятельство, что развитие конкретной области правового регулирования может происходить не иначе, как путем внесения изменений и дополнений в конкретный нормативный правовой акт*. Например, ч. 1 ст. 1 УК РФ категорично предписывает обязательность включения в УК РФ всех новых законов, устанавливающих уголовную ответственность. Данное импе-

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2018. № 27. Ст. 4150.

ративное предписание означает невозможность и неправомерность существования каких-либо нормативных правовых актов, содержащих уголовно-правовые запреты, за исключением нормативных актов, вносящих изменения в Особенную часть УК РФ. Аналогичным образом п. 2 ст. 12 НК РФ устанавливает безальтернативную обязательность закрепления именно в данном кодифицированном нормативном акте всех норм, закрепляющих существующие виды федеральных налогов и сборов. Диспозиции ч. 1, 2 ст. 1 УПК РФ предписывают, что порядок уголовного судопроизводства из всего объема национального права устанавливается только нормами УПК РФ (за исключением подписанных и ратифицированных норм и принципов международного права).

Также отметим представляющую интерес для исследования точку зрения В.В. Ковалевой, которая указывает, что условием интеграции правовой нормы в элементарный состав механизма правового регулирования может стать наличие нескольких нормативных правовых актов, содержащих соответствующие правила поведения¹. По нашему мнению, приведенная позиция нуждается в уточнениях. Во-первых, полагаем, что всякая правовая норма, изданная в установленном законом порядке, становится частью родового понятия «правовые нормы» как компонента механизма правового регулирования с того момента, когда вступает в силу тот источник права, в котором данная норма находит закрепление. Норма в некоторых, уже охарактеризованных нами условиях не перестает быть соответствующим элементом механизма правового регулирования и сказывается на регламентации общественных отношений даже в случае ее исключения из нормативного акта либо при утрате нормативным правовым актом силы полностью либо в части. Вместе с тем изданная правовая норма может характеризоваться декларативностью в случаях изъянов в формальной определенности выраженных в норме правил, а также при отсутствии либо в ситуациях дефектности системы органически связанных с ее предписанием правовых норм, закрепляющих порядок ее реа-

¹ См.: Ковалева В.В. Указ. раб. С. 8–9.

лизации. Именно в данном контексте наличие совокупности норм, с необходимой степенью ясности предписывающих модели правомерного поведения, предстает вполне закономерным условием функционирования механизма правового регулирования в соответствующей области.

Взаимосвязь императивных норм и актов реализации права, по нашему мнению, носит двоякий характер. *Императивные нормы, с одной стороны, выступают юридическим основанием для вынесения актов реализации права. Последние обладают признаком нормативной заданности, так как индивидуализируют правовую норму к конкретной жизненной ситуации с той или иной степенью детальности. С другой стороны, именно императивные нормы права регламентируют строго определенный порядок исполнения и обжалования различных актов реализации права.*

Взаимоотношения императивных норм и правового сознания, а также правовой культуры в механизме правового регулирования проявляются достаточно ясно. Именно *императивные нормы с присущей им категоричностью подразделяют те или иные модели поведения на дозволенные и правомерные, предъявляя к каждому субъекту права совокупность требований, постепенно формирующих осознанное субъективное восприятие права, обуславливающих комплекс чувственно эмоциональных переживаний по поводу существующих общеобязательных правил поведения и влекущих возникновение устойчивых убеждений личности по поводу правомерного, справедливого, должного, разумного, добросовестного, а равно — противоправного и юридически порицаемого.*

Обобщая изложенное, укажем, что, несмотря на выявленный несамостоятельный характер императивных норм права в качестве структурной части механизма правового регулирования, их опосредованное влияние на иные компоненты данного механизма, происходящее через родовое понятие «правовые нормы», чрезвычайно велико. Это объясняется ценностью и уникальностью объективированного в их предписаниях императивного метода правового регулирования, а также тем немаловажным обстоятельством, что именно императивные нормы права вносят самый значительный вклад в

формирование такого признака родового понятия «правовые нормы», как общеобязательность. При этом более детальное исследование места и роли императивных норм права в механизме правового регулирования требует специализации на ряде важных аспектов проявления данной разновидности норм в указанном механизме, и, прежде всего, обуславливает актуальность классификации данного вида норм.

2.2. Виды императивных норм и их особенности в механизме правового регулирования

Как отметила Л.А. Микешина, в современной постнеклассической науке философский принцип системности получил трактовку в качестве универсального положения о том, что «все предметы и явления мира — это системы различных типов и видов цельности и сложности»¹. В числе важных форм проявления названного принципа надлежит выделить выработанные в философии науки положения о существенном и неотъемлемом характере системности как признака не только всякой науки, но также и научных знаний². Названные положения имеют ярко выраженное методологическое значение, так как закономерно задают субъекту познания четкое и существенное требование когнитивного характера: достигнуть надлежащей упорядоченности знаний, чем создать необходимые условия и логические предпосылки как для качественного обобщения, объединения и последовательного расположения этих знаний в составе соответствующего раздела науки³, так и для установления отношений, структурных и функциональных связей между ними⁴.

¹ См.: Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. М., 2005. С. 381.

² См.: Кохановский В.П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений. Ростов-н/Д, 1999. С. 26; Философия: учебник / под общ. ред. В.В. Миронова. М., 2009. С. 596.

³ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 545.

⁴ См.: Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т. 5. С. 18–19, 419.

Анализ научной и учебной литературы в области теории государства и права позволяет с сожалением констатировать, что, вопреки как приведенным положениям, так и возрастающим потребностям теории и практики в соответствующих познаниях, вопросы о систематике видов императивных норм права, а также об анализе роли конкретных разновидностей императивных норм в механизме правового регулирования российским научным сообществом до настоящего момента не решены. Отдельные аспекты данного вопроса получили освещение в работах Е.В. Грушевской¹, А.Н. Жильцова², А.В. Михайлова³ и некоторых других правоведов, однако положения и выводы ученых связаны с узким, специализированным предметом исследования, в связи с чем не образуют теоретических знаний, которые обладают признаками полноты, системности и логической завершенности, о видах императивных норм, их роли и значении в механизме государственно-правового регулирования. С учетом изложенного классификация видов императивных норм права, как ведущая форма систематики знаний⁴, предстает актуальной задачей проводимого исследования одновременно и в контексте содействия развитию системности соответствующих знаний теории государства и права, и в целях углубленного, комплексного понимания изучаемого предмета.

Приступая к анализу видového многообразия императивных норм, а также выявлению их роли и значения в механизме правового регулирования, надлежит, прежде всего, указать, что в ряде работ, связанных с поиском и осмыслением видов неимперативных норм права, доказана применимость классификационных критериев выделения разновидностей родового понятия к аналогичной операции с видовыми понятиями. Это обстоятельство выступает естественным следствием, как минимум, двух формально-логических

¹ См.: *Грушевская Е.В.* Императивность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 9.

² См.: *Жильцов А.Н.* Применимое право в международном коммерческом арбитраже: императивные нормы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 37–45.

³ См.: *Михайлов А.В.* Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 8.

⁴ См.: *Кондраков Н.И.* Логический словарь-справочник. С. 546.

отношений между различающимися, но тесно взаимосвязанными понятиями; во-первых, речь идет об уже названном в ходе исследования отношении подчинения между видовыми и родовым понятиями; во-вторых — об отношении соподчиненности между всеми видовыми понятиями¹. Оба названных отношения равно предполагают некоторую общность признаков взаимосвязанных понятий, что обосновывает рациональность экстраполяции, объясняет единство существенных классификационных оснований, производных от общих свойств и закономерностей функционирования разных видов правовых норм.

Принимая во внимание изложенные умозаключения, возможно подразделить императивные нормы российского права на множество взаимосвязанных разновидностей по целому ряду качественно отличных друг от друга классификационных критериев. Так, И.В. Астафьев утверждает о наличии в юридической науке не менее 30 различных классификаций правовых норм, одновременно констатируя особую значимость лишь некоторых из них, раскрывающих наиболее существенные признаки правовых норм². Отчасти разделяя данный взгляд, считаем рациональным сосредоточить внимание на ключевых, общепризнанных классификациях, раскрывающих наиболее существенные видовые признаки норм в механизме правового регулирования, а также выразим согласие с мнением В.Э. Краснянского о том, что в качестве классификационных критериев необходимо выделять только те признаки, которые свойственны нормам права в целом, а не отдельным их элементам³.

Прежде всего, следует вычленить в общем объеме рассматриваемых правовых норм два их фундаментальных вида: *императивные нормы источников отраслей публичного права* и *императивные нормы источников отраслей частного права*. Критерий дифференциации отраслей права на част-

¹ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 561–562.

² См.: Астафьев И.В. Соотношение процессуальных и материальных норм в конституционном праве Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 4. С. 47–52.

³ См.: Общая теория государства и права: Общая теория права / Л.И. Антонова, Н.А. Беляев, Г.П. Беляева, Г.Б. Гальперин и др.; отв. ред. В.С. Петров, Л.С. Явич. Л., 1974. Т. 2. С. 271–272.

ные и публичные восходит к содержащемуся в Дигестах Юстиниана постулату уже упомянутого римского юриста Домиция Ульпиана¹ и, на наш взгляд, носит дуалистический характер, так как образован, с одной стороны, специфичным предметом правового регулирования — природой интереса, который выражают и закрепляют нормативные источники соответствующих отраслей², а с другой стороны — используемым методом правового регулирования³.

В соответствии с названным критерием отличительные видовые признаки *императивных норм источников публичного права* усматриваются в отраслевой принадлежности нормативного акта, элементарной структурной единицей которого выступает соответствующая норма, в специфике содержания и целевого назначения предписаний императивной нормы, а также в ее субъектном составе. Второй и третий отличительные признаки проявляются в исключительной направленности правил поведения, закрепленных в анализируемых нормах, на категорическое юридическое выражение государственных интересов и важнейших потребностей социума в сфере конкретных общественных отношений, урегулированных соответствующей правовой отраслью. Четвертый признак предопределен тем, что безусловное преобладание императивного метода правового регулирования в публичном праве в числе прочих проявлений сказывается на содержании рассматриваемых норм в ракурсе закрепления в их предписаниях правового неравенства субъектов публичных правоотношений. Таким образом, последний из выделенных признаков заключается в том, что участниками соответствующих публичных правоотношений выступают властные и подчиненные лица.

Роль и значение императивных норм источников отраслей публичного права в механизме правового регулирования объективно велики. Именно

¹ См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 83.

² См.: *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 565.

³ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 390–391.

данная разновидность норм устанавливает незыблемые юридические основы для удовлетворения таких важнейших и постоянно существующих потребностей публично-правовых образований, организаций, коллективов и личности, как суверенное государственное управление российским обществом, провозглашение и постепенное развитие равного юридического статуса всякого субъекта национального права, отвечающего как международным стандартам, так и современным прогрессивным представлениям о правах, обязанностях и свободах, обеспечение территориальной целостности России, национальной и общественной безопасности, законности и правопорядка, благополучие окружающей среды, формирование развитой социальной инфраструктуры, предоставление свободного доступа к образованию, культурным и историческим ценностям, а также для удовлетворения множества иных разнообразных потребностей, связанных с реализацией полномочий органов публичной власти и должностных лиц. Императивные нормы выступают центральной формой объективизации превалирующего в публичном праве императивного метода правового регулирования, служат основанием циклического возникновения и существования разнообразных правоотношений по поводу удовлетворения публичных интересов.

С учетом неоднократно отмеченного количественного превалирования императивных норм в отраслях публичного права приведение непосредственных примеров анализируемого вида норм, ярко проявляющих изложенные атрибуты, не составляет сложности. В частности, таковой выступает норма ч. 1 ст. 5 УК РФ, закрепляющая обязательность установления вины лица в совершении преступления в качестве одного из необходимых условий привлечения лица к уголовной ответственности. Данная норма детерминирует смысловое содержание множества других императивных норм публичного права, в частности, п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, обязывающего органы предварительного расследования прекратить уголовное преследование лица по реабилитирующим основаниям в случае установления его невиновности и, как следствие — отсутствия в его действиях состава преступления. Показательна

в этом отношении также ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, в категорической форме закрепляющая обязательность для органов государственной власти и местного самоуправления, граждан и организаций вступивших в законную силу судебных актов, распоряжений, требований и обращений судов¹. В структурной взаимосвязи с последней находится императивная норма ч. 3 ст. 13 ГПК РФ, бланкетная диспозиция которой отсылает к ст. 17.3 КоАП РФ² и ст. 315 УК РФ, запрещающих нарушение правил ч. 2 ст. 13 ГПК РФ и устанавливающих ответственность для субъекта, в действиях которого содержатся признаки соответствующего правонарушения или преступления.

Аналогичный типаж отличительных видовых признаков присущ *императивным нормам, закрепленным в источниках отраслей частного права*. Специфика концептуальных начал данных отраслей, представленных в том числе принципами диспозитивности, юридического равноправия субъектов и свободы вступления ими в частные правоотношения, неприкосновенности собственности, признания и равной защиты всех форм собственности, а также беспрепятственности осуществления субъективных прав, в условиях преобладания диспозитивного метода правового регулирования, дает основания рассматривать императивные нормы как необходимую форму ограниченного властного вмешательства в частноправовые отношения. Целевое назначение данного вмешательства отличается тем, что оно, помимо обеспечения публичных интересов в определенном порядке гражданского оборота и иных частноправовых отношений, направлено на обеспечение законных частных интересов каждого участника данных правоотношений³, так как устанавливает совокупность не подлежащих изменению по воле сторон правил, в том числе ограничений, направленных на превенцию, охрану и защиту данных отношений от деликтов и иных правонарушений⁴. Специфика данных норм отчетливо проявляется в предмете правового регулирования, который обра-

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2018. № 27. Ст. 3941.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 5.

³ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 176.

⁴ См.: Грушевская Е.В. Указ. раб. С. 9.

зован совокупностью социально значимых имущественных и личных неимущественных правоотношений, регулируемых источниками частного права и возникающих между равными в правовом положении субъектами.

Следует отметить многочисленность императивных норм в частном праве. М.И. Брагинский в специальном исследовании, относящемся к периоду введения в действие ч. 1 и 2 ГК РФ, пришел к выводам о том, что в общем объеме норм ГК РФ, регламентирующих конкретные виды обязательств, около 1600 являются императивными, и только около 200 — диспозитивными¹. К схожему выводу о значительном количественном превалировании императивных норм ГК РФ над диспозитивными в области регулирования отдельных видов договоров в более поздней работе пришли А.Г. Карапетов и Р.С. Бевзенко², также отметившие, что подобное положение значительно сужает принцип свободы договора. Принимая во внимание отмеченное соотношение, укажем, что в механизме правового регулирования именно анализируемая нами разновидность норм призвана устанавливать общий и унифицированный порядок удовлетворения таких законных и отпавных для государства с рыночной экономикой частных интересов, как получение прибыли, владение или пользование, а также приобретение, продажа, дарение либо иное распоряжение различным имуществом, неимущественными благами, результатами оказанных услуг или выполненных работ. При масштабности деловой активности, высокой частоты и систематичности реализации экономических прав и свобод во множестве различных форм пласт соответствующих гражданских правоотношений как важный элемент механизма правового регулирования занимает значимое место в правовой жизни общества. При этом важно указать, что императивные нормы частного права всегда в той или иной степени регламентируют всякое гражданское правоотношение, а

¹ См.: *Брагинский М.И.* О нормативном регулировании договоров // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 72.

² См.: *Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С.* Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 11.

также устанавливают специальные механизмы охраны и защиты прав, свобод и законных интересов их участников от таких действий, как, например, злоупотребление правом, совершение сделок, относимых действующим законодательством к оспоримым и ничтожным, устанавливают последствия недействительности сделок.

Примерами императивных норм частного права выступают в числе прочих правила подп. 1, 2 п. 1 ст. 161 ГК РФ, закрепляющие обязательность для физических лиц и организаций совершения определенных сделок в простой письменной форме, а также системно связанные с ними предписания ст. 162 ГК РФ, предусматривающие неотвратимые неблагоприятные последствия для лиц, вопреки ст. 161 ГК РФ совершивших сделку устно¹. В качестве примеров рассматриваемого вида императивных норм могут служить предписания п. 1 ст. 495 ГК РФ², безальтернативно обязывающие продавца предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, норма абз. 2 ст. 613 ГК РФ, безусловно обязывающего арендодателя извещать арендатора о правах третьих лиц на сдаваемое в аренду имущество, а также правило п. 2 ст. 388 ГК РФ, категорически запрещающего цессию без согласия должника в случае, если личность кредитора имеет для него существенное значение.

Следующая классификация, выработанная в римском праве и закрепленная в отечественной правовой системе в 1864 г.³, также носит фундаментальный характер, поскольку в ее рамках весь объем существующих императивных норм исчерпывающе подразделяется на две отличающиеся друг от друга большие группы, а именно *на нормы материальные и процессуальные*. Рассматривая данную классификацию, надлежит сразу отметить проблема-

¹ См.: *Каранетов А.Г., Бевзенко Р.С.* Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 11.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2018. № 22. Ст. 3040.

³ См.: *Кутафин О.Е.* Избранные труды: в 7 т. Предмет конституционного права. М., 2011. Т. 1. С. 90–91.

тичность критерия разграничения приведенных видов правовых норм. Указанная проблема выражается в том, что при относительном единстве доктринальных взглядов на отличительные качества каждой из двух названных видовых групп правоведы вплоть до настоящего момента не определили сам существенный признак, который можно было бы использовать в качестве надлежащего классификационного основания. В частности, Б.В. Макогон таковым называет характер связи предмета конкретной нормы с корреспондирующим материально-правовым отношением¹, М.Н. Марченко — характер регулируемых нормой отношений², В.К. Бабаев — специфику предмета правового регулирования и особенности отраслевой принадлежности нормы³. В числе иных доктринальных позиций вызывают интерес идеи А.А. Савичева, который считает искомым критерием сам юридический процесс, то есть особенности урегулированных законом процедурных аспектов реализации конкретной нормы права⁴, однако при всем многообразии взглядов вопрос поиска и локализации классификационного основания остается актуальным, что накладывает определенный отпечаток на состояние знаний о сущности материальных и процессуальных норм, но не создает непреодолимых препятствий в определении их сущности и отличительных особенностей.

Мы во многом разделяем приведенный взгляд В.К. Бабаева на классификационное основание, но считаем необходимым внести некоторые уточнения. Осмысление и обобщение доктринальных взглядов позволяют раскрыть содержание терминов «материальные императивные нормы» и «процессуальные императивные нормы», под которыми имеются основания понимать виды правовых норм, во-первых, обладающие всеми существенными признаками императивных норм права, во-вторых — закрепленные в соответст-

¹ См.: *Макогон Б.В.* Юридическая природа и ограничительная сущность процессуального права // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 48–49.

² См.: *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. С. 578–579.

³ См.: *Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева.* С. 377–378.

⁴ См.: *Савичев А.А.* Юридический процесс (юридическая процедура) как критерий разграничения материального и процессуального права // Мониторинг правоприменения. 2012. № 3. С. 45–46.

ющих источниках отраслей материального или процессуального права и, в-третьих, имеющие исключительный объект и предмет правового регулирования, предопределяющие как построение каждого из анализируемых видов норм на концептуальных началах, не свойственных другому виду, так и особенности смыслового содержания их нормативных предписаний.

При ясности и самоочевидной значимости первого признака надлежит отметить, что второй носит условный характер и выступает в качестве факультативного. В основу вывода о приведенном статусе рассматриваемого признака нами положены две основные посылки. Первая выражена в том, что мы признаем формально обоснованной позицию Н.И. Матузова, выделяющего в качестве отраслей процессуального права только те, которые прямо указаны в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, и, как следствие, относящего все прочие к отраслям материального права. Таким образом, из данной посылки мы получаем нормативный критерий дифференциации источников и отраслей права на материальные и процессуальные, от которого должен бы быть производным и критерий дифференциации самих правовых норм. Вторая посылка образована умозаключением по результатам анализа научной и учебной литературы и состоит в том, что разделение источников на два рассматриваемых вида не исключает возможности закрепления материальных норм в источниках процессуального права и не дает основания рассматривать в качестве грубого отклонения от правил юридической техники наличие процессуальных норм в иных нормативных источниках, помимо ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ и КАС РФ. Так, И.В. Астафьев в качестве существенного признака конституционного права назвал сосредоточение материальных и процессуальных норм в одной отрасли¹. На присутствие процессуальных норм во всех отраслях отечественного права при количественном превосходстве норм материального права указала И.А. Умнова². М.И. Байтин также отмечает подобную неоднородность содержания источников материального и процессу-

¹ См.: *Астафьев И.В.* Указ. раб. С. 48.

² См.: *Умнова И.А.* Право мира: Философское и правовое измерения. М., 2011. С. 164.

ального права, однако он не оценивает данное положение как проблему, указывая, что предписания процессуальных норм не должны затрагивать содержание норм материальных и образовывать с ними юридические коллизии¹.

Третий из названных признаков, в отличие от рассмотренного второго, носит существенный характер и в сочетании с первым признаком дает достаточные логические основания для отнесения конкретной нормы к одному из анализируемых видов. Применительно к материальным нормам этот признак выражен в том, что исключительным объектом правового регулирования последних выступает вся совокупность существующих в обществе международных, конституционных, уголовных, административных, гражданских, градостроительных, семейных, трудовых, земельных и иных правоотношений². В.Н. Протасов указывает, что значительный логический объем этого объекта послужил основанием для суждений о производности самого термина «материальная норма» от общефилософского понимания материи, адаптированного к особенностям предмета и объекта юриспруденции³. Уточняя объем данного объекта, отметим, что единственная группа правоотношений, которая не входит в его содержание, представлена совокупностью процедурных отношений, возникающих в связи с реализацией и защитой материальных норм.

В соответствии с характером объекта предмет правового регулирования *материальных норм* образован всей полнотой предусмотренных действующим законодательством прав, обязанностей и ответственности участников правоотношений, урегулированных этими нормами, из чего следует, что именно предписания материальных норм, как аргументированно указала

¹ См.: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 221.

² См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 378; Теория государства и права. Теория права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Ч. 2. С. 224; Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр и доп. М., 1998. С. 159; Мелехин А.В. Теория государства и права. С. 271.

³ См.: Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М., 1999. С. 26–27.

Д.М. Азми, «задают основное содержание нормативной правовой ткани»¹. В числе прочего с названным объектом и предметом связаны также и особенности концептуальных начал материальных норм, выраженные в их построении на многочисленных отраслевых и межотраслевых принципах, не свойственных процессуальному праву, в частности, на началах обязательности уплаты налогов, сборов и иных платежей фискального характера (ст. 57 Конституции РФ, ч. 1 ст. 3 НК РФ), неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения (ст. 25 Конституции РФ, ст. 3 ЖК РФ), свободы труда (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ, абз. 2 ст. 2 ТК РФ²), свободы договора (п. 1 ст. 1 ГК РФ), вины (ст. 5 УК РФ).

Нахождение материальных и процессуальных норм в отношениях противоположности³, исключающих существование в анализируемой классификации любых других видов норм права, объясняет как сложную систему устойчивых взаимосвязей, так и принципиальные различия между ними. В имеющихся условиях относительно анализируемого третьего признака состоятельно суждение о том, что каждый рассматриваемый вид регулирует только те отношения, которые не регулируются другим видом. Таким образом, посредством отрицательного определения⁴ по результатам обобщения положений научной и учебной литературы имеются основания утверждать, что логический объем объекта *процессуальных норм* сформирован исключительно из процедурных отношений, возникающих в связи с реализацией, охраной и защитой материальных норм права⁵ как в ходе осуществления всего многообразия форм правоприменительной деятельности, так и в ходе правотворчества. Отсюда следует, что предмет правового регулирования процессуальных норм — предоставленные права, возложенные обязанности

¹ См.: Азми Д.М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 27–28.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2018. № 7. Ст. 968.

³ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 486.

⁴ См.: Там же. С. 425.

⁵ См.: Винниченко О.Ю., Попов В.И., Романчук И.С. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Тюмень, 2011. С. 532–533.

и предусмотренная ответственность субъектов организационно-процедурных правоотношений, возникающих в рамках предписанной этими нормами процессуальной формы либо иного, в том числе внесудебного установленного порядка охраны, защиты, соблюдения, исполнения или использования норм материального права¹.

Отличительные особенности концептуальных начал также позволяют четко проследить назначение норм процессуального права: служить целям установления порядка реализации материальных норм². Из множества таких начал следует выделить принципы непосредственности (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ), состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), процессуального равноправия сторон перед судом (ст. 8 АПК РФ), гласности и открытости судебного разбирательства (п. 5 ст. 6 КАС РФ)³, свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), которые в своей совокупности задают основы порядка и последовательности действий уполномоченных субъектов соответствующих процессуальных отношений.

Продолжая анализ данной классификации, отметим, что мы разделяем высказанные правоведами идеи о первичности материальных норм по отношению к процессуальным⁴, поскольку подобная оценка соответствует очередности реализации их предписаний в механизме правового регулирования, правильно отражая то обстоятельство, что процессуальные нормы обслуживают уже возникшие отношения, непосредственно урегулированные материальными нормами. Помимо этого, приведенная позиция обосновывается тем, что содержание норм материального права детерминируется непосредственными объективными социально-экономическими условиями и потребностями общества, в то время, как сущность процессуальных норм, кроме этого, в значительной степени производна и от содержания, а также отраслевой при-

¹ См.: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. С. 314.

² См.: *Сорокин В.Д.* Избранные труды / предисл. Д.Н. Бахраха, В.В. Денисенко. СПб., 2005. С. 119.

³ См.: СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 5.

⁴ См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1999. С. 397.

надлежности тех материальных норм, устанавливая порядок реализации которых они призваны, что В.Д. Сорокин называет «двойной» обусловленностью процессуальных норм¹. Вместе с тем изложенные суждения не могут выступать аргументами в пользу приоритетного значения одного из рассматриваемых видов правовых норм перед другим. Системный подход к пониманию данных видов норм права в механизме правового регулирования выявляет сложные диалектические взаимосвязи между ними, формой выражения которых является двустороннее функциональное взаимодополнение. В приведенных условиях даже отмеченная дифференциация концептуальных основ материальных и процессуальных норм предстает лишь формой специализации, не исключающей, а предполагающей структурное единство, поскольку обе названные группы отраслевых и межотраслевых принципов подчинены общим (или общеправовым) принципам², уточняют и развивают их в конкретных областях правового регулирования. Как обоснованно отметил по этому поводу И.Н. Сенякин, «общие принципы относятся к праву в целом и распространяются на все его отрасли ...»³, «... определяют формирование и развитие других принципов права»⁴.

Резюмируя изложенное, укажем, что в механизме правового регулирования именно предписания императивных материальных норм в своей совокупности образуют всю полноту содержания незыблемого правового статуса субъекта права, а также определяют устойчивое юридическое положение исчерпывающего многообразия объектов права. Только императивные материальные нормы устанавливают неизменные права, обязанности и ответственность участников широчайшего спектра правоотношений, возникающих во всех существующих отраслях отечественного права, коррелирующих соот-

¹ См.: Сорокин В.Д. Указ. раб. С. 118.

² См.: Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Основные принципы права: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. Вып. 1. С. 7.

³ См.: Сенякин И.Н. Принципы права и принципы законодательства: соотношение и взаимосвязь // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 134.

⁴ См.: Там же. С. 135.

ветствующим сферам жизнедеятельности российского общества. В свою очередь, исключительность императивных процессуальных норм права для механизма государственно-правового регулирования наглядно проявляется в том, что только в их предписаниях выражены безальтернативные для участников соответствующих правоотношений процедуры реализации и защиты определенных (в том числе отраслевой принадлежностью) материальных (императивных и неимперативных) и процессуальных норм, а также предусмотрены неизменные права, обязанности и ответственность участников данных процедурных отношений. С учетом отнесения кодифицированных источников процессуального права к нормативным актам отраслей публичного права, провозглашения законодателем строгой обязательности для всех участников соответствующих отношений установленного порядка осуществления предварительного расследования и правосудия, а также установления последствий несоблюдения предписанных процедур представляется возможным утверждать о существенном количественном превалировании императивных процессуальных норм в механизме правового регулирования, при котором неимперативные нормы находят лишь ограниченное применение.

В качестве примеров множества различающихся отраслевой принадлежностью материальных императивных норм целесообразно привести фундаментальные положения ст. 17–64 Конституции РФ, диспозиции которых определяют незыблемые, неотчуждаемые и непосредственно действующие права и свободы человека и гражданина, а также устанавливают государственную гарантию их судебной защиты (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Показательны общие положения ст. 21 ТК РФ, предписывающие основные права и обязанности работника, не подлежащие исключению из трудового договора или умалению по инициативе участников трудовых отношений, правила ст. 61–67 СК РФ¹, фиксирующие наиболее значимые права и обязанности родителей, а также предписания ст. 209–217 ГК РФ, определяющие фундамен-

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 22.

тальные положения о праве частной, государственной и муниципальной собственности.

Примерами императивных процессуальных норм служат правила ст. 189 УПК РФ, устанавливающие строго определенный порядок проведения допроса, несоблюдение которых в силу положений ст. 75 УПК РФ неотвратимо влечет недопустимость протокола данного следственного действия как доказательства. Показательны предписания ст. 131–132 ГПК РФ, определяющие обязательные действия лица при обращении в суд общей юрисдикции с исковым заявлением, неисполнение которых в зависимости от обстоятельств влечет возвращение иска, его оставление без движения либо отказ в его приеме. Уместно обратить внимание на положение ч. 2 ст. 104 Конституции РФ, регламентирующей важный процедурный аспект правотворческой деятельности, обязывая субъектов законодательной инициативы вносить законопроекты только в Государственную Думу ФС РФ.

Следующая широко распространенная классификация основана на критерии функций, выполняемых нормами в общем механизме правового регулирования¹. В рамках данной классификации выделяются три большие группы правовых норм: *исходные*² (или основополагающие³, учредительные⁴, отправные⁵, программные⁶), *общие нормы*⁷ и *нормы-правила поведения*⁸.

Совокупность *исходных норм* объединяет предельно общие нормативные предписания, устанавливающие концептуальные идеи, определяющие методы, а также задающие цели и задачи правового регулирования, в связи с

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 375.

² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М., 2009. С. 280.

³ См.: Теория государства и права: учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев и др.; отв. ред. Н.Г. Александров. М., 1968 С. 437.

⁴ См.: Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: учебник. М., 2012. С. 349.

⁵ См.: Заячковский О.А., Маскаева И.И., Усенко Ю.Н. Теория государства и права: учебное пособие. Калининград, 2011. С. 130.

⁶ См.: Рассолов М.М., Бастрыкин А.И., Иванов А.А. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие. М., 2014. С. 200.

⁷ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 280.

⁸ См.: Чащин А.Н. Теория государства и права: учебник. М., 2008. С. 248–249.

чем именно они, по справедливому мнению В.К. Бабаева, занимают «... высшую ступень в законодательстве»¹. В их числе выделяют, во-первых, *нормы-начала*, нашедшие закрепление в Конституции РФ и определяющие устои политического, социального, экономического и государственного строя России². Ярким примером таких норм служат предписания п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 14 Конституции РФ. Во-вторых, к исходным нормам относят *нормы-принципы*, которые непосредственно не предусматривают каких-либо прав, обязанностей и ответственности участников правоотношений, а лишь выражают руководящие концептуальные положения³, обязательные для учета законодателем при определении логической структуры и смыслового содержания конкретных общих и специальных правовых норм⁴, а также адресованные для руководства правоприменителю, в том числе — при использовании аналогии права в целях преодоления коллизий и пробелов законодательства. В качестве примеров указанных норм в механизме правового регулирования весьма показательны положения п. 1 ст. 1 ГК РФ, устанавливающие такие концептуальные основы частного права, как равенство участников гражданского оборота, свободу договора и неприкосновенность собственности, предписание ст. 2 ТК РФ, провозглашающее в числе прочего запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда. Третьим видом исходных норм являются *определятельно-установочные нормы*⁵, также обозначаемые правоведами как *нормы-цели*⁶ и *нормы-декларации*⁷ и целеуста-

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 375.

² См.: Там же.

³ См.: Проблемы теории государства и права: учебник: в 2 ч. / В.А. Затонский, А.Е. Михайлов, А.В. Захаров и др. / под ред. А.С. Мордовца, Р.В. Пузикова. Тамбов, 2012. Ч. 1. С. 385.

⁴ См.: Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 129.

⁵ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 375–376.

⁶ См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. С. 583.

⁷ См.: Лушников А.М. Теория государства и права. Базовый курс: учебное пособие. М., 2013. С. 142-146.

новительные нормы¹. В данных нормах находят выражение цели и задачи соответствующих элементов системы права, от одной и нескольких отраслей до субинститута права (ч. 1 ст. 2 УК РФ, ст. 2 ГК РФ, абз. 1 ст. 1 ТК РФ). Наконец, в качестве четвертого вида исходных норм правоведа называют *нормы-дефиниции*². Надлежит указать, что в формальной логике термин «дефиниция» трактуется как предложение, сформулированное в соответствии с правилами определения понятий, раскрывающее значение конкретного термина или описывающее его существенные и отличительные признаки³. Обобщение доктринальных позиций позволяет утверждать, что понимание правоведами сущности норм-дефиниций в целом соответствует общим формально-логическим положениям, но закономерно характеризуется определенной степенью специализации. В механизме правового регулирования дефинитивные нормы рассматриваются как содержащие предписания, выражающие легальный⁴, используемый в нормативных правовых актах понятийно-категориальный аппарат⁵, и в той или иной степени полноты раскрывающие заложенное законодателем смысловое содержание данного аппарата⁶. Как отметил В.М. Баранов, «законодательная дефиниция — стержень, каркас, ядро, квинтэссенция нормативно-правового акта. Это многомерное, многопространственное и многовекторное юридическое явление»⁷. Закрепленные в дефинитивных нормах определения призваны содействовать ясности, точности, недвусмысленности и однозначности терминологического аппарата

¹ См.: Теория государства и права: учебник / С.С. Алексеев, П.Т. Васьков, И.Я. Дюрягин, В.Б. Исаков и др.; под ред. С.С. Алексеева. М., 1985. С. 344.

² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ раб. С. 280.

³ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 141.

⁴ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов и факультетов. С. 399.

⁵ См.: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 215.

⁶ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 162.

⁷ Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.). Н. Новгород, 2007. С. 26.

нормативных актов, минимизируя вероятность неверного уяснения или некорректного толкования соответствующих понятий правоприменителем. Наглядными примерами норм-дефиниций выступают предписания п. 2 ст. 11 НК РФ, п. 1–62 ст. 5 УПК РФ.

Вторая выделяемая правоведами в рассматриваемой классификации группа правовых норм представлена предписаниями, не имеющими в механизме правового регулирования значения исходных норм, но содержащими такие общие правила поведения, которые распространяются на всю отрасль права или на значительную часть входящих в ее состав институтов¹. Примерами императивных *общих норм* являются положения п. 1 ст. 196 ГК РФ, безусловно устанавливающие продолжительность общего срока исковой давности для всех урегулированных ГК РФ правоотношений, положения ч. 1, 2 ст. 20 УК РФ, закрепляющие строго определенный возраст, по достижению которого лицо может выступать субъектом уголовного преступления, а также норма ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, безальтернативно распределяющая бремя доказывания в исковом и неисковом производствах.

Третьей большой группой правовых норм в рассматриваемой классификации выступают *специальные нормы*. Их отличительные особенности усматриваются правоведами в том, что именно предписания этого вида норм непосредственно определяют правовой статус субъекта и устанавливают модели его правомерного поведения во всем многообразии существующих правоотношений. В механизме правового регулирования данный вид норм находится в подчинении у общих и исходных норм, произведен от них и выполняет конкретизацию и реализацию² начал, принципов, целей и общих положений по отношению к каждому предусмотренному действующим законодательством правоотношению, в связи с чем обладает наименьшей степенью

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 280.

² См.: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 218.

общности предписаний¹. В качестве примеров многочисленных специальных императивных норм уместно привести предписания п. 1 ст. 14 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 3 июля 2016 г.)², закрепляющие исчерпывающий перечень обстоятельств, при установлении которых страховщик наделяется правом регрессного требования к причинителю вреда, ст. 678 ГК РФ, обязывающая нанимателя по договору социального найма использовать жилое помещение только для проживания в нем, а также ст. 297 УК РФ, запрещающей неуважение к суду.

Обобщение изложенных положений дает основания утверждать, что при очевидном многообразии используемых в специальных и общих нормах методов правового регулирования неотъемлемым признаком исходных норм должен быть императивный характер выраженных в них предписаний. Подобный подход к пониманию исходных норм в механизме правового регулирования сформировался в советской юридической доктрине³ и устоялся в воззрениях современных правоведов. В частности, С.В. Бошно отстаивает позицию о том, что «... исходные нормы всегда императивны»⁴. К числу специфических свойств норм-принципов в механизме правового регулирования А.В. Баранов отнес «... особую императивность и безусловность правовых предписаний, закрепляющих принципы права»⁵.

Полностью разделяя приведенные позиции ученых, дополним их, указав, что необходимость императивного характера норм-начал и норм-принципов в механизме правового регулирования самоочевидна, так как иное по существу исключит общеобязательность и незыблемость соответствующую

¹ См.: *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 43.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 18, ст. 1720; 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4293.

³ См.: *Нормы советского права. Проблемы теории* / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 167.

⁴ См.: *Бошно С.В.* Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // *Право и современные государства*. 2014. № 4. С. 55.

⁵ См.: *Баранов А.В.* Нормы-принципы в механизме правового регулирования // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2016. №4 (22). С. 9.

щих концептуальных идей, чем нивелирует их верховенство над иными правовыми нормами и обесценит их функциональное значение. В таких условиях создается угроза общей дестабилизации не только механизма правового регулирования, но и всей правовой системы, реальная опасность нарушений прав, свобод и законных интересов публично-правовых образований, граждан и организаций, в том числе в таких формах, как издание законодателем не соответствующих принципам правовых норм, а также злоупотребления правоприменителем при решении конкретных ситуаций в порядке аналогии права.

Аналогичный характер предписаний должен быть свойственен нормам-дефинициям, поскольку именно за счет надлежащей реализации дескриптивной функции дефиниций законодатель обеспечивает юридическую, логическую и лингвистическую грамотность используемых в нормативных актах терминов¹, их точность и доступность для правильного и однообразного уяснения субъектами соответствующих правоотношений. Мы выражаем полное согласие с суждением В.М. Сырых относительно общеобязательного значения понятийного аппарата, содержащегося в нормах-дефинициях² и считаем, что этот необходимый признак в сочетании с названным целевым назначением юридической терминологии исключает эффективность неимперативных дефинитивных норм, а оставление определения терминологии нормативных правовых актов на субъективное усмотрение или соглашение сторон закономерно повлекло бы терминологическую неопределенность, выраженную в существовании множества различающихся смысловых трактовок терминов, идентичных по лингвистическому выражению. Подобный подход привел бы к дисфункции норм-дефиниций в механизме правового регулирования, а

¹ См.: *Туранин В.Ю.* Теория и практика использования законодательных дефиниций. М., 2009. С. 4.

² См.: *Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых.* М., 2008. С. 271.

также к нарушению одного из основных принципов законности — его единства¹.

В то же время по результатам выборочного формально-юридического анализа представляется возможным констатировать существование специфичных дефиниций в международных договорах, являющихся частью отечественной правовой системы в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Указанные дефинитивные нормы, во-первых, содержат непосредственное определение используемых в источнике понятий, а во-вторых — отсылку к общему смыслу положений источника, сказывающихся на понимании сущности определенного термина. Так как эта отсылка имеет приоритет для целей трактовки смысла термина перед определением, содержащимся в норме-дефиниции, а совокупность положений международного договора, сказывающихся на терминологическом аппарате, могут быть изменены по соглашению сторон в силу ст. 39–40 Венской конвенции о праве международных договоров², имеются основания утверждать об ограниченном применении диспозитивных дефиниций в источниках международного права. В качестве наглядных примеров последних выступают предписания п. 1 ст. 3 Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам³, п. 1 ст. 3 Конвенции между правительствами РФ и Мальты об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы⁴.

Определительно-установочные нормы права в российском механизме правового регулирования также должны иметь императивный характер, обязывающий законодателя стремиться к реализации намеченных целей в процессе развития и изменения соответствующих источников права, совершенствования механизма правового регулирования. Вместе с тем мы соглашаемся с рациональностью ограниченного использования неимперативных опре-

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 416–417.

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³ См.: СЗ РФ. 2016. № 12. Ст. 1586.

⁴ См.: СЗ РФ. 2014. № 33. Ст. 4576.

делительно-установочных предписаний в международном праве, поскольку такие нормы предполагают постепенное исполнение развитыми и развивающимися государствами отдельных, не имеющих особую значимость международных обязательств при наличии фактической возможности к реализации соответствующих правовых предписаний. Примером такой нормы выступает предписание ч. 2 ст. 14 Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака, носящее рекомендательный характер и устанавливающее совокупность мер для прекращения употребления табака, к реализации которых страны-участники конвенции должны стремиться, но в категорической форме к их исполнению не обязываются¹.

Переходя к рассмотрению следующей классификации, проводимой правоведами по критерию отраслевой принадлежности правовой нормы², необходимо отметить широту разновидностей императивных норм права, выделяемых в ее рамках. По этому поводу имеются все основания для признания того, что количество анализируемых видов императивных норм в механизме правового регулирования соответствует числу отраслей отечественной системы права, которое, в свою очередь, подвержено изменениям под влиянием усложнения общественных отношений. В их совокупности следует выделить *императивные нормы конституционного права, международного публичного права, международного частного права, административного права, административно-процессуального права, бюджетного права, водного права, воздушного права, гражданского права, гражданского процессуального права, жилищного права, земельного права, муниципального права, семейного права, трудового права, уголовного права, уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права*, а также иных отраслей.

¹ См.: СЗ РФ. 2008. № 46. Ст. 5249.

² См.: Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр и доп. М., 1998. С. 159.

Данная классификация имеет большое теоретическое и прикладное значение, поскольку в ее рамках наглядно проявляется качественная однородность¹ императивных норм каждого вида, производная от особенностей предмета и метода правового регулирования соответствующей отрасли права. В свою очередь знания об отраслевых особенностях норм первоначально важны для локализации точных границ действия категорических нормативных предписаний, отыскания и надлежащего учета императивных норм отраслей права, не имеющих кодифицированных источников, а также для правильного толкования императивных норм и должной систематизации нормативных правовых актов², что, в конечном итоге, существенно сказывается на эффективности механизма правового регулирования. Также отметим тенденцию постепенного количественного роста выделяемых в данной классификации разновидностей императивных норм права, развивающуюся под влиянием дифференциации права, которая, как отметил Д.Е. Петров, выражается «... в непрерывном многоуровневом процессе переменной интенсивности разъединения, формировании новых структурных образований в праве (увеличении числа его элементов), в расширении круга выполняемых ими функций, а также в вызревании качественных различий элементов...»³.

Следующим критерием классификации выступает юридическая сила⁴ нормативного правового акта, в котором закреплена императивная норма права. Применяя данный критерий, а также используя теоретические знания об источниках права, императивные нормы в механизме правового регулирования можно подразделить на две большие группы: *нормы законов* и *нормы подзаконных нормативных актов*.

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 378.

² См.: Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр и доп. М., 1998. С. 159.

³ См.: Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 13.

⁴ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 281.

Группа императивных норм законов аккумулирует четыре разновидности, строго соответствующие видам нормативных правовых актов. Последовательно излагая их в соответствии с иерархией источников, выделим *императивные нормы Конституции Российской Федерации*, определяющие форму правления и государственного устройства, закрепляющие права и свободы человека и гражданина, систему органов государственной власти и их компетенцию. В соответствии с предписанием ч. 1 ст. 15 Основного Закона эти нормы обладают высшей юридической силой и прямым действием на всей территории России, а предписания всех иных правовых актов не могут противоречить конституционным нормам. Примером такой императивной нормы является предписание ст. 124 Конституции РФ.

Вторым видом в рассматриваемой классификации выступают *императивные нормы федеральных конституционных законов*, регулирующие только вопросы, отнесенные к предметам ведения России нормами ст. 71 Конституции РФ, а также прямо предусмотренные в качестве таковых Основным Законом. Как установлено предписанием ч. 3 ст. 76 Конституции РФ, нормы федеральных законов не могут противоречить нормам федеральных конституционных законов.

Третий вид императивных норм представлен *нормами федеральных законов*, которые в соответствии с ч. 1 ст. 76 Конституции РФ принимаются по вопросам ведения России и вопросам совместного ведения России и ее субъектов. В силу уже названных положений нормы федеральных законов должны соответствовать конституционным нормам и нормам федеральных конституционных законов, однако обладают юридической силой, превалирующей над нормами законов субъектов по всем вопросам, за исключением предусмотренных ч. 4 ст. 76 Основного Закона. В качестве примера императивной нормы федерального закона уместно привести предписание ч. 5 ст. 98 Федерального закона от 2 октября 2010 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 27 декабря 2018 г.)¹.

¹ Российская газета. 2007. 6 окт.; 2019. 29 дек.

Последним видом императивных норм законов являются *нормы законов субъектов Российской Федерации*, принимаемые по вопросам совместного ведения России и ее субъектов, а также по любым вопросам, не отнесенным конституционными предписаниями к исключительному ведению России и совместному ведению России и ее субъектов.

К числу *императивных норм подзаконных актов* относятся нормы издаваемых в соответствии с ч. 1 ст. 90 Конституции РФ указов и распоряжений Президента России, нормы издаваемых на основании ч. 1 ст. 115 постановлений и распоряжений Правительства РФ, императивные нормы правовых актов федеральных органов исполнительной власти, нормы правовых актов органов государственной власти субъектов РФ, императивные нормы муниципальных нормативных актов, а также императивные нормы локальных нормативных актов, принятых на основании ст. 8 ТК РФ.

Важность рассмотренной классификации объясняется тем, что с ее помощью формируется такая четкая иерархия всего многообразия императивных норм в механизме правового регулирования, в рамках которой предписания каждой конкретной императивной нормы должны строго соответствовать правилам поведения, закрепленным в других императивных нормах, обладающих равной или превалирующей юридической силой. В связи изложенным, выражаем полное согласие с мнением М.Н. Марченко о том, что классификация нормативных актов по их юридической силе имеет огромное значение для поддержания принципов законности и конституционности¹, и считаем приведенную оценку в полной мере применимой и к типологии императивных норм права по аналогичному классификационному основанию.

Ценность другой классификации правовых норм, проводимой по критерию выполняемой ими функции², особо выделили В.В. Лазарев и

¹ См.: *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. С. 580.

² См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Указ. раб. С. 281.

Н.Л. Гранат, охарактеризовав ее как «главное деление юридических норм»¹. Аналогичную точку зрения высказал С.С. Алексеев, обосновав ее строгим соответствием между выделяемыми классификационными видами и специально-юридическими функциями права². Соглашаясь с данными высокими оценками, укажем, что использование этой классификации в контексте проводимого исследования позволяет подразделить императивные нормы на два фундаментальных вида: *регулятивные* и *охранительные*.

Отличительная особенность *регулятивных императивных норм* в механизме правового регулирования заключается в том, что только им в данной классификации присуща уже рассмотренная нами в исследовании регулятивная функция. В механизме правового регулирования предписания именно этого вида норм безальтернативно определяют такое содержание правоотношений, которое не может быть заменено иными правилами по волеизъявлению или общему соглашению участников таких отношений³, а также регламентируют их предмет и субъектный состав⁴, в связи с чем закрепляют строго обязательные модели правомерного поведения. С учетом ранее изложенных положений о сущности и функциях императивных норм права рассмотренный вид представляется возможным охарактеризовать в качестве основного инструмента регулирования всего многообразия публичных правоотношений и важной формы регламентации ряда аспектов частных правоотношений. В качестве примеров таких норм уместно привести положения подп. 1–15 п. 1 ст. 21 НК РФ, п. 1 ст. 781 ГК РФ.

Исключительность для механизма правового регулирования второго классификационного вида — *охранительных норм* носит схожий характер и

¹ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. С. 149.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 67.

³ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справ. том]. Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. Т. 3. С. 241.

⁴ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 281; Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. В.А. Кучинского. М., 2006. С. 253; Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. С. 149.

выражена в том, что только предписания этого вида в рассматриваемой классификации выполняют охранительную функцию. Соглашаясь с Ю.Ю. Томиловой, в процессе исследования охранительных правоотношений пришедшей к выводу о том, что правовым нормам в механизме правового регулирования отводится самое важное место¹, укажем, что именно императивные охранительные нормы устанавливают меры неотвратимой юридической ответственности, иные принудительные меры (например, принудительные меры медицинского характера, предусмотренные гл. 15 УК РФ, принудительные меры воспитательного характера, предусмотренные ст. 90–91 УК РФ) и основания для их применения к лицам, совершившим строго определенные противоправные посягательства на конкретные правоотношения, тем самым осуществляя охрану и защиту этих отношений. Как уже отмечалось, данное сочетание характера и функционального назначения обуславливают безальтернативность императивных охранительных норм при криминализации и административно-правовом запрете противоправных деяний, в связи с чем в качестве их примера можно привести любую статью Особенной части УК РФ или разд. 2 КоАП РФ, в частности, ч. 1 ст. 105 УК РФ, ст. 7.1 КоАП РФ. Выразим мнение о том, что превалирование альтернативных санкций, предусматривающих несколько видов наказаний, а также дифференцированные размеры (сроки) наказаний вовсе не указывают на диспозитивный характер таких норм, а выступают формой исполнения предписаний совокупности императивных норм-принципов и общих норм, предписывающих должным образом индивидуализировать наказание.

Приступая к анализу видовых особенностей императивных норм, выделяемых в рамках следующей классификации, надлежит выразить согласие с мнением ряда правоведов, в том числе В.С. Нерсесянца², усматривающих истоки идеи соответствующего подразделения правовых норм в уже приведенном нами суждении Геренния Модестина: «Действие (сила) права — по-

¹ См.: Томилова Ю.Ю. Указ. раб. С. 87.

² См.: Нерсесянц В.С. Указ. раб. С. 397.

велевать, запрещать, разрешать, карать»¹. Констатируя явную полемику взглядов на классификационное основание, в качестве которого правоведы называют форму предписания, или способ воздействия на общественные отношения², характер закрепленных в норме субъективных прав и обязанностей³ и модальность регулятивной силы правовых норм⁴, отметим преобладающее единство мнений о соответствующих разновидностях правовых норм, к которым относятся нормы *управомачивающие* (дозволяющие), *обязывающие* и *запрещающие*, а также выразим мнение о том, что в качестве критерия подразделения правовых норм на указанные виды должен выступать способ правового регулирования, как «наиболее общий определяющий элемент регулятивной системы»⁵.

Переходя к характеристике выделенных видов, укажем, что отличительная особенность *управомачивающих* (или *уполномачивающих*) норм заключается в том, что только эта разновидность закрепляет все многообразие незабываемых субъективных юридических прав во всем позитивном праве. Характеризуя юридические дозволения, С.С. Алексеев указал, что именно они представляют собой «ключевой элемент правового регулирования... и ...определяющее правовое средство»⁶. Разделяя мнение ученого, уточним, что именно управомачивающие предписания в механизме правового регулирования наделяют субъектов права гарантированной государством⁷ возможностью по своему усмотрению осуществить определенные юридически значимые действия в конкретных правоотношениях, воздержаться от таких дей-

¹ См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 109.

² См.: Вишнеvский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Указ. раб. С. 253.

³ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. [справ. том]. Проблемы теории права: курс лекций. Т. 3. С. 234.

⁴ См.: Нерсеянц В.С. Указ. раб. С. 397.

⁵ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред.: Л.А. Плеханова. М., 1989. С. 46.

⁶ См.: Там же. С. 54.

⁷ См.: Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2007. С. 267.

ствий либо требовать их осуществления (а равно бездействия) от других субъектов¹.

Важно отметить, что если неимперативные уполномочивающие нормы в механизме государственно-правового регулирования предполагают ту или иную степень свободы усмотрения и свободы воли лица в вопросах об использовании этих потенциальных правомочий и объеме их реализации, а также допускают возможность установления содержания прав участников некоторого индивидуализированного правоотношения по их соглашению, то императивные нормы исключают подобную вариативность.

Во-первых, выраженные в предписаниях императивных норм субъективные юридические права и свободы не подлежат изменению, не могут быть уточнены, умалены или расширены иначе, как другой императивной нормой, обладающей равной или превалирующей юридической силой, в связи с чем совокупность этих нормативных предписаний в международных и национальных источниках образует объем незыблемых правомочий субъекта права (например, ч. 1 ст. 20 Конституции РФ, закрепляющая за каждым право на жизнь, п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод², закрепляющий право каждого на свободу и личную неприкосновенность) и субъекта всякого конкретного правоотношения (в частности, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ определяет круг неотъемлемых процессуальных прав лиц, участвующих в деле).

Во-вторых, автономия воли и усмотрение лица по реализации предусмотренных анализируемым видом норм субъективных юридических прав во множестве конкретных правоотношений условны, так как при наличии определенных обстоятельств субъект безальтернативно обязан использовать соответствующие правомочия. Данный признак четко прослеживается не только в превалирующем большинстве публичных правоотношений (например, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 2.2.

¹ См.: *Барихин А.Б.* Большая юридическая энциклопедия. М., 2010. С. 641.

² См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

Определения от 12 июля 2006 г. № 267-О¹, полномочия налогового органа, предусмотренные ст. 88, 101 НК РФ, являются одновременно и правами, и обязанностями, так как носят публично-правовой характер, что не позволяет налоговому органу произвольно отказаться от необходимости их реализации), но и во многих частных отношениях (например, предусмотренное п. 1 ст. 34 Конституции РФ, п. 1 ст. 23, п. 1 ст. 49 ГК РФ право физических лиц и организаций на осуществление предпринимательской и иной коммерческой деятельности системно взаимосвязано с предписанием п. 1 ст. 426 ГК РФ, в силу которого на лицо, осуществляющее направленную на извлечение прибыли деятельность, возлагается обязанность заключить соответствующий характеру данной деятельности договор по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг с каждым, кто к нему обратится).

Обобщая изложенное, укажем, что осмысление ряда доктринальных источников и нормативных предписаний (в частности, предписаний Всеобщей декларации прав человека² и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1, 2 ст. 17, ст. 18, 19 Конституции РФ), регламентирующих такую часть исключительного предмета правового регулирования анализируемого вида норм, как права и свободы человека и гражданина, выявляет убедительные предпосылки для умозаключения о крайне ограниченной пригодности к использованию в данной области по целевому назначению неимперативных управомачивающих норм права. Всеобщий и неотъемлемый характер прав человека и гражданина, признание этих прав в России в качестве высшей ценности, в равной мере принадлежащей каждому, обладающей непосредственным действием и определяющей смысл и содержание нормативных актов, а также деятельность органов публичной власти, закономерно предполагают необходимость обеспечения незыблемости этих прав, которая в действующем механизме правового регулирования может быть достигнута только путем их выражения в императив-

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 43. Ст. 4529.

² См.: Российская газета. 1998. 10 дек.

ных управомачивающих норм права, обеспеченных государственной охраной и защитой.

Логичной предстает и обязательность закрепления всей совокупности экономических, политических, социальных и иных прав физических лиц, коллективов и организаций в отечественном отраслевом законодательстве в предписаниях императивных управомачивающих норм. Здесь необходимо сказать о возможности исключений, выраженных в отдельных неимперативных правомочиях, главным образом устанавливающих дозволения сторон частных имущественных и личных неимущественных правоотношений. Вместе с тем в абсолютном большинстве правоотношений, регулируемых нормами позитивного права, рекомендательные, поощрительные и диспозитивные правомочия не востребованы. Они были бы неуместными или неэффективными ввиду наличия объективного публичного интереса в точном и категоричном определении правомочий участников отношений, нарушение которых влекло бы юридическую ответственность или иные неблагоприятные правовые последствия. Д.М. Чечот по этому поводу справедливо утверждает: «Право перестает быть правом, если оно лишается возможности прибегнуть к силе государственного принуждения. Эта возможность определяет сущность субъективного права, она присуща ему с момента возникновения, а не появляется лишь в момент нарушения или оспаривания права как некий факультативный его элемент. То обстоятельство, что граждане и организации, осуществляя свои права, как правило, не прибегают к силе государственного принуждения, не меняет существа дела. В любой момент обладания субъективным правом они к этой силе могут прибегнуть»¹.

В механизме правового регулирования еще одной исключительной областью применения императивных управомачивающих норм, существенно расширяющей представления о прикладной ценности этого вида норм права, выступает регламентация полномочий органов государственной законода-

¹ См.: Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты / под ред. Л.А. Карпова. Л., 1968. С. 26.

тельной, исполнительной и судебной власти, а также органов местного самоуправления. Продиктованное концепцией правового государства верховенство закона, а также корреспондирующая ей необходимость в строгом подчинении органов власти и должностных лиц нормам права и четком обозначении границ их полномочий позволяют утверждать, что для функционирования и нормального развития не только механизма правового регулирования, но и соответствующих основополагающих институтов правового государства, а также гражданского общества императивные управомочивающие нормы не имеют альтернатив. На общеобязательность компетенционных норм обоснованно обратил внимание С.А. Белоусов¹, и здесь также уместно выразить согласие с оценками С.С. Алексеева, пришедшего к выводу о том, что «...проблема властно-императивных дозволений является одной из центральных при освещении демократического развития данной общественной системы»² ввиду наличия непосредственной взаимосвязи между объемами и содержаниями дозволений, имеющихся у властного и подчиненного субъектов³.

Парной юридической категорией⁴ и логическим коррелятом⁵ полномочий выступают юридические обязанности, получившие закрепление в предписаниях следующего из рассматриваемых в данной классификации видов — *обязывающих норм*. Их специфика состоит в том, что выраженные в них правила поведения под угрозой ответственности⁶ обременяют⁷ адресата — субъекта правоотношения, предписывая ему необходимость неукоснительного

¹ См.: Белоусов С.А. Компетенционные нормы российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 17–18

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. С. 38.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Рудаков А.А. Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 8.

⁵ См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 46 ; Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 285.

⁶ См.: Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 87, 89.

⁷ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 58.

следования точно определенной¹ модели правомерного поведения², корреспондирующей соответствующим правам и свободам другого субъекта правоотношения³: совершить конкретные действия либо воздержаться от этого⁴.

Характеризуя обязывающие нормы в механизме правового регулирования, следует учесть, что соблюдение и исполнение их предписаний всегда должно обеспечиваться мерами государственного принуждения. Это объясняется объективной потребностью в достижении тех предусмотренных законом последствий реализации обязанности, которые рассматриваются публичной властью в качестве должных, необходимых и благоприятных как для уполномоченного субъекта⁵ (в лице физического лица, организации, коллектива, муниципального образования, субъекта РФ или России), так и для субъекта обязанного. Как по этому поводу отметил В.А. Тархов, «всякая ответственность, юридическая в особенности, неразрывно связана с обязанностью... Без обязанности не может быть состояния ответственности, без нарушения обязанности не может быть привлечения к ответственности. В то же время никакая юридическая обязанность невозможна без ответственности»⁶. Аналогичную точку зрения высказал Т.Н. Радько: «Обязанность... предшествует ответственности. Именно за неисполнение обязанности может наступить юридическая ответственность»⁷. Более детализированной представляется позиция И.Н. Сенякина, отметившего, что «юридическая ответственность тесно связана с санкцией правовой нормы и в этом качестве пред-

¹ См.: Барзилова Ю.В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 76.

² См.: Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. С. 531, 947.

³ См.: Каримова Р.Р. Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 6.

⁴ См.: Рудаков А.А. Указ. раб. С. 93.

⁵ См.: Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 91.

⁶ См.: Тархов В.А. Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. № 2. С. 36.

⁷ См.: Радько Т.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2015. С. 510.

стает как принудительно исполняемая обязанность, возникшая в связи с правонарушением и реализуемая в конкретном правоотношении»¹.

Еще более значимым для исследования выступает общее единство мнений правоведов относительно императивного характера обязывающих норм. В частности, Н.И. Матузов указывает, что именно «принудительный момент, момент императивности, отличает юридическую обязанность от субъективного права»². А.А. Рудаков констатирует, что «... юридическая обязанность — это всегда должное поведение, императивное требование»³. Е.М. Хохлова считает, что предписанное обязывающей нормой поведение субъекта императивно, оно обеспечивается мерами принуждения⁴. Р.Р. Каримова обращает внимание на императивность как признак юридической обязанности⁵. Ю.В. Барзилова трактует выраженные в правовых нормах юридические обязанности как властно-повелительную форму социальной регуляции, опирающуюся на меры государственного принуждения⁶.

Разделяя приведенные взгляды, выразим мнение о том, что рекомендательный и поощрительный методы правового регулирования не пригодны для позитивного обязывания участников абсолютных, относительных и общерегулятивных правоотношений в механизме государственно-правового регулирования. Такой подход законодателя создаст угрозу юридической незащищенности корреспондирующих обязанностям субъективных прав и законных интересов управомоченного лица в тех случаях, если субъект, на которого возложена обязанность, добровольно не соблюдает и не исполняет правила поведения, предписанные обязывающей нормой, либо реализует эти правила ненадлежащим образом. Вместе с тем следует указать, что и область

¹ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 542.

² См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. С. 286.

³ См.: Рудаков А.А. Указ. раб. С. 81.

⁴ См.: Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 91.

⁵ См.: Каримова Р.Р. Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 9.

⁶ См.: Барзилова Ю.В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности: дис. ... канд. юрид. наук. С. 76.

применения императивного метода правового регулирования не исчерпывает всего объема анализируемого вида норм, содержащихся в действующем законодательстве, по причине ограниченной востребованности диспозитивных обязывающих норм в частном праве (например, пп. 1, 2 ст. 681, ст. 762, п. 2 ст. 975 ГК РФ). Это обстоятельство дополняет представления о позитивном обязывании и вносит важное уточнение в ранее приведенные доктринальные взгляды.

В качестве наглядных примеров обязывающих императивных норм права уместно привести положения ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, ч. 2 ст. 10 УПК РФ, подп. 1 п. 1 ст. 23 НК РФ.

Последний из выделяемых в данной классификации видов — *императивные запрещающие нормы*, а также вопросы о его месте и роли в механизме правового регулирования, на наш взгляд, требуют более подробной характеристики. В обоснование данной оценки приведем нуждающуюся в проверке и дополнительном осмыслении гипотезу о логической имманентности признака императивности для всякого запрета, поскольку иное практически исключает нормальную деятельность компетентных органов власти в сфере охраны и защиты всего многообразия общественных отношений от противоправных посягательств. Помимо этого, ярко выраженной спецификой императивных запрещающих норм является то обстоятельство, что только их предписания определяют исчерпывающий перечень особо опасных противоправных деяний, признающихся преступлениями, совершение которых служит базовой юридической предпосылкой для применения в отношении виновного лица самой строгой меры государственного принуждения — уголовного наказания.

Рассмотренная классификация показывает особое значение императивных норм как основного средства выражения в действующем законодательстве преобладающего количества дозволений, позитивных обязываний и запретов, которые, в свою очередь, трактуются в качестве определяющих эле-

ментов права как системы регулирования общественных отношений¹. Данный вывод не умаляет ценность диспозитивных, поощрительных и рекомендательных норм права в механизме государственно-правового регулирования, однако демонстрирует их недостаточную эффективность при текущем уровне развития гражданского сознания и правовой культуры российского общества.

Приведенные положения характеризуются высокой степенью обобщенности и основываются на успешно апробированных классификационных критериях подразделения правовых норм на виды. Эти положения затрагивают только отдельные аспекты типологии императивных норм права и анализа их роли в механизме правового регулирования. В данных условиях актуализируется необходимость дальнейшего расширения и углубления познаний о видовом разнообразии императивных норм права как компонента механизма правового регулирования, в частности, по критерию структурных особенностей. Весомый вклад в разработку деления правовых норм внес Б.А. Деготь².

Подводя итог рассмотренным положениям о типологии императивных норм права представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Выделенные нами классификационные виды как идеальные юридические модели не исчерпывают всего многообразия императивных норм права в механизме правового регулирования, но наглядно демонстрируют природу и специфику этого вида норм права, а также множественность потенциальных форм реализации императивного метода правового регулирования во всей отечественной правовой системе. Главенствующее положение данного метода в публичном праве, а также его значимость для частного права объясняют высокую теоретическую и прикладную ценность знаний о видовом многообразии императивных норм права. Эти знания можно рассматривать как важную составляющую концептуальной основы правотворчества, а уро-

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 47.

² См.: *Деготь Б.А.* Классификация норм советского социалистического права по их структуре: учебное пособие / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1977. С. 6–58.

вень развития таких знаний непосредственно сказывается на смысловом содержании правовых норм и степени совершенства их юридической техники, а также на состоянии практики применения категорических правовых предписаний.

2. Систематике родового понятия «нормы права» свойствен ряд длительно существующих и устойчивых фундаментальных проблем. В их числе выделим неоднократно отмеченную широкую полемику относительно большинства классификационных оснований, а также выраженную в острой дискуссионности проблему точного определения логического объема каждого класса правовых норм. Последняя проблема в числе прочего проявляется в отсутствии общепризнанного терминологического аппарата, обозначающего как классы, так и виды в выделении по одному и тому же основанию отличающихся классов норм и различных видов норм в каждом классе, а также в трудностях надлежащей дистрикции классификационных видов. Описанная проблематика в полной мере свойственна классификации видового понятия «императивные нормы права», что обуславливает необходимость корректировки положений и выводов, сделанных по результатам проведенного исследования, при условии выработки новых общепризнанных теоретических знаний о классификации родового понятия. В связи с тем, что качество выработанной в науке классификации определенного объекта служит важным индикатором глубины его познания, изложенные умозаключения актуализируют соответствующий вектор фундаментальных исследований.

3. Со ссылкой на отмеченные видовые отличительные признаки императивных норм права — строгую обязательность выраженного в норме правила поведения для ее адресата, а также специфичную технику выражения императивного правового предписания в источниках права, связанную с такой степенью его детализации, которая позволила О.Э. Лейсту обосновать умозаключение об имманентности императивным нормам атрибута «абсо-

лютной формальной определенности»¹, предлагается классификация, дополняющая существующие знания об анализируемом виде правовых норм в механизме правового регулирования.

По критерию технико-юридического подхода к обеспечению императивных норм мерами государственного принуждения целесообразно выделять три разновидности императивных норм права: во-первых, *императивные нормы, непосредственно снабженные специальной санкцией*; во-вторых, *императивные нормы, обеспеченные общими и специальными санкциями структурно обособленных правовых норм*; в-третьих, *императивные нормы, не имеющие санкции*.

Отличительная особенность первого из выделенных видов правовых норм лежит в плоскости их элементарного состава, включающего как диспозицию, так и санкцию, что позволяет оценить структуру таких норм близкой к идеальной трехэлементной модели нормы права, а при наличии у такой императивной нормы гипотезы — соответствующей идеальной модели. От этой структурной особенности прямо производно важное качество данной нормы — детализированность санкции, высокая степень соответствия между характером выраженного в диспозиции управомочивающего, обязывающего или запрещающего предписания и видом, а также размером тех конкретных мер государственного принуждения, которые обеспечивают соблюдение выраженных в диспозиции правил и могут быть применены к лицу, нарушившему или реализовавшему выраженное в диспозиции предписание. При этом укажем, что наличие такой санкции свойственно не всем императивным нормам в российском механизме правового регулирования, а лишь тем, в предельной ясности и формальной определенности последствий несоблюдения предписаний которых имеется детерминированный различными обстоятельствами публичный интерес.

¹ См.: *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 70.

В качестве примера выделенной разновидности правовых норм уместно привести правила п. 2 ст. 115 СК РФ, предписывающие обязанному лицу не допускать образования задолженностей по уплате алиментов и одновременно закрепляющие последствия нарушения данного запрета, а также ч. 1 ст. 105 УК РФ, в диспозиции которой выражен строгий запрет на причинение смерти человеку, а в санкции предусмотрены меры государственного принуждения в виде уголовного наказания, подлежащие применению к лицу, совершившему убийство, норму ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, устанавливающую неопределенному кругу лиц запрет на совершение мелкого хулиганства под угрозой выраженных в санкции данной нормы видов административной ответственности.

Следующая из выделенных разновидностей императивных норм в механизме правового регулирования характеризуется качественно иной структурной особенностью — отсутствием непосредственной санкции. Меры государственного принуждения, дисциплинирующие к правомерному поведению участников регулируемых такими правовыми нормами общественных отношений, направленные на превенцию нарушений закрепленных в этих нормах правил, защиту и восстановление нарушенного права, а также выполняющие воспитательные и карательные функции в отношении правонарушителя, находят закрепление в общих или специальных охранительных предписаниях иных правовых норм. Таким образом, обеспечение рассматриваемого вида императивных норм мерами государственного принуждения достигается законодателем не за счет структурного единства элементов одной правовой нормы, а в рамках структурных взаимосвязей нескольких различных правовых предписаний, относящихся как к одной, так и к нескольким различным отраслям права. Явное преимущество такого технико-юридического подхода к закреплению мер государственного принуждения в механизме правового регулирования усматривается нами в универсальности, потенциально широком охвате множества разнообразных общественных отношений едиными охранительными предписаниями, предполагающими возможность

уполномоченного субъекта выбрать конкретные, предусмотренные нормативными актами меры предупредительного воздействия, меры пресечения, защиты или юридической ответственности, отвечающие характеру правоотношения и степени отклонения поведения другого субъекта от моделей, выраженных в предписаниях императивных норм права. Наглядными примерами данного вида правовых норм могут выступать не имеющие непосредственной санкции категоричные правила п. 1 ст. 567, п. 1 ст. 562 и п. 1 ст. 627 ГК РФ, несоблюдение либо ненадлежащее соблюдение которых дает уполномоченному участнику соответствующих правоотношений основание для защиты своих прав и законных интересов любым из способов, предусмотренных ст. 12 ГК РФ. Строгое соблюдение работником императивных обязывающих предписаний ст. 21, 214 ТК РФ, не снабженных непосредственными санкциями, обеспечивается правилами ст. 192 ТК РФ. Меры принуждения, обеспечивающие исполнение обязанностей собственника жилого помещения, установленных в ч. 4 ст. 30 ЖК РФ, обязанностей наймодателя, выраженных в ч. 2 ст. 65 ЖК РФ, а также прав ТСЖ, предусмотренных в ст. 137 ЖК РФ, закреплены в охранительном предписании ч. 3 ст. 11 ЖК РФ.

Характеризуя последний из выделяемых видов императивных норм права, констатируем, что уже классические римские юристы обособливали в общей совокупности источников права так называемые законы, не снабженные санкцией¹, нарушение которых не влекло ни признания совершенных противоправных действий юридически ничтожными, ни наложения на нарушителя штрафа или применения к нему иных неблагоприятных правовых последствий. Н.М. Коркунов называл такие нормы бессильными, так как они «... не имеют никакой санкции, последствия их нарушения вовсе не определены», и указывал на их изобилие в публичном праве как инструмента нормативного закрепления прав властных субъектов². В свою очередь другой отечественный правовед Ф.В. Тарановский, анализируя современные ему

¹ См.: *Покровский И.А.* История римского права / вступ. ст.; пер. с лат., научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб., 1998. С. 125.

² См.: *Коркунов Н.М.* Указ. раб. С. 136.

доктринальные взгляды, отмечал существующие положения о том, что лишенные санкции нормы публичного права, как правило, обращены к самому государству¹.

В современных социально-правовых реалиях, задающих высокие требования к качеству позитивного права и эффективности механизмов обеспечения юридической защищенности личности в правовом государстве, подобный вид правовых норм не выделяется и подробного осмысления в юридической науке не получил.

Отмечая наличие достаточно подробных знаний о присущих коллизионным нормам², а также исходным (отправным) нормам права³ специфических особенностей, выраженных в конструктивном отсутствии у данных видов правовых норм такого элемента, как санкция, обратим внимание на выявленные нами в российском праве специальные императивные предписания, не обеспеченные какими-либо мерами государственного принуждения.

Например, действия налогового агента, прямо нарушающие системно взаимосвязанные императивные предписания п. 5 ст. 58, п. 7. ст. 226 НК РФ, выражающиеся в перечислении удержанных сумм НДФЛ вопреки указанным предписаниям в иной бюджет, рассматриваются законом и правоприменительной практикой как ненадлежащее исполнение налоговым агентом своих обязанностей, но не влекут для налогового агента каких-либо последствий, в том числе не могут служить основанием для его привлечения к ответственности, предусмотренной ст. 123 НК РФ⁴. Вместе с тем подобные действия самоочевидно дезорганизуют отношения по поводу обязательности перечис-

¹ См.: *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917 .С. 226.

² См.: *Власенко Н.А.* Коллизионные нормы в советском праве / науч. ред. А.Ф. Черданцев. Иркутск, 1984. С. 54.

³ См.: *Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина.* Саратов, 1987. С. 97.

⁴ См.: Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 10 октября 2014 г. № 03-04-06/51010. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.* 2009. № 7.

ления в доходные части строго определенных бюджетов сумм фискального характера.

Правила п. 3 ст. 21.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (в ред. от 31 декабря 2017 г.)¹, возлагая на регистрирующий орган обязанность опубликовать в трехдневный срок решение об исключении организации из ЕГРЮЛ, не снабжены какими-либо мерами принуждения, обеспечивающими неукоснительное соблюдение данного срока². Нарушение названного срока, потенциально способное сказаться за законных интересах неопределенного круга лиц, не дает оснований для применения к руководителю или служащему регистрирующего органа каких-либо мер принуждения, а также не влечет незаконность такого решения регистрирующего органа.

Нарушение безальтернативно установленного п. 3 ст. 145 НК РФ срока подачи налогоплательщиком в налоговую инспекцию документов, предусмотренных п. 6 ст. 145 НК РФ, не влечет отказа в предоставлении ему права на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога Ответственность или иные неблагоприятные юридические последствия нарушения установленного законом пресекательного срока уведомления налогового органа налогоплательщиком об использовании права на освобождение от НДС действующим законодательством не определены³.

Положения ч. 1, 3 ст. 144 УПК РФ закрепляют сроки осуществления такой важной процедуры, как рассмотрение должностными лицами уполномоченных правоохранительных органов сообщений о преступлениях. Именно эта совокупность действий предшествует принятию решения о возбужде-

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 65.

² См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Камчатского краевого суда от 31 октября 2013 г. по делу № 33-1543/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Письмо Федеральной налоговой службы от 14 августа 2015 г. № ГД-4-3/14351@ «О направлении разъяснений». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нии уголовного дела, отказе в его возбуждении либо передачи сообщения о преступлении по подследственности. При отмеченной в правовой позиции ЕСПЧ недостаточной продолжительности данных сроков укажем, что их нарушение никак не сказывается на законности решения, принятого по результатам рассмотрения сообщения, правомерности возможного дальнейшего уголовного преследования лица.

Несоблюдение уполномоченным властным субъектом установленных в императивных предписаниях ч. 1, 2 ст. 28.5 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении, хотя и выступает нарушением должных процедур административного преследования нарушителей, но никак не сказывается на законности привлечения лица к административной ответственности.

С опорой на указанные и на некоторые другие примеры (в частности, на не обеспеченные санкциями предписания п. 6 ст. 259 УПК РФ, ч. 3 ст. 230 ГПК РФ, ч. 5 ст. 155 АПК РФ, ч. 3 ст. 206 КАС РФ, регламентирующие сроки изготовления протокола судебного заседания) представляется возможным констатировать, что в механизме правового регулирования отдельные императивные правовые предписания не обеспечены какими-либо санкциями. Прямое нарушение требований таких императивных норм, хотя и влечет ущемление прав и законных интересов, либо ухудшение положения участника регулируемых такими нормами правоотношений, но не сказывается на дальнейшем развитии этих правоотношений.

Аксиологическое значение предложенной классификации для юридической науки и практики, а также для нормального функционирования механизма правового регулирования выражается не только в том, что эта классификация выступает важным инструментом, содействующим законодателю и правоприменителю в деятельности по недопущению ситуаций правовой незащищенности субъекта права или субъекта конкретного правоотношения, но и в том, что в рамках данной классификации наглядно отражены недоста-

точно изученные в научной и учебной литературе аспекты применения императивного метода правового регулирования в позитивном праве России.

2.3. Соотношение императивных норм и норм-запретов в механизме регламентации общественных отношений

Запрет как способ регулирования поведения определенного субъекта исторически занимал особое место в регламентации всего многообразия социальных отношений. Обращение к специализированной научной и учебной литературе, а также сопоставление предметных доктринальных взглядов показывают устоявшийся характер знаний, заключающийся в том, что уже на наиболее ранних, догосударственных этапах развития человеческого общества они отличались наличием единого источника упорядочивания всего множества общественных отношений (в том числе правовых, морально-нравственных, культурных и религиозных) — мононорм, именно запрет не только являлся ведущим способом регулирования всех этих отношений¹, но и предшествовал возникновению позитивных обязываний и дозволений².

Длительный и нелинейный генезис институтов государства и права в нашей стране сопровождался пересмотром отдельных представлений о пределах юридических запретов, которые могут быть установлены публичной властью в механизме правового регулирования. Важность этого сложного процесса достаточно велика и здесь уместно привести полностью разделяемое нами суждение А.В. Малько о том, что «... история права, правового развития того или иного общества — это во многом история запретов, их установления, изменения и отмены»³. Отчасти характеризуя данный процесс

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 31; Толмачев В.В. Технико-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 18.

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. С. 24.

³ См.: Малько А.В. Запреты как средства правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 4.

в нашей стране в контексте осмысления социальной роли и ценности норм-запретов, отметим, что на исторических этапах существования монархической формы правления субъект, обладающий высшей государственной властью, не был обременен какими-либо правовыми ограничениями и мог по своей воле устанавливать любые общеобязательные запреты. Широту правотворческих полномочий монарха может наглядно проиллюстрировать выборочный анализ норм правовых памятников Русского царства и Российской империи, содержащих множество архаичных запрещающих предписаний, выражающих в числе прочего разные формы дискриминации и в особенности — сословное неравенство. Например, предписания Указа Екатерины II от 22 августа 1767 г. под угрозой телесного наказания и вечной каторги категорически запрещали крестьянам жаловаться на всякие неправомерные действия помещиков¹. Положения Высочайшего рескрипта Николая I от 19 августа 1827 г. строго запрещали прием на обучение в университеты и другие казенные и частные высшие учебные заведения крепостных крестьян и иных лиц несвободных состояний². Еще более показательным в данном контексте выступает то обстоятельство, что до издания Манифеста от 17 октября 1905 г.³ существовал общий запрет на собрания, организацию и деятельность союзов и политических партий⁴.

Хронологически более поздние периоды государственно-правового строительства, в условиях смены формы правления, изменений политического режима и экономического строя ознаменовались реализацией публичных интересов в обращении ряда прогрессивных запретов непосредственно к самому властному субъекту, а также постепенным сужением и конкретизацией

¹ См.: Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 18: 1767–1769. С. 335–336.

² См.: Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе: в 55 т. СПб., 1830. Т. 2. С. 675–677.

³ См.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. С. 41.

⁴ См.: *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. II: От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2010. С. 457.

сфер правового регулирования, в которых законодатель может использовать запрещающий метод.

Становление и функционирование международных межправительственных организаций, интенсивное развитие положений теории естественного права и закрепление неотчуждаемых прав и свобод человека в общепризнанных международных нормах, а также в Конституции России, ориентирование внутренней политики нашей страны на создание необходимых условий для формирования институтов гражданского общества и правового государства привели к качественно иному правовому положению органов государственной и муниципальной власти и должностных лиц. В описанных условиях статусу последних имманентно подчинение множеству общих и специальных правовых предписаний, в объеме которых особое место занимают нормы-запреты. Адресованные органам законодательной, исполнительной и судебной власти запреты выступают необходимым средством охраны и защиты правопорядка, а также поддержания конституционного строя, однако в контексте выделенных ранее особенностей важно, что именно совокупность норм-запретов предъявляет субъекту правотворчества ряд продиктованных концепцией правового государства требований: не издавать правовых норм, не соответствующих Конституции РФ, принципам права, а также правовым предписаниям, обладающим большей юридической силой (ч. 1 ст. 15, ч. 3, 5 ст. 76, ч. 3 ст. 90 Конституции РФ). Так, запреты диспозиций ч. 1–3 ст. 135 Конституции РФ исключают возможность изменений, в том числе — установления каких-либо дополнительных ограничений и запретов в таких областях правового регулирования, как основы конституционного строя, а также конституционные права и свободы человека и гражданина. Не менее важным выступает общее правило, выраженное в запрещающей диспозиции ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, задающее требование к содержанию исчерпывающего множества норм федеральных законов РФ, а также всех правовых предписаний нижестоящих в иерархии нормативных актов источников. В соответствии с названной нормой «при осуществлении своих

прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Приведенные в качестве примеров, а также иные рефлексивно обращенные к публичной власти запрещающие предписания, не позволяя субъектам правотворчества использовать запрещающий метод способами, связанными с ограничением, ущемлением и умалением естественных прав, а также свобод и законных интересов физических лиц и организаций, выступают юридической гарантией недопущения возможных злоупотреблений публичной властью и создают тем самым необходимые условия для развития гражданского сознания и гражданского общества в процессе функционирования механизма правового регулирования.

Еще важнее для проводимого исследования учет того обстоятельства, что не только в международных, но и в национальных источниках права нашел закрепление общеправовой демократический принцип «разрешено все, что не запрещено законом»¹ (ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, ст. 18, п. 1 ст. 49 ГК РФ). Названное концептуальное начало по существу изменило соотношение дозволений и запретов в механизме правового регулирования, обусловив бесспорное количественное превалирование дозволений: если исчерпывающий круг запретов содержится в действующих правовых нормах, то к разрешенным, помимо прямо предусмотренных юридическими предписаниями, относятся также любые модели поведения субъекта, прямо не запрещенные нормами права. Здесь также вызывает интерес позиция председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который полагает, что приведенное концептуальное начало адресовано лишь частным лицам, в то время как специальные субъекты — представители публичной власти — в своей деятельности должны руководствоваться иным принципом: «запреще-

¹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 203–218.

но все, что прямо не разрешено»¹. В нем В.Д. Зорькин усматривает логическое развитие установленного Конституцией РФ приоритета прав человека как высшей ценности и указывает, что «при трактовке конституционного текста надо ориентироваться на выявление дополнительных гарантий прав человека, а не дополнительных оснований для ограничения этих прав»².

Изложенные положения значимы для комплексного понимания юридических запретов. Учитывая их, целесообразно перейти к непосредственному осмыслению теоретической сущности запрещающих норм, а также к установлению соотношения этих норм и императивного метода в отечественном механизме правового регулирования.

Характеризуя необходимые и устойчивые признаки норм-запретов, укажем, что способ правового регулирования, используемый также в качестве классификационного критерия выделения управомочивающих, обязывающих и запрещающих правовых норм, предопределяет целевое назначение, характер содержания и функциональный потенциал каждого из названных видов норм в механизме правового регулирования. Таким образом, именно *использование и выражение в правовом предписании запрещающего способа регулирования правоотношений* закономерно выступает основополагающей отличительной особенностью рассматриваемого вида норм. Также важно указать, что внесшие самый значительный вклад в осмысление запрещающих норм права на монографическом уровне С.С. Алексеев, Н.Н. Рыбушкин и А.Г. Братко солидарны во мнении о том, что анализируемая разновидность выступает единственной формой выражения названного способа регулирования общественных отношений в праве. В частности, А.Г. Братко в одной из первых посвященных данной проблеме монографий, указывает: «...Конкретное сочетание способов правового регулирования, которое находит свое выражение в содержании диспозиции, не произвольно. Оно обу-

¹ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М., 2013. С. 28.

² Там же.

словлено характером поведения, регулируемого правовой нормой. В тех случаях, когда правовая норма регулирует недопустимое поведение, основным содержанием диспозиции становится запрет, что и является причиной «обособления» ее в самостоятельный вид правовой нормы — норму запрета»¹. С.С. Алексеев, усматривая исчерпывающие формы объективизации юридических запретов² в запрещающих нормах и нормативных положениях об ответственности, констатирует, что вне данных форм «... юридических запретов нет»³. Такую же точку зрения по данному вопросу высказывает Н.Н. Рыбушкин: «Запрет как средство в структуре метода правового регулирования используется законодателем только в запрещающих нормах права при формировании их диспозиций»⁴.

Соглашаясь с приведенными доктринальными воззрениями, считаем возможным дополнить их некоторыми уточнениями. На наш взгляд, помимо правил поведения, закрепленных во всем многообразии видов нормативных правовых актов, запрещающий способ в механизме правового регулирования также может быть использован и в положениях такого специфического источника права России, как международный договор (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), а также в предписаниях обычаев (ст. 5 ГК РФ). Кроме того, особенности отечественной правовой системы обуславливают возможность реализации запрещающего способа правового регулирования в решениях Конституционного Суда РФ по вопросам толкования Конституции РФ, а также в связи с исполнением иных полномочий (ст. 3, 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ). Вопросы о формах выражения запретов в позитивном праве России заслуживают самостоятельного осмысления, однако приведенные положения свидетельствуют о широте сферы применения

¹ См.: *Братко А.Г.* Запреты в советском праве / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1979. С. 23.

² См.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. А.Л. Плеханова. С. 51.

³ Там же.

⁴ *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990. С. 12–13.

запрещающего метода правового регулирования в праве, которая не ограничивается нормативными правовыми актами.

При значимости рассмотренного признака укажем, что наряду с родовыми признаками всякой правовой нормы он не образует достаточных предпосылок для умозаключений о соотношении и природе взаимодействия императивных норм и запретов в механизме правового регулирования. Последовательно продолжая характеристику, укажем, что наряду со способом правового регулирования ключевые отличительные особенности запрещающих норм права связаны также со спецификой регламентируемого ими предмета. В данном контексте надлежит подчеркнуть, что содержащийся в правовом предписании запрет может выражаться как в форме лишения права заниматься определенной деятельностью¹, так и в форме возложения на адресата обязанности не нарушать установленных нормой ограничений², и такая частичная общность способа правового регулирования несколько сближает обязывающие и запрещающие нормы. Вместе с тем их четкое разделение по рассматриваемому критерию предмета не представляет труда: если обязывающие нормы всегда регламентируют модели должного, правомерного поведения субъектов общих и индивидуальных правоотношений, то *запрещающие нормы определяют только те действия и бездействия, которые являются противоправными, причиняющими вред общественным отношениям и при определенных условиях влекущими для реализовавшего диспозицию запрещающего предписания лица некоторые неблагоприятные последствия, в том числе в форме юридической ответственности*³. Н.Н. Рыбушкин отметил: «Запрет как специфическое средство правового регулирования присутствует только в той норме, которая призвана вытеснить вредные общественные отношения, как уже существующие, так и предполагаемые»⁴. Такой же точки

¹ См.: Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. С. 9.

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. А.Л. Плеканова. С. 48.

³ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. С. 171.

⁴ См.: Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. С. 9.

зрения придерживается В.С. Ем: «...Обязанности, порождаемые запретами, по своей правовой природе означают юридическую невозможность совершения действий, наносящих ущерб интересам государства, коллектива, личности»¹. Аналогичная позиция прослеживается в утверждении А.Г. Братко: «Запрет устанавливает юридическую обязанность воздержаться от противоправных действий, поэтому содержание запрета заключается в указании на поведение, которое недопустимо с точки зрения интересов общества и государства»².

Анализ специфики предмета и способа правового регулирования выявляет содержание ключевых особенностей запрещающих норм в механизме правового регулирования. Вместе с тем прежде чем переходить к осмыслению прочих свойств данного вида правовых норм, следует указать на обстоятельство, особо значимое для проводимого исследования. Речь идет о том, что в немногочисленных специализированных фундаментальных научных работах императивность нашла трактовку в качестве имманентного признака рассматриваемой разновидности правовых норм. В этой связи уместно сослаться на выводы Н.Н. Рыбушкина: «Диспозиция запрещающей нормы отличается категоричностью, безусловностью. В ней выражен властный императив, запрещающий любое от него уклонение. Это также одна из особенностей диспозиции запрещающей нормы»³. Показательны в данном контексте умозаключения В.С. Ема о том, что «запрет выступает как властный императив, указывающий на недопустимость объективно возможного общественно-вредного действия (поведения)»⁴. Примечательна развернутая позиция С.С. Алексеева, указавшего, что «... всякий запрет в праве — юридическая обязанность. И с этой стороны для запретов, в принципе, характерно все то, что свойственно юридическим обязанностям вообще (принципиальная однозначность, императивная категоричность, непрерываемость, обеспечение дей-

¹ См.: Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 70.

² См.: Братко А.Г. Указ. раб. С. 10.

³ См.: Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. С. 31.

⁴ См.: Ем В.С. Указ. раб. С. 70.

ственными юридическими механизмами)»¹. А.Г. Братко по результатам специализированного исследования определил правовой запрет как «... обусловленное социальной необходимостью государственно-властное, императивное веление, указывающее на обязанность лица воздерживаться от действий, причиняющих существенный вред интересам личности и общества»².

Подход к пониманию сущности запрещающих норм права, сформировавшихся на основе приведенных доктринальных взглядов, мог бы предопределить дальнейшую магистраль исследования и послужить предпосылкой в обоснование умозаключения о том, что соотношение между императивными нормами и запретами в механизме правового регулирования выражено в подчинении понятию «императивная норма права» понятия «норма-запрет» или «запрещающая норма права». Отсюда следовало бы, что всякий запрет в позитивном праве может быть выражен только в императивном правовом предписании, а само использование запрещающего способа регулирования правоотношений можно было бы рассматривать в качестве исключительной формы реализации императивного метода правового регулирования. Вместе с тем подобные умозаключения были бы преждевременными, недостаточно аргументированными и не раскрывающими в полной мере соотношение и механизм взаимодействия императивных норм и запретов в современном российском праве.

В первую очередь обратим внимание на то, что императивный характер норм-запретов в некоторых правоотношениях находит весьма специфичную трактовку в сложившейся правоприменительной практике. Например, в разъяснениях, данных в п. 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16, судам рекомендуется при применении императивных норм, запрещающих соглашение сторон об ином, руководствоваться целями законодательного регулирования, которые могут допускать ограниченное толкование таких запретов: суд может признать, что такая

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. С. 48.

² См.: *Братко А.Г.* Указ. раб. С. 88.

норма-запрет исключает лишь соглашения сторон о таких условиях, которые ущемляют интересы стороны, на защиту которой направлена норма. При этом вопреки императивному характеру рассматриваемые запреты могут трактоваться судом как допускающие такие соглашения сторон, которые могут отклоняться от правил запрещающего предписания, при этом они должны улучшать положение той стороны соглашения, с защитой которой связаны цели правового регулирования.

Отмечая, что названная позиция правоприменителя заслуживает подробного осмысления в специализированном исследовании, укажем на еще более значимое обстоятельство: формально-юридический анализ источников национального частного права выявляет наличие ряда предписаний, содержащих диспозитивные запреты. Примерами таких запретов могут выступать правила п. 7. ст. 187, п. 5 ст. 395, п. 2 ст. 682 ГК РФ, позволяющие по соглашению сторон не применять закрепленный в норме запрет в конкретном правоотношении. Сама допустимость установления таких неимперативных запретов ограничена, что явно следует из предписаний ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, а также пп. 1, 2 ст. 1, пп. 1–4 ст. 421 ГК РФ: в механизме правового регулирования такие запреты свойственны частному праву, они должны отвечать сущности регулируемого правоотношения, быть направлены на обеспечение законных частных интересов, не нарушать иных требований закона, не создавать угрозы злоупотребления правом, заключения сделки на крайне невыгодных для одной из сторон условиях. Однако сам факт их существования вносит серьезные коррективы в понимание логической взаимосвязи запретов и императивных норм в механизме государственно-правового регулирования.

Следует отметить, что рекомендательный и поощрительный методы правового регулирования по своей природе не пригодны к выражению норма-запретов национального права России. В обоснование высказанного суждения укажем, что отступление от тех моделей поведения, на которые ориентируют участников правоотношений такие нормы, не влечет неправомерность

соответствующих действий субъекта. Таким образом, предмет регулирования рекомендательных и поощрительных норм национального права не обладает отличительными признаками, свойственными предмету норм-запретов. Однако при этом можно констатировать, что рекомендательный метод правового регулирования находит применение для выражения запретов в источниках международного права (например, п. 2 Рекомендаций МОТ от 24 июня 1936 г. № 47¹, подп. 2 Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7², п. 6 раздела «С» приложения 1 к Конвенции о дорожных знаках и сигналах³). С учетом специальных процедур имплементации таких норм в отечественную правовую систему имеются основания для умозаключения об опосредованном характере влияния рекомендательных норм на общий объем норм-запретов в механизме правового регулирования. Речь идет о том, что выраженные в таких нормах рекомендации при наличии ряда других условий выступают основанием и предпосылкой для издания обладающих меньшей юридической силой, но уже носящих императивный характер, обязательных для определенных субъектов управомочивающих, обязывающих и запрещающих норм⁴.

Обобщая изложенные положения, представляется возможным утверждать, что в контексте рассматриваемого признака *императивные и диспозитивные нормы в механизме правового регулирования предстают совместимыми перекрещивающимися понятиями*⁵, область частичного совпадения объемов которых в числе прочего включает исчерпывающий объем норм-запретов правовых актов национального права. Вместе с тем при более подробном исследовании, связанном с отраслевой дифференциацией запрещающих норм, данная общая оценка может быть скорректирована примени-

¹ См.: Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I. Женева : Международное бюро труда, 1991. С. 405–406.

² См.: Российская юстиция. 1997. № 6.

³ См.: Конвенция о дорожных знаках и сигналах от 8 ноября 1968 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁴ См.: Теория государства и права: учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев и др. М., 1968. С. 438.

⁵ См.: Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. С. 438.

тельно к каждой отрасли права, и выражать другой характер формально-логических связей понятий «норма-запрет» и «императивная норма».

Рассмотрев дистинкцию норм-запретов на императивные и неимперативные, целесообразно перейти к осмыслению другого признака запрещающей нормы: *ее обеспечения возможностью применения к нарушителю мер государственного принуждения*¹.

В отечественной теории государства и права анализируемый признак рассматривается закономерно присущим всякой правовой норме², что актуализирует поиск отличительных особенностей этого общего родового признака, проявляющихся только в нормах-запретах.

Отмечая существование полемики взглядов российских правоведов на типологию самих мер государственного принуждения³, считаем возможным для целей исследования использовать классификацию, предложенную В.В. Лазаревым и С.В. Липенем, предполагающую выделение четырех разновидностей таких мер принуждения, а именно: *мер предупредительного воздействия, мер пресечения, мер защиты (или восстановительных мер) и мер юридической ответственности*⁴.

Анализ и сопоставление доктринальных позиций позволяют утверждать, что реализация *мер предупредительного воздействия* не связывается правоведами с юридическими фактами-нарушениями норм-запретов, а видится ими направленной лишь на профилактику отклонения от правовых предписаний⁵. В свою очередь, *меры пресечения*, хотя и применяются именно в связи с совершением запрещенного деяния, имеющего признаки правона-

¹ См.: *Радько Т.Н.* О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1969. Вып. 1. С. 92; *Братко А.Г.* Указ. раб. С. 26; *Самощенко И.С., Фарукишин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 115.

² См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Указ. раб. С. 269; *Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А.* Указ. раб. С. 242–243; Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 372.

³ См.: *Штода И.С.* Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 54–57.

⁴ См.: *Лазарев В.В., Липень С.В.* Указ. раб. С. 354.

⁵ См.: *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. С. 408.

рушения или преступления¹, но, по мнению О.Э. Лейста, являются лишь мерами надзора и контроля за соблюдением юридических норм, «которые носят властный, принудительный характер, но не являются осуществлением санкций»². Применение *третьей из выделенных мер* государственного принуждения обладает спецификой, обусловившей трудности разграничения мер защиты и мер юридической ответственности³. Проблематика производна от того, что юридические основания для использования мер защиты правоведы усматривают в совершении лицом правонарушения, обладающего минимальной общественной опасностью, а также в совершении отдельных действий, наказуемыми правонарушениями не являющихся, но влекущих некоторые юридические последствия⁴.

То обстоятельство, что меры защиты в предусмотренных законодательством случаях могут выступать мерой принуждения в отношении лица, нарушившего запрещающую норму, надлежит считать значимым для исследования. При этом важно учитывать тот факт, что меры защиты, во-первых, направлены исключительно на восстановление нарушенного права⁵ и не выполняют в механизме правового регулирования карательной функции; во-вторых, выражаются в принуждении лица к исполнению ранее взятой им на себя обязанности⁶, в то время, как меры юридической ответственности связаны с возложением на лицо новой обязанности, не обременявшей лицо в силу правового предписания или соглашения до совершения им противоправного деяния⁷. В-третьих, можно констатировать, что при широкой отраслевой дифференциации мер защиты⁸, а в отдельных случаях — их альтернативно-

¹ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Указ. раб. С. 354.

² См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 30.

³ См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М., 1981. С. 90-96.

⁴ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Указ. раб. С. 355.

⁵ См.: Баранов В.М. Теория юридической ответственности: лекция. Н. Новгород, 1998. С. 8; Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. С. 209-210.

⁶ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 243-244.

⁷ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Указ. раб. С. 355.

⁸ См.: Общая теория права и государства: учебник. С. 243-244.

сти (ст. 12 ГК РФ) — применение этих мер во многих случаях ставится законодателем в зависимость от свободного волеизъявления лица, права, свободы и законные интересы которого нарушены или находятся под угрозой нарушения.

Для характеристики данного вида мер государственного принуждения в контексте проводимого исследования особенно значима разделяемая нами позиция Т.Н. Радько. Ученый констатирует: «В нормах, закрепляющих меры защиты, превалирует императивный метод правового регулирования»¹, отмечая при этом существование и средств защиты, правовые основания использования которых закреплены в диспозитивных нормах права, и определение содержания которых зависит от усмотрения субъекта. В качестве примеров последних Т.Н. Радько называет закрепленную в ст. 12 ГК РФ самозащиту гражданского права и предусмотренную ст. 37 УК РФ необходимую оборону².

Характеризуя последний из выделенных видов, согласимся с Т.Н. Радько и в том, что *юридическая ответственность* является одной из самых существенных форм реализации охранительной функции права³, а также выразим мнение об объективной необходимости запрета совершения определенных деяний, сопряженного с установлением за нарушение запрета негативной юридической ответственности. В механизме правового регулирования запрещающее предписание, не обеспеченное данной мерой государственного принуждения, не будет выполнять карательную функцию. В свою очередь, централизация на методе убеждения, а также использование мер защиты обеспечат эффективность превенции лишь ограниченного круга противоправных деяний. Такие запрещающие нормы не позволят сформировать в общественном сознании устойчивую установку на недопустимость нарушения запрета совершения деяний, криминализованных или административно-запрещенных вследствие их общественной опасности, а в случае несоблюдения запрещающего предписания не создадут условий для восстановления со-

¹ Радько Т.Н. Теория функций права. М., 2014. С. 225.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 213.

циальной справедливости, нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также для оказания необходимого принудительного воспитательного и исправительного воздействия на виновное лицо.

Выразим полное согласие с позицией Д.А. Липинского и Р.А. Хачатурова, согласно которой «запрет в системе способов законодательного определения уголовной, административной, финансовой и других видов ответственности имеет доминирующее значение»¹, а также с выводами С.С. Алексеева о преобладающем гарантировании запрета именно такой мерой государственного принуждения². При этом уточним, что нарушение предписания запрещающей нормы не исчерпывает оснований для привлечения лица к юридической ответственности в установленном законом порядке. Так, С.Н. Братусь в числе соответствующих оснований аргументированно выделяет нарушение положений договора³.

Различным мерам юридической ответственности закономерно свойственны ярко выраженные отраслевые особенности, производные от задач правового регулирования определенного вида общественных отношений. Например, если гражданско-правовая ответственность носит исключительно имущественный характер, то уголовный и административный виды ответственности представлены совершенно иными мерами наказания и воздействия, а также преследуют качественно иные цели (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ). Важно отметить ряд доктринальных позиций, доказывающих существование диспозитивных запретов в источниках отраслей частного права⁴, а также обосновывающих наличие отдельных, связанных с запретами проявлений диспозитивности в некоторых отраслях публичного права.

¹ См.: Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 210.

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. С. 48.

³ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. С. 94–95.

⁴ См.: Знак М.А. Диспозитивность условий привлечения к договорной ответственности в гражданском праве // Юридический журнал. 2008. № 1 (13). С. 87–92; Братусь С.Н. Указ. раб. С. 76.

Например, такие проявления усматриваются правоведами в возможности освобождения от уголовного наказания вследствие примирения с потерпевшим, а также в правилах, закрепленных в примечаниях к запрещающим нормам Особенной части УК РФ, выражающих изменения интенсивности пенализации преступления в форме установления оснований для освобождения от уголовной ответственности¹. Отметим, что последняя приведенная позиция не лишена дискуссионности. Например, А.В. Сумачев усматривает в примечании к ст. 122 УК РФ обстоятельство, исключаящее преступность деяния, выраженное в норме, носящей императивный характер².

Из вышесказанного следует, что различные предписания, выраженные в дифференцированных источниках права России, могут быть обеспечены разнообразными мерами государственного принуждения. Абстрагируясь и концентрируя внимание только на одном источнике — нормативных правовых актах, представляется возможным сделать умозаключения о том, что из всего множества разновидностей выраженных в них правовых норм в механизме правового регулирования только нормы-запреты обеспечены возможностью применения к нарушителю мер юридической ответственности. Как следствие, еще одна отличительная особенность запрещающих норм связана с тем, что только в их санкциях находят закрепление качественные и количественные характеристики конкретных неблагоприятных правовых последствий, образующих формально-логический объем юридической ответственности.

В свою очередь, отличительными особенностями императивных запрещающих норм, помимо специфики *метода правового регулирования*, выступают и особенности *регламентируемого предмета*. Последний выражен в общественных отношениях, исключение и предупреждение возникновения которых обусловлено публичными интересами, исключаящими отклонение от необходимых моделей поведения.

¹ См.: *Карabut М.А., Сидоренко Э.Л.* Частные начала в уголовном праве. СПб., 2007. С. 157-180.

² См.: *Сумачев А.В.* Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М., 2003. С. 156.

Выделенные и рассмотренные существенные отличительные признаки не исчерпывают особенностей норм запретов в механизме правового регулирования. В числе прочих свойственных им видовых признаков правоведы также выделяют, например, особую форму реализации запрещающих норм — соблюдение¹, а также специфику юридической техники нормы-запрета, выраженную в ее строгой формальной определенности². Вместе с тем рассмотренные положения позволяют сделать ряд умозаключений о соотношении и механизме взаимодействия императивных норм и запретов в российском праве:

1. Юридические запреты представляют собой неотъемлемый элемент позитивного права России, в котором находит нормативное выражение множество важнейших форм реализации охранительной функции права, по объективным причинам необходимых для обеспечения стабильности всего механизма правового регулирования, нормального общественного и государственно-правового развития. Совокупность норм-запретов, обеспеченных мерами государственного принуждения в виде юридической ответственности, образует объем правовых норм, выполняющих в механизме правового регулирования карательную функцию. При этом все запрещающие предписания обеспечивают должную реализацию управомачивающих и обязывающих норм, предупреждая нарушения и исключая декларативность прав, свобод и обязанностей граждан, организаций и публично-правовых образований, возникновение ситуаций правовой незащищенности субъекта права.

2. В механизме правового регулирования запрещающие юридические предписания находят выражение во множестве видов источников. С учетом отнесения нашей страны к романо-германской правовой семье, закономерным предстает ведущая роль нормативного правового акта и единицы его элементного состава — нормы права в выражении юридических запретов. Обращение к знаниям о системе права дает основание утверждать, что соот-

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. С. 48.

² См.: Там же. С. 50.

ношению норм-запретов с императивным методом правового регулирования должны быть свойственны как общие, проявляющиеся во всем праве, так и частные закономерности. Поиск и выявление последних лежит в плоскости анализа конкретных сфер законодательного регулирования и в связи с этим логично утверждать, что различным элементам системы права будут присущи дифференцированные особенности искомым соотношений, производные от специфики целей, задач и метода правового регулирования каждой конкретной отрасли права.

3. Характеризуя общие закономерности соотношения императивных норм и запретов в механизме правового регулирования, представляется возможным сделать следующие выводы:

императивная норма и запрещающая норма выступают разновидностями, выделяемыми в двух различных классификациях, однако в связи с тем, что императивный метод и запрещающий способ правового регулирования могут одновременно являться признаками одной нормы права, их надлежит считать соотносимыми понятиями;

в силу того, что существенные отличительные признаки императивной нормы права и запрещающей правовой нормы различаются, и логические объемы названных понятий в полной мере не совпадают, между этими понятиями не имеется отношений тождества;

формально-логический объем всего множества существующих в позитивном праве России императивных норм права не исчерпывает объема выраженных в нормативных правовых актах запрещающих юридических предписаний. Исследованием установлено, что юридические запреты в праве России могут находить закрепление как в императивных, так и в неимперативных нормах. Отсюда следует, что между понятиями «императивная норма права» и «запрещающая норма права» нет отношений подчинения;

так как значительное, но не исчерпывающее количество юридических запретов закреплено в императивных нормах права, а императивный метод используется для выражения как запретов, так и правомочий, а также обязан-

ностей субъектов правоотношения, понятия «императивная норма права» и «запрещающая норма права» предстают перекрещивающимися. Принимая во внимание то обстоятельство, что неимперативные запреты находят ограниченное применение преимущественно в источниках отраслей частного права, область частичного совпадения данных понятий включает значительную часть объема понятия «запрещающая норма права».

4. Установление императивных норм-запретов в праве предстает волевым действием властного субъекта, связанным с множеством обстоятельств. При этом устойчивая, необходимая, существенная и повторяющаяся связь между определенным деянием и потребностью в закреплении образующего данное деяние модели поведения в предписании именно императивной запрещающей нормы во всех отраслях российского права усматривается нами как минимум в двух значимых обстоятельствах:

а) в наличии в запрещаемом деянии признака общественной опасности. По нашему мнению, только императивные запрещающие нормы пригодны для криминализации и административно-правового запрета совершения противоправных деяний, в связи с чем уголовную и административную ответственность можно рассматривать как исключительное последствие нарушений императивных запретов;

б) в наличии публичных или законных частных интересов в строгом и неукоснительном соблюдении определенных правил и исключения действий или бездействий, нарушающих либо создающих угрозу нарушения прав или свобод, а равно неисполнения либо ненадлежащего исполнения определенных обязанностей.

5. Механизм взаимодействия императивного метода и запрещающего способа правового регулирования в конкретной норме права как существенных признаков правовой нормы усматривается в комплексном взаимном дополнении, направленном на достижение в издании конкретной нормы цели правового регулирования, преследуемой властным субъектом. Способ правового регулирования предопределяет целевое назначение и задает характер

смыслового содержания запрещающей нормы. В свою очередь императивный метод правового регулирования сказывается на структуре и содержании диспозиции, обуславливая обязательность и невозможность изменения выраженного в ней правила поведения, а также позволяя закрепить в санкции наиболее строгие формы государственного принуждения по отношению к нарушителю — уголовную и административную ответственность. По объективным причинам, метод и способ правового регулирования, хоть и имеют существенное значение, но не исчерпывают отличительных признаков конкретной нормы права

ГЛАВА 3. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

3.1. Специфика правоотношений, возникающих на основе императивных норм

Н.И. Матузов, расценивая понятие «правоотношение» в качестве занимающего «одно из центральных мест в системе правовых категорий»¹, привел обоснованное суждение: «Именно правовые отношения, взятые в их огромной и сложной совокупности, образуют основу (ядро) правовой жизни общества, определяя ее пульс, динамику, движение, аккумулируя в себе все другие элементы (права, обязанности, ответственность, законные интересы, юридически значимые действия, статус, правотворчество, правореализацию и т.д.)»².

Разделяя идеи Н.И. Матузова, отметим, что в дореволюционной, советской и современной научной и учебной литературе подробное освещение нашли различные аспекты существенных, необходимых, устойчивых и повторяющихся взаимосвязей правовых норм и правовых отношений как неотъемлемых структурных компонентов механизма правового регулирования. При этом, соглашаясь с точкой зрения Р.О. Халфиной о том, что «характер связи правовой нормы и правоотношения наиболее полно определяется как реализация нормы»³, уточним, что данная общая оценка вовсе не означает одностороннего характера этих сложных, неразрывных структурных и функциональных связей. При общем признании теоретических положений о том, что существование предметной правовой нормы выступает логической предпосылкой и обязательным условием возникновения правовых отноше-

¹ См.: *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. 2-е изд. М., 2015. Т. 2. С. 596.

² См.: *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 114.

³ См.: *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 53.

ний¹, отметим, что последние, в свою очередь, также сказываются на правовых нормах. Речь идет о том, что появление новых или значительное преобразование уже существующих общественных отношений в механизме правового регулирования обуславливают естественную потребность в их юридическом упорядочивании, закреплении возникших или изменении деактуализовавшихся моделей поведения их участников, первичном формальном определении или пересмотре ранее регламентированных прав и обязанностей, установлении пределов свободы усмотрения субъектов, а также в закреплении мер их ответственности². Таким образом, объективная динамика социальных связей, их развитие, дифференциация и усложнение, наряду с иными обстоятельствами, выступают важными и закономерными детерминантами издания новых и реформирования уже существующих предписаний правовых норм.

По нашему мнению, значение систематической рефлексии и развития знаний в области теории правоотношений соотносимо с важностью аналогичной научно-исследовательской активности в области теории правовых норм, а комплексное применение знаний двух названных разделов теории права в составе концепции механизма правового регулирования предстает не только обязательным условием должного концептуального сопровождения правотворческой деятельности, но и предпосылкой тщательного, глубокого осмысления и подробного объяснения множества юридических явлений и отношений.

В свете обозначенного направления научного поиска особенно важной надлежит считать выявленную и доказанную в ряде специализированных исследований закономерность: видовые отличительные особенности той правовой нормы, которая выступала юридическим основанием для возникновения или изменения правоотношения, рельефно проявляются на регламентируе-

¹ См.: *Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2011. С. 227; *Теория государства и права: учебник / под ред. О.В. Мартышина.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 305.

² См.: *Радько Т.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2015. С. 431–432.

мых такой нормой общественных отношениях, становясь причиной имманентности правоотношениям определенных свойств. Так как эти свойства прямо производны от специфики правовых норм, их изучение и переосмысление предстает задачей теории права, решение которой будет способствовать не только росту теоретических знаний о сущности и взаимосвязях дифференцированных видов правовых норм и правоотношений, но и позволит углубить и обогатить имеющиеся познания о многих важных аспектах механизма правового регулирования. Отмечая динамику научно-исследовательской активности и существенный вклад отечественных правоведов в осмысление специфики правовых отношений, как производных от отдельных разновидностей правовых норм, так и существующих в дифференцированных отраслях и институтах российского права, констатируем, что отличительные особенности и общие закономерности возникновения, развития и функционирования правоотношений на основе императивных норм права в научной и учебной литературе подробного комплексного осмысления не получили и до настоящего времени непосредственным предметом специализированных фундаментальных исследований не являлись. В таких условиях с учетом значения для юридической науки и практики актуальных знаний о правовых нормах, правоотношениях и о механизме правового регулирования в целом уместно утверждать о существовании комплексной и разнородной проблематики, свойственной теоретическим знаниям, выступающей естественным следствием недостаточности этих знаний и в различных формах обнаруживающейся в полноте, глубине, системности, обоснованности, описательном, объяснительном и прогностическом потенциале этих знаний.

Для содействия решению приведенной проблематики, последовательного выявления и осмысления наиболее важных особенностей таких правоотношений, возникающих преимущественно на основании норм отраслей публичного права России, продуктивным направлением познания видится применение структурного подхода, использование устоявшихся в теории государства и права, а также в отраслевых юридических науках положений

об элементарном составе правового отношения, образованного *содержанием* (правами, обязанностями и ответственностью), *субъектами* и *объектом* (предметом)¹, с локализацией и обобщением специфики каждого из названных структурных компонентов, прямо производной от императивного метода правового регулирования, используемого законодателем в предписаниях императивных норм права.

Следуя намеченному алгоритму научного поиска и переходя к непосредственной характеристике особенностей первого из выделенных нами элементов — *содержания правоотношений, урегулированных императивными нормами права*, образованного совокупностью субъективных прав, обязанностей и ответственности участников таких отношений², прежде всего, оговоримся, что значительная широта использования императивных норм в позитивном праве, охватывающая все сферы правового регулирования, объективно влечет существенную дифференциацию содержания возникающих на основании таких норм правоотношений. При естественности такой ситуации в сложном и многомерном механизме правового регулирования, обычно для правовых реалий существенных расхождений объемов правомочий участников правоотношений, возникающих на основе отличающихся отраслевой принадлежностью и множеством иных признаков императивных норм права, констатируем, что в содержаниях таких отношений усматриваются общие, универсальные и прямо производные от метода правового регулирования отличительные особенности. Для локализации наиболее значимой из них сопоставим объемы правомочий, которыми наделяются субъекты отношений, возникающих на основании рекомендательных, диспозитивных, поощрительных и императивных правовых норм, в контексте исходных предписаний ч. 1–3 ст. 19 Конституции РФ, провозглашающих всеобщее равенство перед законом и судом, а также равенство прав и свобод человека и гражданина.

¹ См.: *Барихин А.Б.* Большая юридическая энциклопедия. М., 2010. С. 642.

² См.: *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М., 1991. С. 43–44.

Приступая к сравнению по обозначенному признаку, выскажем мнение о том, что для отношений, урегулированных рекомендательными нормами права, соотношение объемов прав и обязанностей их участников предстает не столь значимым, вне зависимости от отраслевой принадлежности норм-рекомендаций. Экспланансом данного суждения предстает отсутствие у таких юридических предписаний признака общеобязательности, что ставит вопрос о соблюдении и исполнении закрепленных в них моделей поведения в полную зависимость от свободного субъективного усмотрения, правовой культуры, сознательности и ответственности всякого адресата рекомендации. В механизме правового регулирования эти особенности правоотношений влекут объективную невозможность ущемлений законных интересов их участников даже при моделировании ситуаций, связанных с отступлением правил рекомендательных норм от принципа равноправия. Отдельную, не столь значимую для исследования, но заслуживающую упоминания проблему в данной сфере образует распространенная практика подзаконного, ведомственного и локального правотворчества, при которой нормативный акт, названный «рекомендаций»¹, по существу, содержит совокупность строго обязательных для исполнения адресатами правил поведения, что уже непосредственно связано с дисбалансом правовых положений участников и предстает не совсем логичным в свете ожидаемой регламентации соответствующих отношений рекомендательным методом. Вполне вероятно, что данная проблематика лежит исключительно в плоскости точности и смысловой корректности названий нормативных актов.

Оценивая по обозначенному критерию правоотношения, регламентация которых в механизме правового регулирования осуществляется с прева-лированием диспозитивного метода правового регулирования, свойственного отраслям частного права, представляется возможным с некоторыми оговорками отметить соответствие нижестоящих по юридической силе общих и

¹ См.: Бюллетень Министерства труда и социального развития Российской Федерации. 2003. № 5.

специальных норм гражданского законодательства, а также нормы-принципа, закрепленной в п. 1 ст. 1 ГК РФ, названным конституционным положением. Отраслевые особенности, представленные не только целями и задачами, но также и методом правового регулирования, влекут такое соотношение прав, обязанностей и ответственности, которое дает основания для утверждения о формальном равенстве участников имущественных и личных неимущественных отношений, урегулированных нормами частного права. Это означает идентичное правовое положение в гражданском обороте существенно различающихся субъектов (физических лиц, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц всех возможных организационно-правовых форм, федеральных, региональных и местных органов власти, а также публично-правовых образований), так как эти субъекты одинаково наделены не подлежащей лишению или ограничению правоспособностью (ст. 17, 18, 22, 49, 124 ГК РФ) и, с учетом совокупности существенных правил, закрепляющих отдельные оговорки и исключения, равны в возможностях своими сознательными действиями реализовать нормы гражданского законодательства, то есть приобретать и осуществлять субъективные права и обязанности, а также нести ответственность в рамках конкретных гражданских правоотношений. При этом укажем, что в казуальных, предусмотренных ч. 2 ГК РФ обязательственных правоотношениях, а также в отношениях, возникающих по поводу смешанных и непоименованных договоров, объемы прав и обязанностей их участников могут существенно отличаться, в том числе находиться в диаметральной противоположности. Например, выделяемые цивилистами односторонние сделки характеризуются тем, что один субъект такого отношения наделен субъективным правом, а другой — только корреспондирующей данному праву субъективной обязанностью. Также оговоримся, что регулирование правоотношений отдельными диспозитивными нормами в отраслях публичного права может быть сопряжено с дисбалансом правового положения субъектов таких отношений.

Продолжая сравнение, выразим мнение о том, что в механизме правового регулирования существенно отличаются от уже рассмотренных правоотношения, возникающие на основе поощрительных норм права. В их содержании усматривается не формальное юридическое равенство, а прямая, но при этом полностью отвечающая характеру данных отношений, асимметричность органически взаимосвязанных, корреспондирующих друг другу прав и обязанностей их участников. Одна сторона может по своему усмотрению либо в силу нормативных предписаний вступить в соответствующие отношения, реализовать предусмотренные нормой правила поведения, на основании чего приобретает право требования полагающегося ему поощрения, которому корреспондирует субъективная обязанность другой стороны поощрительного правоотношения рассмотреть такое требование и при наличии правовых оснований удовлетворить его.

Еще большей специфичностью, претендующей на исключительность во всем механизме государственно-правового регулирования, показательно выделяющей масштабный пласт социально-правовых связей, характеризуются объемы прав, обязанностей и ответственности участников отношений, урегулированных императивными нормами права. Обращая внимание на широкое применение императивных норм в частном праве при регламентации правоотношений между равными по правовому положению участниками¹, констатируем, что *только в публично-правовых отношениях, урегулированных императивными нормами права, между субъектами может существовать правовое неравенство*, характеризующееся уникальными особенностями.

Во-первых, в управомачивающих, обязывающих и запрещающих императивных нормах находят закрепление, а в содержании правоотношений анализируемого вида реализуются *отношения власти и подчинения*: для достижения определенных публичных интересов объемы правомочий участников данных отношений находятся в таких взаимосвязях, при которых строго

¹ См.: Михайлов А.В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 74.

определённой законодательством компетенции властного субъекта отвечают обязанности субъекта подчиненного, не подлежащие пересмотру как по одностороннему волеизъявлению таких участников, так и по их общему соглашению. Например, полномочиям учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, корреспондирует установленная ч. 3 ст. 11 УИК РФ обязанность осужденных как участников правоотношений по поводу отбывания наказания исполнять исходящие от таких органов законные требования. Отношения начальников и подчинённых, возникающие между военнослужащими различных воинских должностей и воинских званий и определяющие их взаимодействия при прохождении воинской службы, находят подробное нормативное закрепление в правилах императивных норм гл. 2 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ¹. Аналогичные отношения возникают между руководителями и федеральными государственными гражданскими служащими по поводу исполнения последними поручений руководителей (п. 3 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2017 г.)²).

Названная особенность, хотя и тесно связана с отраслевой принадлежностью нормы и регулируемого ею правоотношения, все же специфична, так как в механизме государственно-правового регулирования не свойственна ни отношениям, возникающим на основании рекомендательных и поощрительных норм, ни в особенности публично-правовым и частноправовым отношениям, производным от диспозитивных норм права. Относительно последних надлежит пояснить, что даже с учетом широкого применения законодателем диспозитивного метода правового регулирования за пределами гражданского права отношения власти и подчинения в отраслях публичного права, подлежащие обсуждению и пересмотру, теряют значительный объем функционального потенциала, необходимого для достижения целей такого отношения

¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749.

² См.: СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 7.

и назначения правового регулирования. Что же касается данных отношений в частном праве, то в отечественной цивилистике выработались и устоялись знания о таком неотъемлемом признаке гражданских отношений, как отсутствие субординации между их участниками. Как отметил О.С. Иоффе, «поскольку субъект, приобретающий право, не снабжается одновременно функцией веления, получая лишь возможность предъявления определенного материально-правового притязания, постольку субъект, на которого возложена обязанность, не подчинен управомоченному, а лишь функционально связан обращенным к нему материально-правовым притязанием. ... Однако между ними не устанавливается отношение власти и подчинения. Управомоченный обладает лишь правом... , ... обязанный связан его притязанием, но не его велением»¹. Приведенная точка зрения выдающегося советского правоведа, высказанная им в период действия давно утратившего силу кодифицированного источника гражданского права, вовсе не деактуализовалась в постсоветской юридической науке, что прослеживается в действующем механизме правового регулирования. Здесь уместно как сослаться на предписание п. 3 ст. 2 ГК РФ, так и обратить внимание на аргументированную позицию Е.В. Вавилина, который, оценивая принцип равенства участников гражданских правовых отношений и интерпретируя смысловое значение предписания ст. 1 ГК РФ, выразил мнение о недопустимости наделения «... одного из участников гражданских правоотношений властными полномочиями в отношении другого»². Также укажем на наметившуюся дискуссионность, связанную с последними приведенными положениями. Например, С.Ю. Морозов, подробно проанализировав имеющиеся доктринальные взгляды³, привел аргументы в пользу существования отношений власти и подчинения в корпора-

¹ См.: *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву / отв. ред. С.И. Аскназий. Л., 1949. С. 33.

² *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 304–305.

³ См.: *Морозов С.Ю.* Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 183–186.

тивном праве¹, а также выделил признаки, отличающие их от аналогичных отношений управления в отраслях публичного права². Вместе с тем ученый признает, что идея о принадлежности данных отношений исключительно публичному праву носит господствующий характер в цивилистике³.

Во-вторых, при потенциально возможной значительности широты объемов прав и обязанностей субъектов правоотношений, возникающих на основании императивных норм права, только отдельные участники таких отношений, наделенные государственно-властными полномочиями, *могут иметь ограниченную, строго определенную компетенцию*, не допускающую как необоснованного неисполнения, так и превышения предписанных императивными нормами правомочий.

Данный признак характеризует неравенство прав, обязанностей и ответственности субъектов анализируемых отношений в механизме правового регулирования с качественно иной стороны. При ряде установленных действующим законодательством различий в правосубъектности физических и юридических лиц, сказывающихся в той или иной степени на их участии в различных правоотношениях, особой спецификой характеризуются выраженные в императивных управомачивающих и обязывающих нормах полномочия органов местной, региональной и федеральной властей. Здесь уместно согласиться с позицией М.Н. Марченко, при характеристике субъектов правоотношений указавшего, что «правовой статус государственного органа очерчивается его компетенцией. Только прямо указанные в законе полномочия (властные права и обязанности) составляют его правовой статус. Выход государственного органа за пределы своих полномочий, а также и их неосуществление в подлежащих случаях всегда являются неправомерными, неза-

¹ См.: Морозов С.Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 186–187.

² См.: Морозов С.Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36.

³ См.: Там же. С. 181.

конными действиями, хотя бы они и были вызваны возможностью принять иные меры»¹.

В-третьих, на содержание рассматриваемых правоотношений налагается важное ограничение, выражающееся в том, что оно не может быть пересмотрено его участниками. Если содержание гражданского правоотношения, основанного на диспозитивных нормах, определяется в дозволенных пределах, по усмотрению сторон, и именно в этом правоведа усматривают одну из главных форм реализации свободы договора², то права, обязанности и ответственность участников отношений, основанных на императивных нормах права, не подлежат замене, изменению, полному или частичному исключению из состава правоотношения по одностороннему волеизъявлению или по общему соглашению субъектов. Данный признак прямо произведен от императивного метода правового регулирования и свойствен не только публичным, но и частноправовым отношениям, урегулированным с применением императивных норм (например, правила п. 1 ст. 504 ГК РФ в отношениях розничной купли-продажи, положения п. 2 ст. 536 ГК РФ в отношениях контрактации, предписания п. 5 ст. 614 ГК РФ в арендных правоотношениях).

Логично дополняет приведенные суждения и умозаключения об особенностях содержания правоотношений, урегулированных императивными нормами права, обстоятельства, образующие специфику следующего элемента такого отношения — *его субъектного состава*, представленного участниками анализируемых отношений³.

Отмечая потенциальную вариативность субъектов различных относительных и абсолютных правоотношений, возникающих на основании правовых норм различной отраслевой принадлежности, выразим наше полное согласие с точкой зрения Е.Б. Лупарева, М.Б. Добробабы и Т.В. Мокиной, кон-

¹ См.: Теория государства и права. Теория права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Ч. 2. С. 244–245.

² См.: Белов В.Е., Соменков С.А. Гражданское право: общие положения о договорах: учебное пособие. М., 2017. С. 15.

³ См.: Халфина Р.О. Указ. раб. С. 114–128.

статировавших обязательность участия в публично-правовых отношениях субъекта, обладающего в числе прочих признаков публично-правовой правосубъектностью, публично-правовым статусом и компетенцией, а также полномочиями властного характера¹. Применительно к целям проводимого исследования это обстоятельство предстает важной закономерностью функционирования механизма правового регулирования: для исчерпывающего объема обладающих высокой социальной значимостью публично-правовых отношений, урегулированных с абсолютным превалированием императивного метода правового регулирования и возникающих по поводу реализации полномочий органов государственной и муниципальной власти, субъектный состав, как минимум, с одной стороны, всегда формально определен и *в качестве такого обязательного субъекта выступает компетентный орган власти или должностное лицо*. Например, по уголовным делам публичного обвинения (ч. 5 ст. 20 УПК РФ) обязательным участником досудебных стадий уголовного процесса должно быть должностное лицо или группа лиц, уполномоченных на осуществление предварительного расследования — дознаватель (ч. 3 ст. 41 УПК РФ), следователь (ч. 2 ст. 38 УПК РФ), группа дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ), следственная группа (ст. 163 УПК РФ), принявшие дело к производству и лично осуществляющие предварительное расследование начальник органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ) или руководитель следственного органа (ч. 2 ст. 39 УПК РФ), либо лица, уполномоченные на возбуждение уголовного дела и выполнение неотложных следственных действий в силу предписаний пп. 1–3 ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Отношения в области регионального правотворчества, вне зависимости от того, кто явился инициатором законодательной инициативы, безальтернативно требуют участия законодательного (представительного) органа субъекта РФ как высшего и единственного регионального законодательного органа власти (п. 1 ст. 4 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах ор-

¹ См.: Добробаба М.Б., Лунарев Е.Б., Мокина Т.В. Общая теория публичных правоотношений. М., 2011. С. 95–96.

ганизации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 4 июля 2018 г.)¹). Так как правосудие в силу ч. 1 ст. 118 Конституции РФ осуществляется только судом, в соответствующих правоотношениях обязательно участие мирового судьи или суда судебной системы, к подсудности которого действующим законодательством отнесено рассмотрение конкретного дела по существу.

С опорой на изложенные положения считаем возможным обосновать умозаключение о том, что в моделируемой, а также в реальной ситуации, характеризующейся отсутствием властного субъекта, выступающего обязательным участником отношений, само правоотношение, основанное на императивных нормах публичного права, не может возникнуть, нормально развиваться и достичь конечного, юридически значимого результата. Например, до настоящего момента не представляется возможным реализация правоотношений по пересмотру гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ в порядке, предусмотренном ст. 135, вследствие неопределенности правового статуса, круга полномочий, порядка образования и функционирования такого органа власти, как Конституционное Собрание. В качестве другого наглядного примера предстает имевшая место на протяжении длительного времени проблема невозможности существования правоотношений по поводу исполнения уголовного наказания в виде ареста, явившаяся прямым последствием отсутствия в системах органов юстиции и ФСИН РФ таких исправительных учреждений, как арестные дома. Аналогичным образом — путем осуществления формально-юридического анализа действующего законодательства — представляется возможным выявить обязательных субъектов иных правоотношений, регламентированных императивными нормами отраслей публичного права, в том числе налоговых, бюджетных, градостроительных, природоохранных.

Специфика субъектного состава правоотношений в области частного права в числе прочих причин во многом производна от того, что последние

¹ См.: СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2018. № 24. Ст. 3414.

находят регламентацию с применением комплекса методов правового регулирования, в котором императивный метод, хотя и играет важную роль, но не исчерпывает способов структурирования правовой материи и воздействия властным субъектом на гражданский оборот, дополняя диспозитивный метод, задавая допустимые пределы его возможного использования. Тем не менее, такой субъектный состав также имеет некоторые сходства с уже рассмотренными нами особенностями публичных правовых отношений. В частности, предусмотренные п. 27 ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹ полномочия нотариусов на совершение таких нотариальных действий, как выдача свидетельств о праве на наследство, позволяют оценить в качестве обязательного участника урегулированных нормами ГК РФ наследственных правоотношений лицо, наделенное в установленном законодательством порядке полномочиями нотариуса. Вместе с тем превалирование диспозитивного метода правового регулирования и построение гражданского законодательства на основе принципов равенства участников гражданских отношений, свободы договора и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, закономерно сказываются на субъектном составе. Этим объясняется обязательность участия субъектов, наделенных специальными статусами и полномочиями, не во всех без исключения, а только в некоторых правоотношениях, по своему характеру требующих участия таких субъектов в целях обеспечения публичных или законных частных интересов.

При естественности для всего многообразия публичных правоотношений асимметричности правовых статусов их участников в той или иной степени, которая в отдельных отношениях может и отсутствовать (например, при взаимодействии не состоящих в отношениях субординации сотрудников аппаратов нескольких районных (городских) судов по поводу обобщения судебной практики). Равенство субъектов частных имущественных и неимущественных отношений в механизме правового регулирования при более по-

¹ См.: Российская газета. 1993. 13 марта; 2018. 5 мая.

дробном изучении также имеет некоторые существенные исключения. Формально-юридический анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что такие субъекты различных гражданских правоотношений, урегулированных в том числе с применением императивного метода правового регулирования, как государственные и муниципальные унитарные предприятия (п.1 ст. 49 ГК РФ, п. 1 ст. 3 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (в ред. от 29 декабря 2017 г.)¹), кредитные организации (ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 23 мая 2018 г.)²), аудиторские организации (ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (в ред. от 23 апреля 2018 г.)³), а также некоторые другие юридические лица обладают в силу императивных предписаний закона *специальной правоспособностью*, исключающей либо возможность таких организаций быть участниками некоторых, прямо запрещенных правоотношений, либо участвовать во всех возможных правоотношениях, кроме тех, которые прямо предусмотрены в качестве разрешенных уставными документами и регламентирующими деятельность таких организаций нормативными актами. В механизме правового регулирования такой подход законодателя к правовой регламентации несколько ограничивает и специализирует субъектный состав участников гражданских правоотношений.

Помимо этого, обращая внимание на правила ст. 426 ГК РФ, обязывающие индивидуальных предпринимателей и организации, осуществляющих предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, заключать соответствующий договор со всяким, кто к ним обратится, выделим круг субъектов, находящихся в качественно ином положении: в роли не продавца, а приобретателя товара, заказчика работы или услуги они обязаны инициировать возникновение отношений поставки товаров, подряда на вы-

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 54.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; 2018. № 22. Ст. 3043.

³ См.: СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 15; 2018. № 18. Ст. 2582.

полнение работ или услуг. Этот важный аспект также связан со специфическим положением властных субъектов. В условиях, когда на основании предписания ч. 1 ст. 124 ГК РФ Российская Федерация, субъекты России и органы местного самоуправления вступают в гражданские отношения на равных началах с гражданами и организациями, примечательным является то обстоятельство, что волеизъявление компетентных должностных лиц этих публично-правовых образований на вступление в соответствующие имущественные правоотношения по поводу поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг для государственных и муниципальных нужд производно не от свободного субъективного усмотрения, а обусловлено безальтернативной служебной обязательностью. Такие субъекты должны вступать в гражданские правоотношения, так как именно этим путем реализуются их управленческие функции, а также обеспечивается необходимое материально-техническое снабжение публично-правового образования для его нормальной работы.

Завершает элементный состав правоотношения его *объект*, или *предмет*, который образован материальными и нематериальными благами, а также поведением участников правоотношения. Соглашаясь с точкой зрения О.С. Иоффе по поводу невозможности существования безобъектных правоотношений¹, выразим мнение о том, что в механизме правового регулирования специфика объекта отношений, урегулированных императивными нормами публичного права, весьма показательна. Безусловно, предметом таких правоотношений могут выступать вещи, разрешенные к гражданскому обороту, а также неимущественные блага, находящие широкую правовую регламентацию с применением диспозитивных норм права. Однако *предмет анализируемых отношений отличает и выделяет именно то, что они в силу своего характера по объективным причинам не могут быть регламентированы неимперативными правовыми предписаниями.*

¹ См.: Основы советского права: учебное пособие / под общ. ред. О.С. Иоффе. 2-е изд., перераб. и доп. Мн., 1970. С. 68.

Исключительным предметом анализируемых правоотношений являются действия и решения компетентных субъектов по поводу реализации всего многообразия важнейших государственно-властных полномочий, отнесенных конституционными нормами к исключительному ведению России, совместному ведению России и субъектов федерации, а также к региональному ведению и к компетенции органов местного самоуправления. В частности, предметом только таких отношений может являться осуществление правосудия (п. 1 ст. 118 Конституции РФ) (здесь также уместно сослаться на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в п. 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П, в соответствии с которой судебное решение не может выступать ни объектом чьих-либо гражданских прав, ни предметом какого-либо гражданско-правового договора), действия, направленные на лишение или ограничение личных (пп. «з», «л», «м» ст. 44, ст. 53, 56 УК РФ, п. 6 ч. 1 ст. 3.2, ст. 3.9 КоАП РФ), экономических (п. 9 ч.1 ст. 3.2, ст. 3.12 КоАП РФ), трудовых (пп. «б», «г», «з», «з.1» ст. 44, ст. 47, 49, 50, 53.1 УК РФ, п. 8 ч. 1 ст. 3.2, ст. 3.11 КоАП РФ) и иных прав лица, осужденного за совершение уголовного преступления или привлеченного к административной ответственности, охрана правопорядка, осуществляемая с возможностью законного применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники (ст. 18–23 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г.)¹, ст. 18–24 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 7 марта 2018)², ч. 3 ст. 17 Федерального Конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 3 июля 2016 г.)³), закупки изъятых из свободного гражданского оборота вооружений, военной и специальной техники, продукции производственно-технического назначения и имущества в целях обеспечения государственной программы вооруже-

¹ См.: СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4159; 2017. № 50 (ч. 3). Ст. 7562.

² См.: СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2018. № 11. Ст. 1591.

³ См.: СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4153.

ния в рамках государственного оборонного заказа (п. 66 ст. 1 Федерального закона от 4 ноября 2005 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О федеральном бюджете на 2005 год”»¹).

С использованием изложенных положений представляется возможным сделать ряд выводов.

1. Для механизма правового регулирования и всей правовой жизни российского общества аксиологическое значение правоотношений, производных от императивных норм права или урегулированных с их применением, определяется ценностью самого публичного права. Эти отношения (полностью либо частично, рамочно), регламентированные законодателем с использованием императивного способа правового регулирования, носят всеобъемлющий характер и являют собой любую форму правовой активности субъектов национального, международного частного и публичного права.

2. При очевидном количественном превалировании императивных норм в позитивном праве России современные социально-правовые реалии таковы, что в условиях развития институтов рыночной экономики сфера имущественных правоотношений, в регламентации которых ключевая роль отведена диспозитивному методу правового регулирования, чрезвычайно широка, имеет большое значение и занимает важное место в общем объеме экономической жизнедеятельности нашего общества и государства. Так как любой дееспособный гражданин, а также всякое учрежденное юридическое лицо в пределах его правоспособности наделены неотъемлемыми полномочиями инициировать имущественные правоотношения, а также участвовать в них, можно утверждать, что существенно рознящиеся по юридической природе и по ряду качественных характеристик отношения в области публичного и частного права в механизме правового регулирования вполне сопоставимы как по значимости для правовой жизни общества, так и по количественным проявлениям в объективной правовой действительности.

¹ См.: СЗ РФ. 2005. № 45. Ст. 4589.

3. Если диспозитивный метод правового регулирования может при наличии соответствующих потребностей ограниченно применяться законодателем в отдельных правоотношениях, возникающих на основании норм публичного права, то имущественные правоотношения, урегулированные нормами частного права, всегда регламентированы специальными или общими императивными нормами. С учетом правил общих норм и норм-принципов ч. 1 ГК РФ представляется возможным утверждать об имманентности гражданско-правовым отношениям определенной степени императивно-правовой регламентации, а также о невозможности существования гражданско-правовых отношений, исчерпывающе регламентированных исключительно диспозитивными нормами права. Помимо этого, обращаясь к выявленным в ходе исследования значению и функциональной нагрузке императивных норм права в механизме правового регулирования, представляется возможным также сделать умозаключение о том, что правоотношения, возникающие на основе рекомендательных и поощрительных правовых предписаний также всегда урегулированы императивными нормами. Последние называются как на предмете (например, исключая возможность рекомендации или поощрения неправомерного поведения), так и на содержании таких правоотношений (в частности, исключая возможность отказа от права на судебную защиту или ограничения правосубъектности, а также определяя рамки возможных прав и обязанностей участников таких отношений).

4. Выявленную в ходе исследования асимметричность содержания правоотношений, урегулированных императивными нормами права, выражающуюся в различных правовых положениях участников таких отношений, представляется возможным оценить в качестве закрепленного в правилах ч. 3 ст. 55 Конституции РФ исключения из исходных предписаний ч. 1–3 ст. 19 Конституции России, которые предстают соответствующими правилам ч. 3 ст. 56 Основного Закона. Важно подчеркнуть отчетливо наметившуюся, выраженную в принятии Кодекса административного судопроизводства РФ позитивную тенденцию повышения внимания законодателя к обеспечению

предметного правового регулирования процедурных аспектов рассмотрения дел, связанных с оспариванием правомерности действий и бездействий органов власти или их должностных лиц, обеспечения качественного судебного контроля за законностью реализации государственно-властных полномочий, исключения ситуаций правовой незащищенности личности.

5. Отмеченная обязательность участия определенных, наделенных властными полномочиями субъектов в конкретном правоотношении условна: с одной стороны, нормальная реализация конкретного правоотношения на практике может требовать участия не одного, а нескольких подобных специальных субъектов. Вместе с тем безальтернативность их участия, особенно в правоотношениях, урегулированных императивными нормами частного права, в современных правовых реалиях может быть устранена путем использования механизма судебной защиты прав, свобод и законных интересов.

3.2. Императивные нормы и обход закона

Генезис противодействия такой форме сознательного, целенаправленного и недобросовестного поведения субъекта правоотношения, как обход закона, характеризуется значительной продолжительностью существования, так как восходит к римскому праву.

Само деяние, направленное на обход закона, выделялось в терминологическом аппарате источников права Древнего Рима¹. Для установления признаков данного деяния в поведении лица, помимо ряда специальных предписаний, описывающих соответствующие казуальные ситуации (например, совершение через третье лицо сделки, запрещенной к совершению от своего имени по причине обладания определенным специальным статусом (стату-

¹ См.: *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения) / пер. с чешск. М., 1989. С. 30.

сом опекуна¹, статусом декуриона², статусом лица, состоящего в браке³), были значимы общие суждения Юлия Павла о том, что «поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл»⁴ и идеи Домиция Ульпиана: «Обход же закона бывает тогда, когда закон, хотя и не желает, чтобы что-либо было совершено, однако не запрещает совершенно это и это совершается; и как отличается сказанное от задуманного, так различаются обход закона с тем, что совершено против закона»⁵. Из ряда положений Дигест следует, что лицо, права и интересы которого нарушились вследствие совершения действий в обход закона, могло восстановить свое правовое положение путем судебного разбирательства по иску о злом умысле. По этому поводу юрист Юлий Павел указал: «... (этот иск дается) не для того, чтобы решением судьи вещь возвращалась в первоначальное положение, но чтобы истец добился (только) того, относительно чего ему нужно будет, чтобы это не было сделано, дабы закон не обходился иным способом соблюдающими его»⁶. Сам же злой умысел по определению, данному Марком Антистином Лабеоном, трактовался как «лукавство, обман, хитрость, совершенные для того, чтобы обойти, обмануть, опутать другого»⁷.

В отличие от некоторых зарубежных государств, в процессе рецепции заимствовавших и применявших запрет на обход закона на протяжении длительного времени, аналогичный отечественный опыт институционального развития механизма правового регулирования предстает не столь богатым,

¹ См.: Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. ред.: Е.А. Скрипилев; редколл.: В.М. Корецкий, В.С. Нерсесянц, Е.А. Скрипилев (отв. ред.), Е.М. Штаерман. С. 424.

² См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2005. Т. VII. Полумом 2. С. 415.

³ См.: Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. ред.: Скрипилев Е.А.; редколл.: В.М. Корецкий, В.С. Нерсесянц, Е.А. Скрипилев (отв. ред.), Е.М. Штаерман. М., 1984. С. 387.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 113.

⁶ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М., 2008. С. 445.

⁷ См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 1. С. 433.

поскольку берет свое начало лишь в первой половине XX в. Анализ научной и учебной литературы позволяет утверждать, что российские правоведы, констатируя отсутствие запрета на обход закона в праве Российской Империи¹, выражают солидарное мнение о том, что впервые соответствующее предписание в отечественном национальном законодательстве было закреплено в ст. 30 ГК РСФСР 1922 г.², диспозиция которой содержала следующее правило: «Недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства»³. Следует подчеркнуть, что формально-юридический анализ нормативных правовых актов РСФСР данного периода выявил существование еще одного запрещающего обход закона предписания, которое выражено в специальной охранительной норме — ст. 63 УК РСФСР 1926 г., в диспозиции которой в числе прочего было криминализировано «... искусственное уменьшение стоимости имущества в целях обхода законов о наследовании и дарении, а также закона о налоге с наследств и имуществ, переходящих по актам дарения»⁴.

Первый опыт законодателя по развитию механизма правового регулирования в форме установления в частном праве приведенного общего запрета получил множество преимущественно критических оценок в советской научной и учебной литературе. Например, если П.И. Стучка обращал внимание на недостаточную ясность дефиниции «обход закона», нуждавшуюся в восполнении судебной практикой⁵, то Р.О. Халфина в более позднем исследовании аргументирует точку зрения о нецелесообразности в будущем законодательстве выделения сделок, совершенных в обход закона, и сделок, совершенных

¹ См.: *Никитина М.А.* К вопросу об историческом становлении и развитии категории «обход закона» в российском гражданском праве // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 66.

² См.: *Волков А.В.* Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 1. С. 69.

³ См.: *Гражданский кодекс РСФСР.* М., 1952. С. 14.

⁴ См.: *Уголовный кодекс РСФСР.* М., 1950. С. 56.

⁵ См.: *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. Т. 2: Общая часть гражданского права. М., 1929. С. 245.

с целью, противной закону¹. Примечательна также позиция Н.В. Рабинович, которая обращает внимание на формальную неопределенность понятия «обход закона», влекущую трудность разграничения различных противозаконных сделок² и обуславливающую разрозненность правоприменительной практики³. При этом Н.В. Рабинович отстаивает позицию о продуктивности закрепления в законе такого правового последствия, как недействительность всякой не соответствующей закону сделки, без дифференциации таких сделок на разновидности, и отмечает, что в советской доктрине «за сохранение особой категории обходных сделок высказываются лишь в виде исключения»⁴.

Осмысление направлений дальнейшего развития механизма правового регулирования свидетельствует об отсутствии преемственности и последовательности в регламентации института противодействия обходу закона, так как в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. не была предусмотрена соответствующая общая запрещающая норма и такой же подход к регламентации оснований для признания сделки недействительной был реализован в изначальной редакции ГК РФ. Таким образом, последующий, длительный, почти полувековой период, охватывающий временной интервал с 1 октября 1964 г. до 1 марта 2013 г., был связан с исключением из механизма правового регулирования института противодействия обходу закона, хотя некоторые правоведы, например А.В. Волков⁵, усматривают фрагментарное выражение данного института в предусмотренном ст. 170 ГК РФ запрете на совершение притворных сделок.

Реинтеграция данного института в механизм государственно-правового регулирования произошла с внесением в ст. 10 ГК РФ изменений Федераль-

¹ См.: *Халфина Р.О.* Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / отв. ред. В.Н. Можейко. М., 1954. С. 188.

² См.: *Рабинович Н.В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 22–23.

³ См.: Там же. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Волков В.А.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М., 2009. С. 214–215.

ным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 4 марта 2013 г.)¹, по результатам которых п. 1 ст. 10 ГК РФ были изложены в следующей редакции: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).».

Формально-юридический анализ данного нормативного предписания свидетельствует о том, что его диспозиция носит простой характер. В сочетании с отсутствием как специальной нормы-дефиниции, раскрывающей логический объем понятия «действие в обход закона с противоправной целью», так и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, указывающих на признаки соответствующего деяния, понятие «обход закона» в рассматриваемой общей норме ГК РФ предстает оценочным, что закономерно влечет широту судебного усмотрения, а также дискреционную широту усмотрения органов (должностных лиц), наделенных контрольно-надзорными полномочиями, по установлению в конкретном деянии данной формы злоупотребления правом.

С.И. Вильнянский указывает, что оценочные понятия «... не подменяют закона и не устраниают его применения»², а «... дают суду возможность свободной оценки фактов и учета индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона»³. Выражая мнение о том, что признаки и функции оценочных понятий важны для теории правовых норм и представляют потенциальную высокую ценность для механизма правового регулирования, также констатируем, что в описанных условиях имеющаяся правовая регламентация одного из ключевых понятий института противодействия злоупотреблению правом приводит к отмеченной

¹ См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627; 2013. № 9. Ст. 873.

² См.: *Вильнянский С.И.* Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 7. Харьков, 1956. С. 13.

³ См.: Там же.

учеными неопределенности его смыслового значения¹. Здесь представляется возможным констатировать как неясность признаков действий в обход закона, закономерно затрудняющую выявление и правильную квалификацию правоприменителем этой формы злоупотребления правом, так и отсутствие указаний на пределы действия запрещающего предписания п. 1 ст. 10 ГК РФ, что при буквальном толковании запрета на обход закона влечет вероятность препятствий в охране предписаний норм всего множества подзаконных нормативных актов, регулирующих гражданские правоотношения, от анализируемых недобросовестных действий.

Указанные технико-юридические особенности явно не отвечают императивному характеру самой запрещающей нормы, закрепленной в п. 1 ст. 10 ГК РФ, неотъемлемым признаком диспозиции которой, по обоснованному мнению О.Э. Лейста, должна являться абсолютная формальная определенность².

Рассматриваемый подход законодателя к запрещению действий в обход закона в механизме правового регулирования, по нашему мнению, также не в полной мере соответствует общеправовым концептуальным началам, что явно следует из сопоставления анализируемого предписания с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в п. 2 Постановления от 4 июня 2015 г. № 13-П³ и в п. 9 Постановления от 5 февраля 2007 г. № 2-П. В соответствии с приведенными позициями «определенность и конкретность предписаний закона, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности предполагаются в числе прочего общеправовым принци-

¹ См.: Подшивалов Т.П., Ряполова О.А. Проблема определенности понятия «обход закона» в российском законодательстве и судебной практике // Законодательство. 2013. № 12. С. 37–43.

² См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 70.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина» // Российская газета. 2015. 16 июня.

пом правовой определенности ...»¹, а сам названный принцип права также предполагает «... стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений.»². В рассматриваемом нормативном предписании усматриваются признаки некоторых коррупциогенных факторов, описанных в подп. «а» п. 3 (широта дискреционных полномочий), а также в подп. «в» п. 4 (юридико-лингвистическая неопределенность) методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов³.

Приведенная проблематика законодательного регулирования актуализирует обращение к научной и учебной литературе в целях установления логического объема рассматриваемого понятия и осмысления его взаимоотношений с императивными нормами права, однако и здесь представляется возможным констатировать определенные трудности, связанные с недостаточной изученностью данного понятия, в особенности на диссертационном и монографическом уровнях.

При важности положений и выводов работ А.И. Муранова⁴ и Е.Д. Суворова⁵ для развития знаний об обходе закона до настоящего момента единообразной смысловой трактовки данной формы злоупотребления правом выработано не было⁶, а имеющиеся подходы к пониманию сущности действий в обход закона достаточно широко дифференцированы (А.В. Волков выделил 10 таких подходов⁷), и в отдельных аспектах деактуализовались вследствие производности соответствующих теоретических положений от предписания ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. Современную же динамику научно-

¹ См.: Российская газета. 2015. 16 июня.

² См.: Российская газета. 2007. 14 февр.

³ См.: СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

⁴ См.: *Муранов А.И.* Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

⁵ См.: *Суворов Е.Д.* Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М., 2008; *Его же.* Проблемы правовой квалификации сделок и иных действий, совершенных в обход закона: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

⁶ См.: *Муранов А.И.* Указ. раб. С. 53.

⁷ См.: *Волков А.В.* Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 1. С. 70–74.

исследовательской активности правоведов по поводу осмысления сущности и признаков действий, образующих соответствующий вид недобросовестного поведения, не представляется возможным оценить высоко. Фундаментальные исследования конструкции обхода закона в области теории государства и права отсутствуют, а значительный объем имеющихся отраслевых и прикладных изысканий правоведов связан с обоснованием или с опровержением целесообразности самого существования запрета на обход закона в отечественном механизме правового регулирования.

Обширная полемика по вопросу о целесообразности существования анализируемого запрета в законодательстве вплоть до настоящего момента не сняла вопрос формальной определенности ключевого понятия — «действия в обход закона с противоправной целью», но представляет как теоретическую, так и прикладную значимость в контексте выделения достоинств и недостатков данного запрещающего предписания, а также поиска направлений развития диспозиции п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Осмысление отдельных положений приведенной доктринальной полемики, сопоставление взглядов правоведов, выраженных в иных работах, а также формально-юридический анализ норм ГК РФ и правоприменительной практики позволяют сделать умозаключения о ряде признаков, присущих действиям в обход закона.

Во-первых, действия в обход закона надлежит рассматривать в качестве одной из разновидностей злоупотребления правом. Это обстоятельство с учетом общности признаков родового и видового понятия, обусловленного необходимой логической взаимосвязью, позволяет рассматривать *недобросовестность* не только «...сущностным признаком злоупотребления правом...»¹, но и устойчивым, необходимым атрибутом действий в обход закона.

Обращая внимание на сложность фундаментального принципа гражданского права — добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ), выразим согласие с умозаключениями Л.В. Пашац-

¹ Крусс В.И. Злоупотребление правом: учебное пособие. М., 2010. С. 34.

кой о том, что критерии для проверки, оценки и установления добросовестности действий сторон в каждом конкретном обязательстве будут различаться¹. Такая же дифференциация закономерно свойственна и признакам недобросовестного поведения, хотя следует согласиться с общим суждением А.В. Волкова о том, что суть такого поведения образует «...создание видимости законности...»². Применительно к рассматриваемым действиям в обход закона признак недобросовестности проявляется в том, что юридически значимое поведение лица направлено на достижение определенной цели путем использования предусмотренных законодательством правовых конструкций не в соответствии с их назначением, а лишь для преодоления действующих правил и процедур установленного порядка достижения такой цели, а также обеспечения латентности неправомерного характера совершенных действий.

Во-вторых, всякому злоупотреблению правом присущ признак *противоправности*. Это объясняется тем, что данная форма поведения служит причиной нарушения прав, свобод или законных интересов участников частноправовых отношений. Вместе с тем надлежит согласиться с Е.А. Цикуновым в том, что данным, родовым по отношению к исследуемому, понятием не обозначаются деяния, являющиеся гражданскими правонарушениями, так как формы злоупотребления правом не обладают образующим состав деликта признаком наказуемости³. По этому поводу Е.Е. Богданова обосновала умозаключение о том, что разновидности заведомо недобросовестного поведения в случаях, предусмотренных действующим законодательством, служат лишь основанием для защиты и восстановления нарушенного субъективного

¹ См.: Пашацкая Л.В. Принципы добросовестности и свободы договора в договоре розничной купли-продажи: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 84.

² См.: Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). М., 2010. С. 133.

³ См.: Цикунов Е.А. Злоупотребление правом в сфере налогов и сборов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

гражданского права, но не влекут за собой наступления гражданско-правовой ответственности для совершившего противоправное деяние¹.

С учетом предписаний пп. 2, 3 ст. 10, пп. 1, 2 ст. 168 ГК РФ, а также принимая во внимания разъяснения, данные в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»², представляется возможным утверждать, что действиям в обход закона присущ признак родового понятия — *противоправность*, так как преодоление правового предписания, подлежащего применению при правомерном поведении, влечет нарушение тех прав, свобод и законных интересов других участников гражданского оборота, которые обеспечиваются обходимым предписанием. Вместе с тем рассматриваемой форме злоупотребления правом не свойствен признак *наказуемости*, так как обход закона в силу приведенных выше нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ влечет возможность применения судом мер защиты: а) применение к сделке норм гражданского законодательства, в обход которых она была совершена; б) признание сделки недействительной; в) полный или частичный отказ в защите права), но не является основанием для привлечения недобросовестного субъекта к гражданско-правовой ответственности.

В-третьих, из положений п. 1 ст. 10 ГК РФ следует, что анализируемой форме заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав неотъемлемо присущ признак *целенаправленности*. Это обстоятельство закономерно адресует суду необходимые для правильного рассмотрения дела требования: установить не только цель правонарушителя, но и противоправный характер данной цели для мотивированной оценки определенных действий в качестве совершенных в обход закона. Е.Д. Суворов высказывает мнение о том, что соответствующая цель образована тем конечным юридически зна-

¹ См.: Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 11.

² См.: Российская газета. 2015. 30 июня.

чимым результатом, к которому стремится лицо¹. Соответственно противоправность этой цели детерминирована тем, что ее достижение связано с применением иного, помимо установленного, порядка реализации субъективного права, что влечет за собой ущемление прав, свобод и законных интересов других лиц.

Специфика приведенных отличительных признаков действий в обход закона во многом условна и связана с допущениями, так как рассмотренные атрибуты формально не определены действующим законодательством и для целей исследования локализованы и описаны по результатам осмысления имеющихся знаний о сущности данного деяния, фрагментарных и по ряду ключевых аспектов носящих дискуссионный характер. Действия законодателя по изменению диспозиции п. 1 ст. 10 ГК РФ с простой на описательную и закрепление таким путем дефиниции «обход закона» в специфичной трактовке, отвечающей целям должного регулирования и охраны гражданских правоотношений, закономерно может повлечь как частичную, так и полную утрату актуальности приведенных положений. Вместе с тем в настоящий момент, руководствуясь данными признаками, с некоторыми условностями можно разграничить действия в обход закона как с иными видами злоупотребления правом и прочими противоправными деяниями в области частного права, в особенности — с мнимыми и притворными сделками, так и различными правомерными действиями, направленными на реализацию свободы договора граждан, организаций и публично-правовых образований. С опорой на рассмотренные положения представляется возможным рассмотреть характер взаимосвязей императивных норм права и запрета на обход закона.

Прежде всего, отметим, что концепция законодательного преобразования в значимой для проводимого исследования части, затрагивающей внедрение запрета на обход закона в отечественное гражданское законодательство, рассматривает эту форму недобросовестного осуществления граждан-

¹ См.: Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М., 2008. С. 162.

ских прав ориентированной именно на преодоление предписаний императивных правовых норм¹.

Аналогичный подход к пониманию целевого назначения института обхода закона в механизме правового регулирования прослеживается в доктринальных взглядах правоведов. Например, В.Л. Вольфсон констатирует, что конструкция противодействия обходу закона предназначена для запрета преодоления предписаний императивных норм права, а также утверждает, что «обход диспозитивной нормы — это тавтология»². При этом ученый отстаивает позицию категорического неприятия данной конструкции и считает, что поведение субъекта, реализующего императивную норму, исключает возможность обхода закона, так как, по его мнению, может выражаться либо в правомерных действиях, либо в правонарушении³.

А.В. Волков, соглашаясь с разъяснениями Высшего Арбитражного Суда РФ о признаках императивной нормы права, выражает мнение, согласно которому сама сущность императивных норм послужила причиной возникновения обхода закона как самой сложной формы злоупотребления правом. Ученый рассматривает обход закона в качестве деяния, выраженного в применении формально правомерных юридических конструкций во избежание запретов или иных нормативных предписаний именно императивных норм права⁴.

О.А. Ряполова, соглашаясь с некоторыми идеями А.В. Егорова о правовых последствиях действий в обход закона, предлагает некоторые уточнения, указывая, что признание совершенной сделки недействительной является следствием обхода любых императивных норм права, а не только императив-

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М., 2009. С. 32.

² Вольфсон В.Л. Язык догмы: обход невозможен // Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 8.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Волков А.В. Злоупотребление императивными нормами энергетического права // Международный журнал «Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда». 2016. № (68). С. 62–63.

ных норм-запретов¹. Сравнивая институт противодействия обходу закона в гражданском праве России и в международном частном праве, О.А. Ряполова приходит к заключению о том, что «...характеристики этого явления в международных частных правоотношениях те же самые: фактическое соблюдение одной нормы во избежание действия другой, но императивной»².

Вызывает интерес отличающаяся детализацией позиция Т.С. Яценко: осуществив в ходе исследования формально-юридический анализ правил п. 1 ст. 10 ГК РФ, ученая пришла к умозаключению о том, что данная норма в числе прочего направлена на противодействие обходу установленных в действующем законодательстве императивных запрещающих предписаний³. По ее мнению, «...обход закона, как правило, совершается потому, что субъективное право у лица отсутствует и оно намеревается приобрести данное право вопреки установленному императивной нормой запрету»⁴.

Более детально обход закона с противоправной целью участником гражданско-правовых отношений характеризует О.Г. Лазаренкова, указывая, что данная форма злоупотребления правом преследует цель преодоления специальной запрещающей императивной нормы права⁵.

Анализ научной и учебной литературы свидетельствует о наличии ряда иных доктринальных позиций правоведов, в которых обход закона рассматривается в качестве формы противоправного поведения, направленного на преодоление предписаний именно императивных норм гражданского права⁶.

¹ См.: *Ряполова О.А.* О правовых последствиях квалификации действий субъектов гражданских прав как обхода закона // *Современное право.* 2014. № 4. С. 124.

² *Ряполова О.А.* Обход закона в российском гражданском законодательстве // *Актуальные проблемы гражданского права: сборник научных трудов.* Вып. 3. Минск, 2014. С. 167.

³ См.: *Яценко Т.С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 265.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ См.: *Лазаренкова О.Г.* Злоупотребление корпоративными правами: некоторые теоретические и практические аспекты // *Гражданское право.* 2016. № 1. С. 27.

⁶ См.: *Захарова О.Е.* «Обход закона», мнимые и притворные сделки: взаимосвязь и отличительные особенности // *Вестник экономики, права и социологии.* 2017. № 4. С. 165; *Дидык Ю.Д.* Злоупотребление императивными нормами гражданского права // *Юрист.* 2016. № 22. С. 4–5.

С опорой на данные позиции как на предпосылки представлялось бы возможным сделать умозаключение о характере взаимодействия исследуемого запрета и вида правовых норм, дав трактовку институту противодействия обходу закона в механизме государственно-правового регулирования как способу охраны и защиты гражданских правоотношений от недобросовестного поведения, выражающегося в преодолении предписаний императивных норм права.

В подтверждение данного умозаключения представляется возможным привести авторские суждения об отсутствии как предпосылок для обхода предписаний рекомендательных норм права (в связи с тем, что выраженные в их диспозициях правила поведения не обязательны для субъекта правоотношений), так и реальной возможности квалификации конкретных действий в качестве данной формы злоупотребления правом по причине того, что в обходе рекомендательных норм гражданского права нами не усматривается необходимый признак противоправности.

Обход поощрительных норм гражданского права на практике также видится нами неосуществимым ввиду отсутствия у таких норм признака общеобязательности. Реализация стремления недобросовестного лица к получению образующих поощрение прав, преимуществ и благ без соблюдения моделей поведения и условий, предусмотренных поощрительной нормой, по нашему мнению, связана с совершением деяний, обладающих, помимо признака противоправности, также и признаком наказуемости.

Следует отметить, что не все существующие в механизме правового регулирования виды диспозитивных норм ГК РФ предполагают широту свободы участников гражданских правоотношений в определении их прав, обязанностей и ответственности в пределах заключаемого ими соглашения. Так, И.С. Лапшин в числе прочих разновидностей выделяет диспозитивные нормы, выполняющие восполнительную функцию¹, отличительные особенности которых усматриваются ученым в том, что для лиц, реализующих такую

¹ См.: *Лапшин И.С.* Диспозитивные нормы права. Н. Новгород, 2002. С. 78.

норму и не определивших по общему соглашению содержание соответствующего правоотношения в пределах, дозволенных такой нормой, действует предусмотренное этой же нормой специальное правило, в котором выражены модели поведения, обязательные для участников правоотношения¹ (например, п. 2 ст. 661, п. 2 ст. 722, п. 2 ст. 753 ГК РФ). Применение к конкретному гражданскому правоотношению такого правила диспозитивной нормы, как и регламентация правоотношения императивным предписанием, служит юридическим препятствием для достижения неправомерных целей недобросовестного участника в получении каких-либо преимуществ или благ. Изложенные положения позволяют обосновать допущения как о гипотетической возможности, так и о практической реализуемости обхода диспозитивного восполнительного предписания недобросовестным лицом, не пришедшим с другой стороной к соглашению о благоприятном для себя условии соглашения. Помимо этого, считаем необходимым выразить мнение о том, что обход императивной нормы ГК РФ и исключение конкретного отношения из области должной правовой регламентации может стать логической предпосылкой обхода и других, как императивных, так и диспозитивных норм, подлежащих применению для регулирования конкретного обязательства.

Высказанные допущения дают основания полагать, что запрет на обход закона как превентивный и правозащитный механизм не направлен на обеспечение соблюдения участниками гражданских правоотношений исключительно императивных норм ГК РФ. Вместе с тем условность и ограниченная пригодность высказанных идей к верификации обусловлены именно дефинитивной неясностью сущности запрета на обход закона, в связи с чем сформулированные положения могут как подтвердиться, так и деактуализоваться в перспективе дальнейшего совершенствования законодателем диспозиции п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Также укажем, что системный анализ норм ГК РФ и доктринальных взглядов правоведов показывает общую комплексность проблемы противо-

¹ См.: *Латишин И.С.* Диспозитивные нормы права. Н. Новгород, 2002.

действия обходу закона, ее производность от ряда правовых норм. Например, А.А. Уралова, разделяя точку зрения М.И. Брагинского, указывает, что положения ч. 3 ст. 421 ГК РФ потенциально несут схожую с действиями в обход закона угрозу, позволяя участникам гражданского оборота посредством конструкции смешанного (непоименованного) договора по взаимному согласию не применять к их правоотношению императивные предписания гражданского законодательства¹.

Обобщая изложенное, представляется возможным сделать ряд выводов.

1. При относительной разработанности теоретических знаний об обходе закона в международном частном праве сущность соответствующих противоправных действий в национальном гражданском законодательстве формально не определена, а выработанные правоведомы положения, раскрывающие логический объем понятия «обход закона», лапидарны, разрозненны, характеризуются фрагментарностью и дискуссионностью.

2. Действия в обход закона с противоправной целью, запрещенные предписанием п. 1 ст. 10 ГК РФ, по нашему мнению, представляется возможным трактовать в качестве поведения участника гражданских правоотношений, выражающегося в такой недобросовестной реализации свободы договора, которая направлена на достижение юридически значимого результата не способом, прямо предусмотренным законодательством, а путем нецелевого использования других юридических конструкций, что ведет к нарушению прав, свобод или законных интересов иных субъектов права, но позволяет недобросовестному лицу, во-первых, извлечь определенные преимущества или блага от содеянного, во-вторых, преодолеть препятствующие в достижении его противоправной цели предписания регулятивных и охранительных правовых норм, не применяя их к возникшему вследствие действий в обход закона правоотношению, и, таким образом, непосредственно не нарушать та-

¹ См.: Уралова А.А. Смешанный договор в «обход закона» // Проблемы современного российского законодательства. М., 2013. С. 251.

кие предписания и, в-третьих, обеспечить видимость законности и латентность неправомерного характера совершенных действий.

3. По результатам исследования выявлены основания для оценки реформы, в ходе которой диспозиция ч. 1 ст. 10 ГК РФ была дополнена общим запретом на обход закона в качестве незавершенной. Системные недостатки в концептуальном обосновании и общее несовершенство технико-юридических аспектов закрепления соответствующего запрета выступают обстоятельствами, потенциально способными дестабилизировать нормальное функционирование института противодействия обходу закона в различных формах. В частности, описанная проблематика способна создать угрозу декларативности соответствующего запрета, его непригодности к практическому применению по причине отсутствия нормативных критериев для квалификации действий в качестве совершенных в обход закона, и, как следствие, невозможности вынесения законного и обоснованного судебного решения о признании определенного деяния соответствующей формой противоправного поведения, что повлечет фактическую незащищенность участников гражданских правоотношений от обхода закона. Другое негативное последствие, актуализирующее необходимость тщательного реформирования института противодействия обходу закона, выражается в том, что действующая редакция п. 1 ст. 10 ГК РФ также обуславливает опасность судебных ошибок, формирования множества разрозненных направлений правоприменительной практики, не отвечающих воле законодателя и назначению соответствующего запрета, что негативно скажется на состоянии законности в области гражданских правоотношений.

Из этого следует, что развитие правовой регламентации института противодействия обходу закона выступает актуальной задачей, требующей особого внимания законодателя, а разработка знаний о сущности обхода закона и механизмов противодействия данной форме злоупотребления правом предстают важными направлениями фундаментальных исследований в области гражданского права.

4. Только в регулятивных и охранительных предписаниях императивных норм гражданского законодательства содержатся правила поведения, устанавливающие общеобязательные и не подлежащие отмене или изменению по соглашению сторон модели поведения участников гражданских правоотношений. С учетом характера видовых отличительных признаков и исключительности функциональных проявлений императивных правовых предписаний логично утверждать, что именно данный вид правовых норм закрепляет предписания, преодоление которых образует ключевую задачу обхода закона для достижения противоправной цели.

5. Расположение ст. 10 ГК РФ в структуре первой части ГК РФ закономерно сказывается на сущности данного запрета, позволяя охарактеризовать его «... исходным и направляющим правовым началом на данном участке общественных отношений...»¹, то есть общим запретом. Принимая во внимание отсутствие нормативных положений, конкретизирующих пределы выполняемой предписанием ч. 1 ст. 10 ГК РФ охранительной функции, констатируем, что требование о недопустимости обхода закона распространяется на исчерпывающий объем норм ГК РФ, вне зависимости от вида таких норм, в том числе — по существующим критериям метода и способа правового регулирования. Таким образом, запрещение обхода всякой императивной нормы, регулирующей гражданские правоотношения, находит выражение в соответствующей части диспозиции п. 1 ст. 10 ГК РФ и образует важную часть от общего смыслового значения названного правового предписания, однако не исчерпывает его формально-логический объем. Если криминализация и административно-правовой запрет показательны специализированы на императивном методе правового регулирования, выражаются в издании или в изменении уже существующих специальных императивных охранительных норм, нарушение которых служит обязательным условием наличия в деянии состава соответствующего преступления или правонарушения, то общее охранительное

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. М., 1989. С. 82.

тельное предписание ст. 10 ГК РФ направлено на противодействие обходу всего множества различных норм гражданского законодательства и иных актов, содержащих нормы гражданского права. При установленной невозможности обхода рекомендательных норм, а также практической неосуществимости обхода поощрительных предписаний аргументирована реальность действий в обход предписаний диспозитивных восполнительных норм частного права.

6. Закрепление запрета на обход закона только в одной отрасли национального права при наличии аргументированных рядом правоведов идей о существовании данной формы злоупотребления правом в иных отраслях как материального, так и процессуального права России, позволяет судить об узости подхода законодателя к интеграции соответствующей охранительной нормы в отечественную правовую систему. В свою очередь, выявленные в ходе формально-юридического анализа концептуальные и технико-юридические недостатки закрепления этой правовой новеллы явно указывают на необходимость ее дальнейшего развития. В перспективе реформирования действующего законодательства видится вполне вероятным закрепление норм, формирующих институт противодействия закону в иных отраслях национального права, в том числе в семейном, трудовом, земельном, жилищном, гражданско-процессуальном и других, что образует еще один существенный детерминант необходимости проведения специализированных фундаментальных исследований сущности и признаков действий в обход закона, выработки концепции по оптимальному закреплению соответствующего запрета в праве либо его реорганизации в иные формы запретов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования представляется возможным охарактеризовать императивные нормы права в качестве *основной, ведущей формы объективизации юридических предписаний во всем российском механизме правового регулирования*. Приведенное умозаключение, выражающее оценку высшего положения императивных норм нормативных правовых актов в системе предписаний иных источников права, а также отправную роль именно этой разновидности норм в обеспечении функционирования механизма правового регулирования, помимо выводов и положений работы, обосновывается также сопоставлением следующих посылок:

только императивным нормам имманентно свойственны все признаки, присущие идеальной модели родового понятия «норма права». Наиболее значимыми в обозначенном контексте предстают признаки *общеобязательности* и *обеспеченности императивных норм мерами государственного принуждения*. Атипичность, выраженная как в отсутствии именно этих атрибутов, так и в их специфичных качествах, присущая неимперативным нормам, влечет ряд закономерных следствий, в том числе наложение значительных ограничений на их регулятивный и охранительный потенциал, что делает данные нормы полностью непригодными или недостаточно эффективными для должного упорядочивания конкретных отношений (в связи с этим показательна точка зрения Ю.А. Серикова, который высказывает суждение о том, что правоотношения, урегулированные рекомендательными нормами права, или нормами права, носящими стимулирующий характер, не подлежат судебной защите¹). Таким образом, выражая мнение об объективной важности, прогрессивности и либеральности закрепления в праве норм, предписания которых основаны на диспозитивном, рекомендательном и поощрительном методах правового регулирования, создающих условия для свободного проявления инициатив личности в разнообразных формах правовой активности

¹ См.: Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006. С. 76.

по поводу достижения законных интересов, мы утверждаем, что в механизме правового регулирования только императивные нормы вследствие их видовых отличительных признаков, являются универсальным, применимым к любой сфере жизнедеятельности общества, а в отдельных, выявленных в ходе исследования случаях, абсолютно безальтернативным инструментом регламентации общественных отношений;

императивные нормы, закрепленные в нормативных правовых актах России, занимают главенствующее положение в системе правовых предписаний прочих источников права России. С опорой на разделяемые нами общие выводы М.И. Байтина о том, что «... именно нормы права выступают в качестве объединяющего, систематизирующего элемента, генерализирующего фактора правовой системы, исходной фундаментальной категории теории государства и права и всей правовой науки»¹, констатируем, что императивные нормы нормативных правовых актов в механизме правового регулирования задают строгие рамки пределов воздействия юридических предписаний всех иных источников отечественного права на правоотношения. В частности, правила *нормативного договора*, одного из источников конституционного, трудового и административного права России, должны отвечать соответствующим предметным отраслевым императивным правовым нормам (например, п. 1 разд. 2 Конституции РФ, ст. 41 ТК РФ). Положения *правового обычая* (обычай делового оборота) применяются только при наличии пробела в праве и при любых обстоятельствах не могут противоречить нормам права (пп. 1, 2 ст. 5, ст. 309 ГК РФ). При особом положении правовых позиций Конституционного Суда РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и действующих разъяснений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, *судебный и административный прецедент* не входит в число источников права России и, как отмечает М.Н. Марченко, даже в зарубежных правовых системах прецедент находится в подчиненном положении по отношению к зако-

¹ См.: Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 174.

ну¹. Что же касается *юридической доктрины*, используемой в правоприменительной практике, то мнения и воззрения как отдельных правоведов, так и теорий научных школ, по объективным причинам не могут выступать непосредственными регуляторами общественных отношений и подменять в этом статусе правовые предписания, однако при соблюдении принципа научной обоснованности правотворчества, они сказываются на смысловом содержании и технико-юридических качествах императивных и иных правовых норм как при их издании, так и при дальнейшей возможной корректировке или отмене.

Приведенные суждения в совокупности с положениями исследования также позволяют сделать выводы о том, что именно признаки и функциональные проявления императивных норм в механизме государственно-правового регулирования вносят большой вклад в формирование общей ценности объективного права России и вследствие свойственной этому виду норм специфичности родовое понятие «правовые нормы» так наглядно выделяется в общей совокупности иных социальных норм. При этом в очевидный диссонанс обоснованному положению из числа всех разновидностей правовых норм, выделяемых по критерию используемого в их предписаниях метода правового регулирования, только познания об императивных нормах права как отправного компонента механизма правового регулирования и одного из центральных понятий теории правовых норм до настоящего момента являются наименее разработанными в юридической науке, что выступает одним из существенных недостатков теории права. Несмотря на то, что настоящая работа вносит определенный вклад в решение рассматриваемых проблем и снижение остроты связанных с ними дискретных последствий, следует указать на отмеченное отсутствие достаточного количества фундаментальных исследований данной разновидности правовых норм в области теории государства и права, сопряженное как с общей статичностью научно-

¹ См.: Теория государства и права. Теория права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Ч. 2. С. 149.

исследовательской активности правоведов в этой сфере, так и с условиями интенсивного развития и усложнения правоотношений. В совокупности данные обстоятельства приводят к нарастанию потребностей науки и практики в соответствующих теоретических познаниях. В качестве важнейших магистральных направлений наиболее востребованных фундаментальных исследований мы выделяем *осмысление самого императивного метода правового регулирования* как важнейшего способа воздействия властного субъекта на регламентируемые общественные отношения. Разработка идей о сущности, проявлениях в праве и пределах использования этого метода в механизме правового регулирования позволят уточнить и локализовать незыблемый правовой статус личности, ее свобод и форм жизнедеятельности, целенаправленное или произвольное вмешательство в которое как со стороны частных лиц, так и со стороны субъектов, наделенных властными полномочиями, выступает неправомерным и недопустимым в современном правовом демократическом государстве. Представляющими особый интерес видятся фундаментальные исследования диалектических взаимосвязей императивного, диспозитивного, поощрительного и рекомендательного методов правового регулирования. Продуктивные научные изыскания в данном направлении выступают необходимым условием постепенной выработки знаний, образующих концептуальный фундамент для деятельности по оптимизации и развитию действующего механизма правового регулирования.

Другой важнейший комплекс требующих внимания правоведов проблемных вопросов связан с *выделением в числе концептуальных начал российского права принципа императивности*. В перспективе фундаментальные исследования в данной области могут не только обогатить представления об исходных, руководящих идеях права, уточнить и дополнить знания о принципе диспозитивности, но и будут способствовать комплексному улучшению качества функционирования механизма правового регулирования за счет существования в позитивном праве тех концептуальных ориентиров, которые

будут задаваться этим принципом законодателю и правоприменителю, упорядочивая деятельность по реализации их властных полномочий.

Настоящее диссертационное исследование не претендует на исчерпывающий характер. Изложенные в работе положения, выводы и умозаключения подлежат развитию и возможной корректировке. Особенно важной предстает *дальнейшая разработка, углубление и расширение познаний об императивных нормах права, закономерностях их возникновения, функционирования и развития в области теории права, структурных и функциональных диалектических взаимосвязях с иными нормами и предписаниями дифференцированных источников права России. Решение этой сложной, трудоемкой и комплексной задачи в числе прочих конструктивных последствий образует теоретический базис для непосредственной реализации соответствующих познаний при проведении фундаментальных и прикладных исследований, раскрывающих специфику использования императивных норм права в каждой отрасли, подотрасли, институте и субинституте российского права в процессе правового регулирования. Две последние, логично взаимосвязанные задачи, ориентируют на создание развернутой системы теоретических и эмпирических познаний, пригодных для использования при изучении, описании и объяснении всего богатства разнообразных правовых явлений и процессов, разнородных социальных связей.*

Консолидация исследовательской деятельности юридического научного сообщества России в обозначенных направлениях выступает не только фактором, обуславливающим рост и переосмысление фундаментальных знаний в области юриспруденции, но и предпосылкой к поиску новых подходов к правовому регулированию общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Нормативные источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986 г.). Конвенция не вступила в силу, но многие ее положения действуют в качестве обычных норм // Международное публичное право: сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 87–113.
3. Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.
5. Комитет министров — государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию: рекомендация Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 // Российская юстиция. 1997. № 6.
6. Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Мальты об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы (Москва, 24 апреля 2013 г.) // СЗ РФ. 2014. № 33. Ст. 4576.
7. Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам (Страсбург, 25 января 1988 г.) // СЗ РФ. 2016. № 12. Ст. 1586.
8. Конвенция о дорожных знаках и сигналах от 8 ноября 1968 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

10. Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I. Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 405–406.

11. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утвержден Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 23 мая 2018 г.) // Российская газета. 1993. 13 марта; 2018. 25 мая.

12. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. 55 т. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии. 1830. Т. 2. 979 с.

13. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. 48 т. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 18: 1767-1769. 1039 с.

14. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака (Женева, 21 мая 2003 г.) // СЗ РФ. 2008. № 46. Ст. 5249.

15. Рекомендация Международной Организации Труда от 24 июня 1936 г. № 47 «О ежегодных оплачиваемых отпусках» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I. Женева : Международное бюро труда, 1991. С. 405–406.

16. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9. 352 с.

17. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 5.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23 мая 2018 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2018. № 22. Ст. 3040.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 23 мая 2018 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2018. № 22. Ст. 3044.

20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 марта 2017 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2017. № 14. Ст. 1998.

21. Гражданский кодекс РСФСР. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1952. 160 с.

22. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2018. № 27. Ст. 3941.

23. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2018. № 27. Ст. 3937.

24. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 5.

25. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 4 июня 2018 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2018. № 24. Ст. 3410.

26. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 19 февраля 2018 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31; 2018. № 9. Ст. 1291.

27. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 22.

28. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 5 февраля 2018 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2018. № 7. Ст. 968.

29. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2018. № 27. Ст. 3940.

30. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 3 июля 2018 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 28. Ст. 4150.

31. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.

32. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4153.

33. Федеральный закон Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 23 мая 2018 г.) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; 2018. № 22. Ст. 3043.

34. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 4 июня 2018 г.) // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2018. № 24. Ст. 3414.

35. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 7 марта 2018 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2018. – № 11. Ст. 1591.

36. Федеральный закон Российской Федерации от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 65.

37. Федеральный закон Российской Федерации от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720; 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4293.

38. Федеральный закон Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (в ред. от 29 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 54.

39. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 7.

40. Федеральный закон Российской Федерации от 4 ноября 2005 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О федеральном бюджете на 2005 год”» // СЗ РФ. 2005. № 45. Ст. 4589.

41. Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (в ред. от 23 апреля 2018 г.) // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 15; 2018. № 18. Ст. 2582.

42. Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 4 марта 2013 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1) Ст. 7627; 2013. № 9. Ст. 873.

43. Федеральный закон Российской Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4159; 2017. № 50 (ч. 3). Ст. 7562.

44. Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (в ред. от 22 января 2018 г.) // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749; 2018. № 5. Ст. 738.

45. Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 10 октября 2014 г. № 03-04-06/51010. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

46. Письмо Федеральной налоговой службы от 14 августа 2015 г. № ГД-4-3/14351@ «О направлении разъяснений». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

II. Судебная практика

47. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижекамскнефтехим” и „Хакасэнерго”, а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. 14 февр.

48. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1997 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15 Закона Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации” в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 6 янв.

49. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью „Агентство корпоративной безопасности,, и гражданина В.В. Макеева» // Российская газета. 2007. 2 февр.

50. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 23 июня 2015 г.) // Российская газета. 1996. 13 авг.; 2015.

51. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (в ред. от 23 июня 2015 г.) // Российская газета. 2003. 26 дек.; 2015.

52. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 2016. 5 дек.

53. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.

54. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Российская юстиция. 1998. № 4.

55. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

56. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2009 г. № 14519/08 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

57. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

58. Постановление Минтруда Российской Федерации от 17 декабря 2002 г. № 80 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке государственных нормативных требований охраны труда» // Бюллетень Минтруда. 2003. № 5.

59. Апелляционное определение СК по гражданским делам Камчатского краевого суда от 31 октября 2013 г. по делу № 33-1543/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

60. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2006 г. № 267-О «По жалобе открытого акционерного общества „Востоксибэлектросетьстрой” на нарушение конституционных прав и свобод положениями частей 3 и 4 статьи 88, пункта 1 статьи 101 НК РФ и части 4 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса РФ» // СЗ РФ. 2006. № 43. Ст. 4529.

III. Научная и учебная литература

61. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М.: Финансовый контроль, 2004. 410 с.

62. *Абдулаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права: учебник. СПб.: Питер, 2003. 576 с.

63. *Азми Д.М.* Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 годы). М.: ЮРКОМПАНИ, 2009. 286 с.

64. *Александров Н.Г., Калинычев Ф.И., Студеникин С.С., Шебанов А.Ф.* Теория государства и права: учебник. М.: Госюриздат, 1958. 307 с.

65. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.

66. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. 360 с.

67. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / под ред. Л.А. Плеханова. М.: Юридическая литература, 1989. 288 с.

68. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. [справ. том]. Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. Т. 3. 781 с.

69. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.

70. *Антокольская М.В.* Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 336 с.
71. *Аржанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С.* Теория государства и права: учебник / под ред. М.П. Карева. М.: Госюриздат, 1949. 511 с.
72. *Байтин М.И.* Сущность права. (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2001. 416 с.
73. *Баранов А.В.* Теория государства и права: учебное пособие / под ред. М.М. Журавлева. Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та. 2014. 138 с.
74. *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 147 с.
75. *Баранов В.М.* Теория юридической ответственности: лекция. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. 58 с.
76. *Барихин А.Б.* Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
77. *Барон Ю.* Система римского гражданского права: в 6 кн. / предисл. В. В. Байбака. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 1102 с.
78. *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения) / пер. с чешск. М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.
79. *Белов В.Е., Соменков С.А.* Гражданское право: общие положения о договорах: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 92 с.
80. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. 92 с.
81. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Юридическая литература, 1976. 216 с.
82. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 416 с.

83. *Винниченко О.Ю., Попов В.И., Романчук И.С.* Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. 616 с.
84. *Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А.* Общая теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. В.А. Кучинского. М.: Изд-во деловой и учебной литературы, 2006. 656 с.
85. *Власенко Н.А.* Коллизионные нормы в советском праве / науч. ред. А.Ф. Черданцева. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1984. 99 с.
86. *Власенко Н.А.* Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд., перераб., доп. и испр. М.: Проспект, 2011. 416 с.
87. *Волков А.В.* Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). М.: Волтерс Клувер, 2010. 960 с.
88. *Волков В.А.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.
89. *Голунский С.А., Строгович М.С.* Теория государства и права: учебник. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.
90. *Грабарь В.Э.* Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. 305 с.
91. *Гущина Н.А.* Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 294 с.
92. *Деготь Б.А.* Классификация норм советского социалистического права по их структуре: учебное пособие / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1977. 58 с.
93. *Денисов А.И.* Основы марксистско-ленинской теории государства и права: курс лекций / отв. ред. Н.Г.Александров, И.Т. Голяков. М., 1948. 469 с.
94. *Денисов А.И.* Теория государства и права. М.: Юридическое изд-во МЮ СССР, 1948. 532 с.

95. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. Т. 1. 584 с.
96. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2005. Т. VII, полутом 2. 564 с.
97. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. 584 с.
98. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. ред.: Е.А. Скрипилев; редколл.: В.М. Корецкий, В.С. Нерсесянц, Е.А. Скрипилев (отв. ред.), Е.М. Штаерман. М.: Наука, 1984. 456 с.
99. *Добробаба М.Б., Лунарев Е.Б., Мокина Т.В.* Общая теория публичных правоотношений. М.: Юрлитинформ, 2011. 280 с.
100. *Заячковский О.А., Маскаева И.И., Усенко Ю.Н.* Теория государства и права: учебное пособие. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2011. 272 с.
101. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / отв. ред. В.Н. Можейко. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 239 с.
102. *Ивановский И.* Словарь юридической терминологии к источникам римского права. Киев; Пг.; Одесса: Изд-во П.И. Бонадурер, 1894. 141 с.
103. *Ильин И.А.* Теория государства и права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 400 с.
104. *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву / отв. ред. С.И. Аскназий. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. 143 с.
105. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
106. *Карабут М.А., Сидоренко Э.Л.* Частные начала в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 212 с.
107. *Карева М.П., Кечекьян С.Ф., Федосеев А.С., Федькин Г.И.* Теория государства и права. М.: Госюриздат, 1954. 445 с.

108. *Карева М.П., Кечекьян С.Ф., Федосеев А.С., Федькин Г.И.* Теория государства и права: учебное пособие / отв. ред. М.П. Карева, Г.И. Федькин. М.: Госюриздат, 1955. 460 с.
109. *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика: учебник для юридических вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1998. 256 с.
110. *Клименко С.В., Чичерин А.Л.* Основы государства и права: пособие для поступающих в юридические вузы. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Прометей, 2004. 365 с.
111. *Колер И.* Введение в науку права (краткий курс правоведения) / пер. с нем. В.А. Гольденберга; под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Вестник Права, 1903. 265 с.
112. *Комаров С.А., Малько А.В.* Теория государства и права: учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. М.: НОРМА - ИНФРА • М, 1999. 448 с.
113. *Кондраков Н.И.* Введение в логику. М.: Наука, 1967. 467 с.
114. *Кондраков Н.И.* Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
115. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009. 160 с.
116. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н. К. Мартынова, Комиссионера Государственной Типографии, 1908. 364 с.
117. *Кохановский В.П.* Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 576 с.
118. *Крусс В.И.* Злоупотребление правом: учебное пособие. М.: Норма, 2010. 176 с.
119. *Крыленко Н.В.* Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП (б.). М.: Красная Новь, 1924. 184 с.
120. *Кудрявцев Ю.В.* Нормы права как социальная информация. М.: Юридическая литература, 1981. 144 с.

121. *Кулапов В.Л.* Рекомендательные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 111 с.
122. *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2011. 486 с.
123. *Кутафин О.Е.* Избранные труды: в 7 т. Предмет конституционного права. М.: Проспект, 2011. Т 1. 448 с.
124. *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Спарк, 1998. 448 с.
125. *Лапшин И.С.* Диспозитивные нормы права. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. 132 с.
126. *Лебедев В.И.* Общая теория права. Популярные лекции для самообразования. СПб.: Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. 79 с.
127. *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. 238 с.
128. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 240 с.
129. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. 288 с.
130. *Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л.* Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
131. *Лушников А.М.* Теория государства и права. Базовый курс: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. 270 с.
132. *Малахов В.П., Эриашвили Н.Д.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 431 с.
133. *Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: КноРус, 2011. 400 с.
134. *Мальшиева И.В.* Механизм правового регулирования: учебное пособие. Новокузнецк: КИ ФСИН России, 2016. 39 с.
135. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е. изд. Т. 20. 827 с.

136. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е. изд. Т. 4. 615 с.
137. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е. изд. Т. 19. 670 с.
138. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / А.М. Айзенберг, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Е.А. Лукашева [и др.]; редколл. Е. А. Лукашева [и др.]. М.: Юридическая литература, 1973. 647 с.
139. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 644 с.
140. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2004. 640 с.
141. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2004. 512 с.
142. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М.: Изд-во Дело АНХ, 2009. 528 с.
143. *Мелехин А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Маркет ДС, 2007. 640 с.
144. *Микешина Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
145. *Недбайло П.Е.* Советские социалистические правовые нормы / отв. ред. В. Г. Сокуренко. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1959. 169 с.
146. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: НОРМА - ИНФА М, 1999. 552 с.
147. *Нефедов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. II: От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 688 с.
148. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов и др. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
149. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М.: Синтег, 2007. 668 с.

150. Нормы советского права. Проблемы теории / В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко и др. / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 248 с.

151. Общая теория государства и права: Общая теория права / Л.И. Антонова, Н.А. Беляев, Г.П. Беляева, Г.Б. Гальперин и [др.]; отв. ред. В.С. Петров, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. Т. 2. 416 с.

152. Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и [др.]; под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр и доп. М.: Изд-во МГТУ им Н.Э. Баумана, 1998. С. 384 с.

153. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. 472 с.

154. *Оксамытный В.В.* Общая теория государства и права: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 511 с.

155. *Основин В.С.* Нормы советского государственного права. М.: Госюриздат, 1963. 110 с.

156. Основы советского права: учебное пособие / под общ. ред. О.С. Иоффе. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Вышэйшая школа, 1970. 600 с.

157. Основы теории государства и права / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, Д.С. Карев, А.Л. Недавний и др.; общ. ред. Н.Г. Александров. М.: Госюриздат, 1960. 439 с.

158. Основы теории государства и права / С.С. Алексеев, П.Т. Васьков, И.Я. Дюрягин, С.Н. Кожевников и др.; отв. ред. С.С. Алексеев. М.: Юридическая литература, 1969. 383 с.

159. Основы теории государства и права: учебное пособие / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, Д.С. Карев, А.Л. Недавний и др.; общ. ред. Н.Г. Александрова. М.: Госюриздат, 1963. 563 с.

160. Основы теории государства и права: учебное пособие / С.С. Алексеев, П.Т. Васьков, И.Я. Дюрягин, С.Н. Кожевников и др.; отв. ред. С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая литература, 1971. 408 с.

161. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. Т. II. 425 с.
162. *Покровский И.А.* История римского права / вступ. ст., пер. с лат., научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. 560 с.
163. *Покровский И.А.* История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Пг.: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. 431 с.
164. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма 2004. 832 с.
165. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.
166. Проблемы теории государства и права: учебник: в 2 ч. / В.А. Затонский, А.Е. Михайлов, А.В. Захаров и др.; под ред. А.С. Мордовца, Р.В. Пузикова. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. Ч. 1. 681 с.
167. *Протасов В.Н.* Правоотношение как система. М.: Юридическая литература, 1991. 143 с.
168. *Протасов В.Н.* Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М.: Новый Юрист, 1999. 240 с.
169. *Рабинович Н.В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. 171 с.
170. *Радько Т.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2015. 608 с.
171. *Радько Т.Н.* Теория функций права. М.: Проспект, 2014. 272 с.
172. *Рассолов М.М., Бастрыкин А.И., Иванов А.А.* Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 471 с.
173. *Рассолов М.М., Малахов В.П., Иванов А.А.* Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие для студентов вузов, обучаю-

щихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 447 с.

174. *Регельсбергер Ф.* Общее учение о праве / пер. И.А. Базанова ; под ред. Ю.С. Гамбарова. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1897. 312 с.

175. *Ренненкамф Н.К.* Юридическая энциклопедия. 4-е изд. СПб.; Киев: Н.Я. Оглоблин, 1913. 302 с.

176. *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. 113 с.

177. *Рыженков А.Я.* Компенсационная функция советского гражданского права. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 96 с.

178. *Самощенко И.С., Фарукишин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1971. 240 с.

179. *Сенякин И.Н.* Принципы права и принципы законодательства: соотношение и взаимосвязь // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2010. С. 128–143.

180. *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 97 с.

181. *Сериков Ю.А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве М.: Волтерс Клувер, 2006. 184 с.

182. Словарь иностранных слов. 11-е изд., стер. М.: Русский язык, 1984. 608 с.

183. Советское право: учебник / Б.Л. Борисов, В.Г. Вердников, И.Г. Гальперин, А.В. Дозорцев и др.; под ред. А.В. Дозорцева. М.: Высшая школа, 1969. 607 с.

184. *Сорокин В.Д.* Избранные труды / предисл. Д.Н. Бахраха, В.В. Денисенко. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 1084 с.

185. *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. Т. 2: Общая часть гражданского права. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929. 376 с.

186. *Суворов Е.Д.* Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М.: Издательский дом В. Ема, 2008. 188 с.
187. *Сумачев А.В.* Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М.: Юрист, 2003. 331 с.
188. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма, 2012. 464 с.
189. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2001. 528 с.
190. *Сырых В.М.* Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.
191. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб и доп. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.
192. *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1917. 534 с.
193. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 264 с.
194. Теория государства и права: учебник / А.И. Денисов, В.Д. Зоркин, А.А. Кененов, Ю.В. Кудрявцев и др.; под ред. А.И. Денисова. М.: Юридическая литература, 1980. 432 с.
195. Теория государства и права: учебник / В.Е. Гулиев, А.И. Денисов, В.Д. Зоркин, Э.Л. Кузьмин и др.; под ред. А.И. Денисова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 531 с.
196. Теория государства и права: учебник / Г.А. Белов, В.В. Борисов, В.Е. Гулиев, А.И. Денисов и др.; под ред. А.И. Денисова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 415 с.
197. Теория государства и права: учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич, А.Л. Недавний и др.; отв. ред. Н.Г. Александров. М.: Юридическая литература, 1968. 640 с.

198. Теория государства и права: учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калининчев, А.В. Мицкевич, А.Л. Недавний и др.; отв. ред. Н.Г. Александров. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юридическая литература, 1974. 664 с.
199. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
200. Теория государства и права: учебник / под ред. О.В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 430 с.
201. Теория государства и права: учебник / С.С. Алексеев, П.Т. Васильков, И.Я. Дюрягин, В.Б. Исаков и [др.]; под ред. С.С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 1985. 480 с.
202. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. 735 с.
203. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. 672 с.
204. Теория государства и права. Теория права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Изд-во «Зерцало-М», 2011. Ч. 2. 336 с.
205. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.
206. *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. 88 с.
207. *Туранин В.Ю.* Теория и практика использования законодательных дефиниций. М.: МЭСИ, 2009. 96 с.
208. *Умнова И.А.* Право мира: Философское и правовое измерения. М.: ИНИОН, 2011. 180 с.
209. *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: курс лекций / науч. ред. М.Н. Марченко. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. 336 с.
210. Философия: учебник / под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма, 2009. 928 с.

211. *Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов.* М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.
212. *Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова.* 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
213. *Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова.* 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
214. *Халфина Р.О.* Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / отв. ред. В.Н. Можейко. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 239 с.
215. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
216. *Хвостов В.М.* Общая теория права: Элементарный очерк. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 152 с.
217. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / под ред. В.Г. Стрекозова. М.: Интерстиль, Омега-Л, 2008. 384 с.
218. *Чашин А.Н.* Теория государства и права: учебник. М.: Дело и сервис, 2008. 687 с.
219. *Чепурнова Н.М., Серёгин А.В.* Теория государства и права: учебное пособие. М.: ЕАОИ, 2007. 465 с.
220. *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты / под ред. Л.А. Карпова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 72 с.
221. *Чичерин Б.Н.* Философия права М.: Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев, 1900. 344 с.
222. *Шебанов А.Ф.* Нормы советского социалистического права: лекция. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. 45 с.
223. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Выпуск первый. М.: Издание бр. Башмаковых, 1910. 805 с.
224. *Шестаков Л.Н.* Императивные нормы в системе современного международного права. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 120 с.

225. *Шундиков К.В.* Механизм правового регулирования: учебное пособие / под ред. А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2001. 102 с.

226. Энциклопедический словарь правовых знаний (Советское право) / ред. колл. В.М. Чхиквадзе и [др.]. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 512 с.

227. Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. М.: Изд-во Ком. Акад, 1927. Т. 2. И - Н. 1457 с.

228. Юридический словарь / гл. ред. С.Н. Братусь, Н.Д. Казанцев, С.Ф. Кечекьян и [др.]. М.: Госюриздат, 1953. 782 с.

229. Юридический энциклопедический словарь / Т.Е. Абова, А.Б. Альтшулер, М.В. Баглай, Г.В. Барабашев и др.; редколл. М.М. Богуславский, М.И. Козырь и др.; гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Советская Энциклопедия, 1984. 415 с.

IV. Статьи в научных журналах и сборниках

230. *Астафьев И.В.* Соотношение процессуальных и материальных норм в конституционном праве Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 4. С. 47–52.

231. *Байтин М.И.* О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.

232. *Баранов А.В.* Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. №4 (22). С. 5–14.

233. *Баранов В.М.* Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.). Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 24–66.

234. *Берг Л.Н.* Генезис теоретических представлений о правовом воздействии в отечественном правоведении // История государства и права. 2014. № 20. С. 27–32.
235. *Бошно С.В.* Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4. С. 49–60.
236. *Брагинский М.И.* О нормативном регулировании договоров // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 69–77.
237. *Вильнянский С.И.* Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 7. Харьков, 1956. С. 3–18.
238. *Волков А.В.* Злоупотребление императивными нормами энергетического права // Международный журнал «Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда». 2016. № (68). С. 60–63.
239. *Волков А.В.* Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 67–81.
240. *Вольфсон В.Л.* Язык догмы: обход невозможен // Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 8–19.
241. *Вопленко Н.Н., Рудковский В.А.* Основные принципы права: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. Вып. 1. С. 5–11.
242. *Грушевская Е.В.* Императивность в гражданском праве: понятие и правовая природа // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 95–97.
243. *Дидык Ю.Д.* Злоупотребление императивными нормами гражданского права // Юрист. 2016. № 22. С. 4–9.
244. *Захарова О.Е.* «Обход закона», мнимые и притворные сделки: взаимосвязь и отличительные особенности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 163–166.
245. *Знак М.А.* Диспозитивность условий привлечения к договорной ответственности в гражданском праве // Юридический журнал. 2008. № 1 (13). С. 87–92.

246. *Каранетов А.Г., Бевзенко Р.С.* Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 4–97.

247. *Куксин И.Н., Матвеев П.А.* Теоретические основы классификации функций права // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 13–18.

248. *Лазаренкова О.Г.* Злоупотребление корпоративными правами: некоторые теоретические и практические аспекты // Гражданское право. 2016. № 1. С. 24–27.

249. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М.: Издание Государственной Думы. 2013. С. 27–45.

250. *Макогон Б.В.* Юридическая природа и ограничительная сущность процессуального права // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 48–53.

251. *Малько А.В.* Запреты как средства правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 3–11.

252. *Матузов Н.И.* О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 5–24.

253. *Морозов С.Ю.* Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 181–191.

254. *Неяскин Д.С.* Исключительные нормы как особая разновидность специальных норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 64–69.

255. *Никитина М.А.* К вопросу об историческом становлении и развитии категории «обход закона» в российском гражданском праве // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 66–67.

256. *Пискунова О.В.* Виды функций правовых норм // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 88–91.

257. *Подшивалов Т.П., Ряполова О.А.* Проблема определенности понятия «обход закона» в российском законодательстве и судебной практике // Законодательство. 2013. № 12. С. 37–43.

258. *Радько Т.Н.* О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград: НИиРИО МВД СССР, 1969. Вып. 1. С. 87–98.

259. *Ряполова О.А.* О правовых последствиях квалификации действий субъектов гражданских прав как обхода закона // Современное право. 2014. № 4. С. 124–128.

260. *Ряполова О.А.* Обход закона в российском гражданском законодательстве // Актуальные проблемы гражданского права: сборник научных трудов. Вып. 3. Минск: Международный университет «МИТСО», 2014. С. 164–172.

261. *Савичев А.А.* Юридический процесс (юридическая процедура) как критерий разграничения материального и процессуального права // Мониторинг правоприменения. 2012. № 3. С. 45–47.

262. *Сумачев А.В.* Диспозитивность в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 66–79.

263. *Сырых В.М.* Материалистическая диалектика как метод познания права и современность // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 123–164.

264. *Тархов В.А.* Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. № 2. С. 33–40.

265. *Уралова А.А.* Смешанный договор в «обход закона» // Проблемы современного российского законодательства. М.: Изд-во Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2013. С. 250–256.

V. Диссертации и авторефераты диссертаций

266. *Абрамова А.А.* Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 206 с.
267. *Азми Д.М.* Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 44 с.
268. *Барзилова Ю.В.* Юридические обязанности как элемент правового статуса личности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 199 с.
269. *Белоусов С.А.* Компетенционные нормы российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 30 с.
270. *Богданова Е.Е.* Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 50 с.
271. *Грушевская Е.В.* Императивность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 25 с.
272. *Евстигнеев Э.А.* Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.
273. *Ем В.С.* Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 209 с.
274. *Жильцов А.Н.* Применимое право в международном коммерческом арбитраже: императивные нормы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 214 с.
275. *Игнатенкова К.Е.* Дозволение как способ правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 229 с.
276. *Каримова Р.Р.* Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 228 с.
277. *Клюня А.Ю.* Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.
278. *Ковалева В.В.* Нормативные правовые акты в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

279. *Ковалева Ю.В.* Императивность в договорном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 231 с.
280. *Кулапов В.Л.* Рекомендательные нормы советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981. 209 с.
281. *Лапшин И.С.* Диспозитивные нормы российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 29 с.
282. *Лапшин И.С.* Диспозитивные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 165 с.
283. *Летяев В.А.* Рецепция римского права в России XIX – начале XX вв. (Историко-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 44 с.
284. *Лучков В.В.* Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 208 с.
285. *Михайлов А.В.* Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 180 с.
286. *Муранов А.И.* Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 272 с.
287. *Нарыкова С.П.* Системный подход к исследованию механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 180 с.
288. *Пашацкая Л.В.* Принципы добросовестности и свободы договора в договоре розничной купли-продажи: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 208 с.
289. *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 60 с.
290. *Пискунова О.В.* Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с.

291. *Рудаков А.А.* Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 197 с.
292. *Рыбушкин Н.Н.* Реализация запрещающих норм советского общенародного права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1986. 172 с.
293. *Рябов А.Е.* Юридические факты в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 202 с.
294. *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. 19 с.
295. *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. 194 с.
296. *Суворов Е.Д.* Проблемы правовой квалификации сделок и иных действий, совершенных в обход закона: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 233 с.
297. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 59 с.
298. *Ткаченко С.В.* Рецепция римского права: вопросы теории и истории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 18 с.
299. *Толмачев В.В.* Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 173 с.
300. *Томилова Ю.Ю.* Охранительные правоотношения в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 220 с.
301. *Хохлова Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 169 с.
302. *Хохлова Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 26 с.
303. *Цикунов Е.А.* Злоупотребление правом в сфере налогов и сборов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

304. *Швыркин А.А.* Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 216 с.

305. *Штода И.С.* Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 156 с.

306. *Яценко Т.С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис... д-ра юрид. наук. М., 2016. 363 с.